

А.Б. Широков

ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФУГАС
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ВОЕННЫЕ
ВОЙНЫ

Александр Борисович Широкопад Прибалтийский фугас Петра Великого

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181801

Прибалтийский фугас Петра Великого / А.Б. Широкопад.: АСТ: АСТ Москва; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-050418-3; 978-5-9713-7837-2

Аннотация

С начала XVIII века Прибалтика свыше 200 лет находилась в составе России. Без всякого преувеличения, она была самым спокойным регионом империи. Однако в 1941–1944 гг. Прибалтика оказалась единственной оккупированной Гитлером территорией Европы, большая часть населения которой сражалась на стороне немцев. А в 1990 г. именно Прибалтийские республики инициировали развал Советского Союза. В представленной монографии автор попытался найти причины этого феномена в тысячелетней истории региона.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	52
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Александр Широкоград

Прибалтийский фугас Петра Великого

Глава 1

Битва за Западную Двину

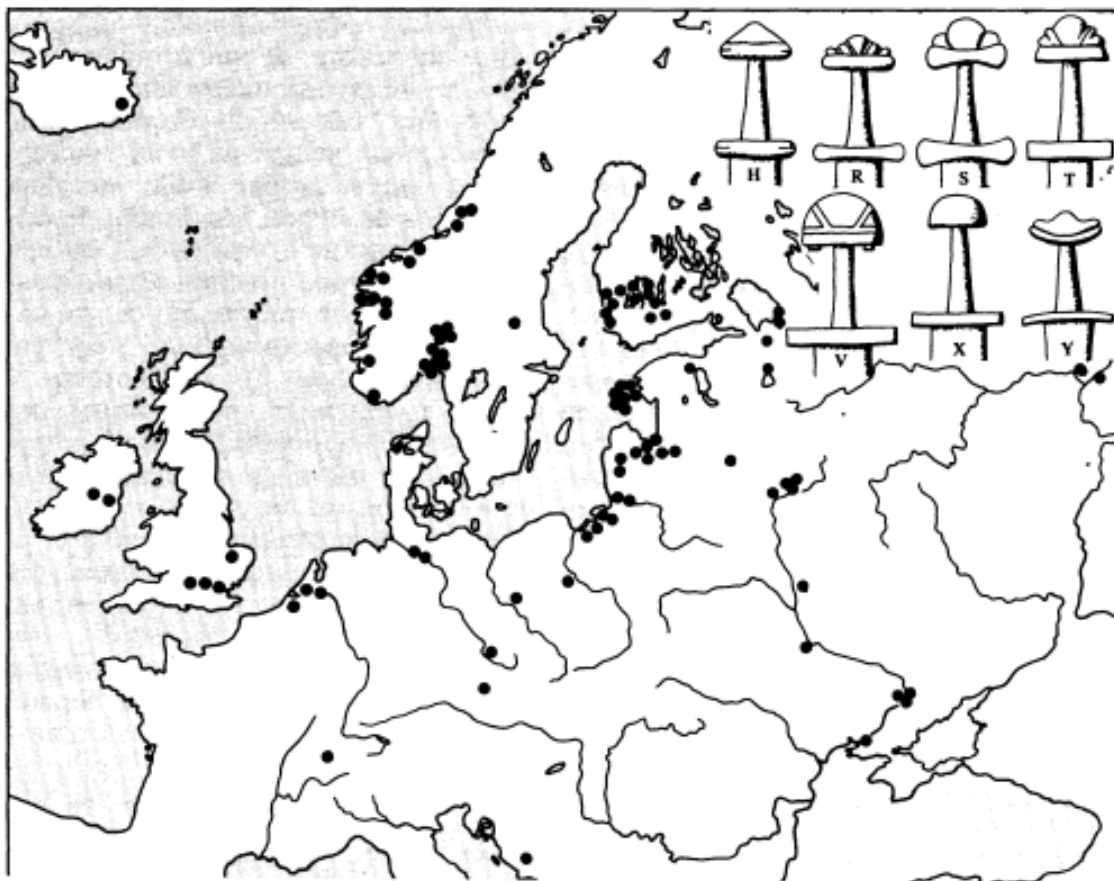
«Тому уже 600 лет, как великий государь русский Георгий Владимирович, называемый Ярославом, взял землю Ливонскую всю и в свое имя поставил город Юрьев, в Риге и Колывани церкви русские и дворы поставил и на всех ливонских людей дани наложил. После, вследствие некоторых невзгод, тайно от наших прародителей взяли было они из королевства Датского двух королевичей. Но наши прародители за то на ливонских людей гнев положили, многих мечу и огню предали, а тех королевичей датских из своей Ливонской земли вон выслали. Так Фредрик король в наш город Колывань не вступался бы».
Из письма Ивана Грозного датскому королю Фредерику II

События 1990–1992 гг. в Прибалтике оказались неожиданностью лишь для тех, кто не знал истории этого края. Чтобы понять происшедшее и оценить перспективы развития отношений России и Прибалтийских республик, нам надо вернуться на много веков назад.

Палеолитические племена появились в Прибалтике около 10 тысяч лет назад, вслед за отступившим ледником. В III тысячелетии до н. э. сюда проникает культура ямочно-гребенчатой керамики, которая, как полагают, была характерна для финских охотничьих племен, мигрировавших с востока. Тогда же, в III тысячелетии до н. э., на территорию Эстонии пришли предки славян – скотоводы и земледельцы балтославяне, с их ладьевидными каменными топорами и шнуровой керамикой. Стоянки и родовые (групповые) грунтовые могильники балтославян III–II тысячелетия до н. э. обнаружены по всей Эстонии.

Предположительно в I тысячелетии до н. э. здесь появляются и восточные славяне, возможно, слившиеся с балтославянами.

В VI–VII веках в Прибалтике появляются славяне-кривичи. Практически вся материковая Эстония покрыта их длинными курганами. В 1979 г. на территории Эстонии насчитывали 1432 каменных могильника, 984 длинных кургана и 306 грунтовых могильников балтославян; соотношение русских (славянских) и эстонских могильников – один к одному.

Места находок мечей Ульфберта свидетельствуют о контроле варяго-русов над стратегически важными районами Прибалтики

В VIII–X веках через Финский залив и Западную Двину проходил знаменитый путь «из варяг в греки». По нему русы, то есть дружины из норманнов и славян, проходили в обоих направлениях из Северной Европы по Днепру и дальше в Византию, на Волгу и дальше в восточные страны.

В устье Западной Двины, в Гробини у Либавы (Лиепай) найдено поселение скандинавского типа, находка датируется 650–850 гг. Такие же поселения найдены на острове Саарема (Купигуста), на западном побережье Эстонии (Лизула) и на крайнем северо-западе (Прооза на территории Таллина).

С созданием Древнерусского государства все территории вдоль Западной Двины переходят под контроль киевских князей. В «Повести временных лет» сказано: «И се суть инии языце, иже дань дают Руси: Чудь (эсты)... Ямь (емь – финны), Литва (Аукштайте), Зимегола (Земгалия), Корсь (литовское племя на Нижнем Немане), Нерома (Жемайте), Либь (Ливы)».¹

После смерти киевского князя Владимира Святого земли бассейна Западной Двины в ее среднем и нижнем течении попадают под власть его внука – полоцкого князя Брячислава Изяславича. Ярослав Мудрый, а затем и его преемники несколько раз пытаются подчинить себе Полоцкое княжество, но каждый раз терпят неудачу.

При князе Всеславе, сыне Брячислава Изяславича, на Западной Двине в городках Герцике, Кукейнойсе и других находятся полоцкие гарнизоны. В жизнь же местного населения – семигаллов и ливов – русские не вмешиваются, за исключением сбора небольшой дани.

¹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. II. Стб. 8.

Полоцкий князь Всеслав умер 14 апреля 1101 г. и, во избежание уособицы, его старший сын Роман получил Полоцк, а другие сыновья – уделы в составе полоцкой земли: Витебский, Минский, Городецкий (центр – нынешний город Гродно) и Друцкий. Однако эта мера лишь ослабила Полоцкое княжество. Роман Всеславич умер в 1114 г. бездетным, и его братья вступили в войну за полоцкий престол.

В довершение смут внутренних на Полоцкое княжество в течение всего XII века совершали набеги литовцы.

В 1158 г. к устью Западной Двины, где обитали племена ливов, платившие дань полоцким князьям, был прибит бурей корабль бременских купцов. Ливы, согласно бытовавшему в те времена «береговому праву», попытались захватить корабль, но были отбиты немцами. После этого началась торговля. Обмен оказался столь выгодным для бременцев, что они стали постоянно ездить с товарами к устью Двины. Торговля была выгодна и ливским вождям, и они разрешили купцам построить в устье Двины укрепленную торговую факторию Уксуль (Икшкиль), а затем и вторую факторию Далеп.

О постройке факторий и о выгодной торговле с ливами вскоре узнал и бременский архиепископ. Упустить такую выгоду архиепископ никак не мог, но на всякий случай обратился за санкцией на вторжение в земли ливов к папе римскому. Надо ли говорить, что папа Александр III согласился с мнением архиепископа и велел направить в Ливонию миссионеров.

Вскоре миссионеры с отрядом воинов прибыли в Уксуль. Возглавлял их монах-августинец Мейнгард. Монах был хитер и, прежде чем начать проповеди среди ливов, отправился за разрешением к полоцкому «королю» Владимиру. Монах прибыл в Полоцк вместе с бременскими купцами и был тих и кроток. Князь, не мудрствуя лукаво, дал разрешение на «проповедь слова Божьего». Кроме того, монах обещал «королю» помощь германских рыцарей в борьбе с набегами ливов. Владимир дал согласие. Оправдывая ошибку князя, следует сказать, что только столетие прошло с момента разделения православной и католической церкви (в 1054 г.), в Полоцке могли и не знать нюансы взаимоотношений константинопольского патриарха и папы римского. Да и полоцкие князья отличались от киевских веротерпимостью. Историки не располагают данными о каких-либо преследованиях язычества в Полоцком княжестве и на его вассальных территориях.

Мейнгард начал вести проповеди среди ливов. А чтобы проповедовать, нужны церкви. Немцы построили их на самых крутых холмах. А чтобы защитить церкви, вокруг них возвели каменные стены с многочисленными башнями. Так появились каменные крепости Уксуль, Гольм и другие. Все шло хорошо, да ливы не изъявляли особого желания креститься. Мало того, уже крещеные туземцы стали перекрещиваться обратно – погружаться в воды Двины, дабы смыть с себя крещение и отослать его обратно в Германию. А поскольку ливы платили дань полоцкому князю, то платить еще десятину в пользу папы римского им явно не улыбалось.

Мейнгард попытался применить силу, но у ливов был многократный перевес. Тогда Мейнгард по традиции обратился к папе с просьбой организовать хотя бы небольшой крестовый поход и заставить ливов платить. В 1186 г. бременский архиепископ рукоположил Мейнгарда епископом вновь основанного «Икшкильского епископства в Руси» (!). Но в 1196 г. Мейнгард умер, так и не дождавшись крестоносцев. На его место из Бремена оперативно прислали нового епископа Бартольда.

По прибытии Бартольд велел собрать ливских старейшин и объявил им, что надо креститься и платить, а то, мол, братва крестоносная из-за моря придет. Когда Бартольд удалился, вожди начали думать, что делать. Разгорелся жаркий спор. Одни предлагали Бартольда сжечь вместе с его храмом, другие без лишних церемоний хотели утопить епископа

в Двине. Пока шли дебаты, какая-то добрая душа побежала к епископу, а тот, естественно, кинулся на корабль и убыл в Германию.

Бартольд написал папе слезное послание о своем печальном положении. Папа объявил отпущение грехов всем, кто отправится в крестовый поход против ливов, и вокруг Бартольда собрался значительный отряд крестоносцев, с которыми он и отправился назад в Ливонию. Туземцы вооружились и послали спросить епископа, зачем он привел с собой войско? Бартольд ответил, что войско пришло для наказания отступников, на что ливы сказали ему: «Отпусти войско домой и ступай с миром на свое епископство: кто крестился, тех ты можешь принудить оставаться христианами, других убеждай словами, а не палками». В ответ конные крестоносцы построились «свиньей» и двинулись на толпу ливов. Впереди скакал с копьем сам епископ. В сражении Бартольд был убит, но крестоносцам удалось одержать победу.

Немцы предали огню и мечу окрестные земли. Ливы были вынуждены креститься, и их обложили большой данью. Но как только основные силы крестоносцев убыли в Германию, ливы начали отмыкаться от крещения в Двине. Расставленные у дорог массивные деревянные распятия клали на плоты и отправляли вниз по течению в Балтийское море. Всем католическим священникам и рыцарям было приказано отдать награбленное и без багажа садиться на корабли. Купцов и их имущество ливы не тронули.

Но через несколько месяцев в устье Двины появилось 23 корабля с рыцарями-крестоносцами. Вместе с ними прибыл и новый епископ Альберт фон Буксгевден. Последний оказался довольно гибким и умным политиком. Для начала он позвал местную знать на большой пир. Внезапно по приказу епископа вожди ливов были схвачены. Их освободили лишь после нового принудительного крещения. Кроме того, в заложники было взято 30 сыновей знати, которых отправили в Германию.

Альберт заменил ливам зерновую десятину небольшим натуральным оброком. Вместе с тем епископ понял, что удержать край в повиновении с помощью набегов крестоносцев невозможно. Нужно было стать твердой ногою на новом месте, строить города и замки.

В 1200 г. епископ Альберт основал в устье Двины город Ригу. Через год он перенес в новый город свою резиденцию. После этого и само епископство стало именоваться Рижским. Но мало было основать город, его надо было заселить, и Альберт сам ездил в Германию набирать колонистов. Но одного города, населенного немцами, было недостаточно. Население его не могло предаваться мирным занятиям, так как должно было вести непрерывную борьбу с ливами, следовательно, нужно было военное сословие, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться с коренным населением. Для этого Альберт стал вызывать рыцарей из Германии и давать им замки в ленное владение. Но рыцари ехали крайне неохотно. Тогда Альберт решил основать орден «воинствующей братии» по образцу военных орденов в Палестине. Папа Иннокентий III одобрил эту идею, и в 1202 г. был основан орден рыцарей Меча, получивший устав Храмового ордена. Рыцари ордена носили белый плащ с красным мечом и крестом, вместо которого позже стали нашивать звезду. Первым магистром ордена был Винно фон Рорбах.

Первое время отношения между орденом и рижским епископом были хорошие, но через несколько лет они испортились, и фон Рорбах перенес свою резиденцию из Риги в крепость Венден.

Полоцкие князья вовремя не осознали угрозы, которую им и другим русским княжествам несут немцы. Лишь в 1203 г. полоцкий князь Владимир с дружиной внезапно осадил Укскую. Немцы выплатили ему большой выкуп, и Владимир пошел осаждать крепость Гольм. Однако там немцы отразили штурм с помощью метательных машин, бросавших на осаждающих тяжелые камни и бревна. Владимир был вынужден увести свою дружину в Полоцк.

В 1206 г. полоцкий «король» Владимир осадил замок Гольм. «Русские же, не знавшие арбалетов, но привычные к стрельбе из луков, бились много дней и ранили многих на стенах; собрав большой костер из бревен, они старались поджечь укрепления, но старания эти были тщетны, а при сборе дров многие из них пали, сраженные арбалетчиками. Поэтому король послал гонцов к жителям Торейды, к литам и к окрестным язычникам, чтобы все они выступили в поход против рижан. Люди из Торейды тотчас же с радостью собрались к королю, и тем, кто пришел, было поручено единственное: собрать дрова для поджога замка. А так как доспехов у них не было, то, пока они собирали, многие из них были убиты неожиданными выстрелами. Литы же и сами не пришли, и гонцов не прислали. Сделали русские и небольшую метательную машину по образцу тевтонских, но, не зная, как метать камни, они ранили многих своих, попадая в тыл. Тевтоны из-за своей малочисленности – их было всего двадцать человек – опасались предательства со стороны ливов, которых было много в замке, днем и ночью оставались на стенах в полном вооружении, охраняя замок и от друзей внутри, и от врагов снаружи. Ливы же вместе с королем ежедневно искали способы как бы, захватив их хитростью, передать в руки русским, и если бы не сократились дни войны, то едва ли рижане и жители Гольма при их малочисленности могли бы защищаться...»²

Лишь когда разведчики донесли «королю», что в море у Риги замечена эскадра кораблей, он приказал снять осаду Гольма.

Любопытно, что о деятельности полоцкого «короля» Владимира мы знаем исключительно из германских рифмованных хроник, которые упоминают о нем на протяжении 32 лет. В русских же летописях и родословных о князе Владимире нет ни слова. Это связано с тем, что полоцкая династия Брячиславичей была обособлена от остальных князей Рюриковичей, и те периодически пытались захватить Полоцк. А позже, к концу XIII века, Полоцкое княжество попало под власть литовских князей, которых мало интересовали архивы их предшественников. Мало того, литовские князья утверждали, что Полоцк был их исконной вотчиной, и скорей всего старые летописи были сожжены по их приказу.

Следует заметить, что в германских рифмованных хрониках XII–XIII веков под термином «христиане» понимаются исключительно немцы, противниками же христиан являются язычники и русские. Русских пока еще не называют даже схизматиками.

В 1207 г. кукейносский князь Вячеслав Борисович (Вячко),³ вассал полоцкого князя, попросил помощи у Рижского епископа в борьбе с набегами воинственных литовцев. По германской версии, князь предложил епископу половину земли, если тот «защитит его от варваров». А пока шли переговоры, немецкий рыцарь Даниил фон Леневарден внезапно напал на Кукейнос и захватил его, а князя Вячеслава заковал в кандалы.

Епископ сумел уговорить Даниила отпустить князя. Вячеслава привезли в Ригу, там епископ подарил ему дорогие одежды и несколько коней. Затем князя отпустили в Кукейнос, но не одного, а с немецким гарнизоном.

Вячеслав сумел по достоинству оценить «заботу» немцев. Улучив момент, когда большая часть немцев была занята на строительстве укреплений Кукейноса, княжеская дружина напала на них. Лишь трем немцам удалось бежать в Ригу. Вячеслав послал гонцов в Полоцк. «Король» Владимир начал собирать войско, но задержался. Епископ Альберт опередил его и с отрядом рыцарей подошел к Кукейносу.

Согласно германской хронике, при штурме Кукейноса было убито 500 русских дружинников, а сам Вячеслав с двумястами дружинниками бежал в Юрьев. Как писал С.М. Соловьев: «...окруженные туземцами в глубине дремучих лесов своих искали спасения от

² Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002. С. 113.

³ Вячеслав был сыном полоцкого князя Бориса Давидовича, который, в свою очередь, был внуком знаменитого полоцкого князя Всеслава Брячиславича Чародея.

мстительности пришельцев, но не всем удалось найти его: немцы преследовали их по лесам и болотам и если кого отыскивали, то умерщвляли жестокою смертью».⁴

В 1209 г. епископ Альберт решил захватить город Герсик (Герцике), где правил русский князь Всеволод, женатый на дочери могущественного литовского князя. Всеволод, по мнению немцев, оказывал поддержку литовцам, совершавшим набеги на район Риги.

О разгроме Герсика нам известно из Ливонской хроники: «Собрав войско со всех областей Ливонии и Леттии, он [епископ Альберт. – *А.Ш.*] вместе с рижанами, пилигримами и всем своим народом пошел вверх по Двине к Кукейносу...

Русские, увидев издали подходящее войско, бросились к воротам города навстречу им, но когда тевтонцы напали на них с оружием в руках и некоторых убили, то не смогли сопротивляться и бежали. Преследуя их, тевтоны ворвались в ворота, но из уважения к христианству убивали лишь немногих, больше брали в плен или позволяли спастись бегством. После взятия города женщин и детей пощадили и многих пленили. Король, переправившись в лодке через Двину, бежал со многими другими, но королева была схвачена и представлена епископу с ее девушками, женщинами и всем имуществом. В тот же день все войско оставалось в городе; собрали по всем закоулкам большую добычу, захватили одежду, серебро, пурпур и много скота, а из церквей – колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра и все это увезли с собой, вознося хвалу Господу за то, что так неожиданно он даровал им победу над врагами и позволил без потерь войти в город.

На другой день, разграбив все, приготовились к возвращению, а город подожгли. Глядя на пожар с другой стороны Двины, король с тяжкими вздохами и причитаниями восклицал: «О, Герцике, милый город! О, наследие отцов моих! О, нежданная гибель моего народа! Горе мне! Зачем я родился, чтобы видеть пожар моего города и уничтожение моего народа!»

После этого епископ и все войско, разделив между собой добычу, с королевой и всеми пленными возвратились в свою землю, а королю было предложено прийти в Ригу, если только он еще хочет заключить мир и получить пленных обратно. Явившись, тот просил простить его поступки, называл епископа отцом, а всех латинян братьями во Христе, и умолял забыть бывшее зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленных».⁵

В итоге Всеволоду вернули жену, но заставили его стать вассалом епископа.

Война между крестоносцами и полоцким «королем» шла с переменным успехом. В 1210 г. рижские немцы были вынуждены заключить «вечный мир» с Владимиром. Полный текст договора до нас не дошел, но в рифмованной хронике говорится, что рижский епископ платил «королю» ежегодную дань. Надо полагать, что в договоре были выгодные для русских условия прохода торговых караванов по Западной Двине.

Весной 1216 г. эсты из приморских областей и острова Эзель (Саарема) прислали послов к полоцкому «королю» с предложением захватить Ригу и устье Западной Двины. «Король» собрал большое войско, но, поднимаясь на корабль, Владимир внезапно упал и умер. Поход был отменен.

Судя по всему, после смерти Владимира в Полоцком княжестве началась ожесточенная борьба за власть. А в 1223 г. Полоцк на некоторое время был захвачен смоленскими князьями. Все это позволило крестоносцам закрепиться в нижнем течении Западной Двины. Таким образом, этот выход к морю оказался закрытым для Руси на целых пять столетий.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 636.

⁵ Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 117–118.

Глава 2

Война в Эстляндии

Поначалу русские летописцы не придавали особого значения действиям русских князей в Прибалтике. Вот, к примеру, краткая запись под 1030 годом: «В то же лето пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил град Юрьев».⁶

В данном случае под термином «чудь» подразумеваются эсты. Вообще же чудью (чухонцами) русские именовали все угро-финские племена. Юрьевым город был назван в честь самого князя.⁷ Юрий – это христианское имя Ярослава Мудрого. Первые два века христианства на Руси князья в большинстве случаев имели два имени – русское языческое и христианское.

Видимо, тогда же был основан и город Колывань на месте нынешнего Таллина.⁸ Эсты стали данниками русских князей. Русские в отличие от немцев ограничивались выплатой дани, практически не вмешиваясь в быт и религиозные верования населения Прибалтики.

Несколько слов стоит сказать и о стратегическом значении города Юрьева. Наши историки много говорят о водных путях на Балтику через Неву или Северную Двину, но не упоминают о водном торговом пути через... центральную Эстляндию. А ведь через нее в IX–XV веках шло значительное число товаров в Псков и далее на Днепр и Волгу.

На старинных германских картах Эстляндии весь этот водный путь именовался Эмбах (Эмайыги). Сейчас же это название относится только к реке, текущей из озера Выртсьярва в Чудское озеро (р. Эмбах).

На этой-то реке и построил город Ярослав Мудрый. Поднимаясь по Эмбаху до озера Выртсьярва, ладьи затем входили в устье реки Тянасилма и поднимались на 34 км вверх по течению до небольшого озера Вильянди. Пройдя 4,5 км по озеру, ладьи шли 34 км по речке Раудне, которая затем впадает в Халисте (7,6 км), а та – в Навести, последняя же впадает в реку Пярну (38 км). Ну а Пярну, как известно, впадает в Балтийское море.

Примерно в 1130 г. племя чудь захватило Юрьев и перебило местных жителей. В 1133 г. черниговский князь Всеволод Ольгович совершил поход на Юрьев – город был возвращен, а чудь основательно побита.

В 1210 г. русское войско совершило поход в Угаунию (Уггеноис) – территорию западнее Чудского озера. Видимо, поводом стала невыплата дани чухонцами. Возглавляли войско новгородский князь Мстислав Мстиславич Удалой и его брат псковский князь Владимир Мстиславич. Русские осадили большую крепость Оденпе (Отепя, Медвежья Голова). После 8 дней осады чухонцы сдались и выплатили русским 400 серебряных монет. При этом часть чухонцев крестились по православному обряду, причем делали это добровольно.

Вскоре после ухода русской дружины к Оденпе подошли войска крестоносцев из Риги. Город был взят и сожжен, а окрестное население насильно крещено по католическому обряду. Соответственно, выплата дани в Псков прекратилась.

Замечу, что крестоносцы действовали не только кнутом, но и пряником. Немцам удалось сделать своим «агентом влияния» псковского князя Владимира Мстиславовича. Князь даже выдал свою дочь за брата епископа Альберта. Это не понравилось псковичам, и в 1213 г. они выгнали Владимира из города. Владимиру пришлось бежать к зятю в Ригу, где ему дали в управление Идумейскую область между Ригой и Венденом.

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. I. Стб. 149.

⁷ Г. Юрьев в 1224–1893 гг. официально назывался Дерпт, в 1893–1919 гг. – Юрьев, с 1919 г. – Тарту.

⁸ В 1219–1917 гг. официально назывался Ревель.

Жизнь у немцев князю пришлась не по душе, и он убежал обратно в Псков. Горожане его простили, и он с псковскими и новгородскими ратями в феврале 1217 г. двинулся к Медвежьей Голове.⁹

Магистр венденских меченосцев¹⁰ Бертольд внезапно напал на русский лагерь. Но новгородцы быстро оправились и контратаковали немцев. Рыцари были разбиты, Владимир Мстиславович взял в плен своего зятя Теодориха и привез его в Псков.

К русским присоединились много эстов. «Пошел с ними и король Псковский Владимир со своими горожанами, и послали гонцов по всей Эстонии, чтобы приходили осаждать тевтонов и угаунийцев в Одемпе. И явились не только эзельцы и гарионцы, но и сакальцы, уже давно крещенные, надеясь таким образом сбросить с себя и иго тевтонов, и крещение. И пришли они навстречу русским, и осадили вместе с ними замок Одемпе, и бились с тевтонами и другими, кто был там, семнадцать дней, но не могли причинить им вреда, так как замок был весьма крепок. Но лучники епископа, находившиеся в замке, и братья-рыцари со своими арбалетами ранили и убили многих русских. Точно так же и русские ранили стрелами из своих луков некоторых в замке...

И когда епископы и братья-рыцари услышали об осаде, они послали на помощь своим около трех тысяч воинов. И отправились с ними магистр рыцарей Волквин, и Бертольд Венденский, и Теодорих, брат епископа, вместе с ливами, летами и некоторыми пилигримами. И дошли они до озера Ристегерве, где встретили мальчика, шедшего из замка. Они взяли его в проводники, с наступлением утра подошли к замку и, оставив справа эзельцев, двинулись на русских и бились с ними. Русских и эзельцев было без малого двадцать тысяч, поэтому, испугавшись такого множества, они отошли в замок. И пали тут некоторые из братьев-рыцарей, храбрые мужи, Константин, Бертольд и Элиас и кое-кто из семьи епископа, а остальные все невредимыми достигли замка. И из-за множества людей и коней в замке начался голод, не хватало еды и сена, и стали кони объедать хвосты друг у друга. Так же и в русском замке был недостаток во всем. Наконец, на третий день после столкновения начались переговоры с тевтонами.

И был заключен мир с ними, но с условием, чтобы тевтоны все покинули замок и вернулись в Ливонию. И позвал Владимир зятя своего Теодориха пойти с ними в Псков, чтобы скрепить там мир. И поверил тот и вышел к нему. А новгородцы тут же вырвали Теодориха из рук его и пленником увели с собой».¹¹

Так рассказано об этом походе в «Хронике Ливонии». Русские же летописи почему-то не упоминают о потерях немцев, сказано лишь, что у них убито три главных воеводы и взято 700 лошадей. Надо полагать, рыцари отдали 700 лошадей не по доброй воле.

Осенью 1217 г. старейшина Сакала Лембит поднял против немцев большую часть эстонских племен. Он послал гонцов в Новгород за помощью. Однако в то время новгородский князь Мстислав Удалой отправился в поход против венгерского короля. И новгородцы взяли себе в князя Святослава, сына киевского князя Мстислава Романовича. Тот обещал помочь Лембиту и стал собирать войско.

К началу сентября на северной границе Сакала, у берегов реки Пала (Навести) собрались не менее шести тысяч воинов из Ляэнемаа, Харьюмаа, Вирумаа, Рявала, Ярвамаа и Сакала. 15 дней они ждали русское войско, но оно так и не подошло. Причиной этого скорее всего послужил конфликт новгородского веча и Святослава. Тому горожане «показали путь», а взамен позвали его брата Всеволода.

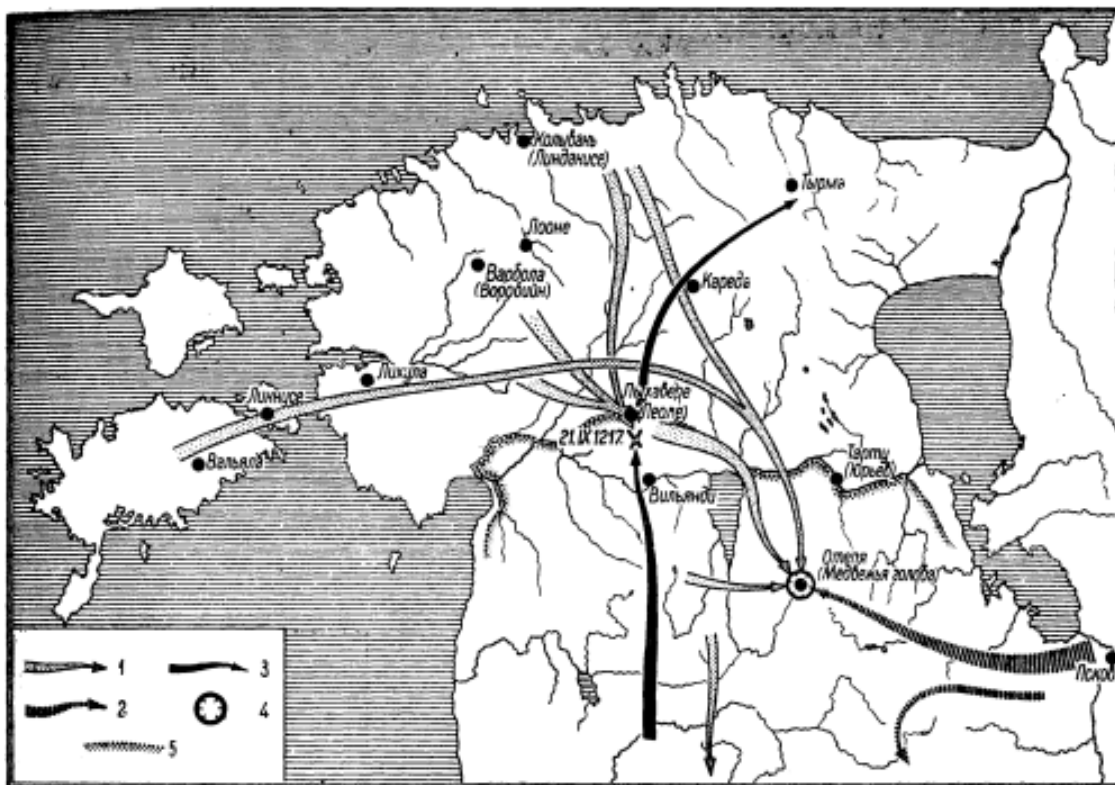
⁹ Одемпе, с 1917 г. – город Отепя.

¹⁰ Замок Венден был построен немцами в 1208 г.

¹¹ ?Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 125–126.

К этому времени из Германии прибыл в Ригу граф Альберт фон Левенборх с отрядом рыцарей. Объединившись с местными крестоносцами, он с тремя тысячами всадников отправился к Сакала. Лембит выступил навстречу рыцарям.

21 сентября 1217 г. недалеко от Вильянди состоялось решительное сражение. Немецкому клину («свинье») удалось прорвать центр эстонского войска, а затем полностью разгромить его. Сам Лембит был убит, а его голову доставили в Ригу и выставили на всеобщее обозрение.

Борьба с немецкими захватчиками в 1217 году. 1 – войска эстонцев; 2 – войска русских; 3 – войска немецких захватчиков; 4 – осада и взятие городищ эстонскими и русскими войсками; 5 – граница территории, оккупированной захватчиками к 1216 году.

В 1218 г. епископ Рижский, Эстонский и Семигальский вместе с графом Альбертом отправились к датскому королю Вальдемару II. Король Вальдемар к тому времени показал себя опытным полководцем. К 1215 г. он захватил Голштинию и ряд других северогерманских земель. Они «слезно просили его направить в следующем году свое войско на кораблях в Эстонию, чтобы смирить эстов и прекратить их совместные с русскими нападения на Ливонскую церковь. И когда король узнал о великой войне русских против ливонцев, он пообещал на следующий год прийти в Эстонию с войском как ради славы Пресвятой Девы, так и во отпущение грехов своих».¹²

Подчеркиваю, что это не я сказал «слезно просили», это утверждал современник – автор рифмованной хроники.

А тем временем в Риге крестоносцы готовились к новому походу на север Эстляндии и на остров Эзель. Двинуться решили после 15 августа 1218 г. «И собрались рижане вместе с ливами и литами, и пошли с ними Генрих Бореви́н¹³ и магистр Волквин со своими братьями.

¹² Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 127.

¹³ Генрих Бореви́н – сын Придислава, князя славян-ободритов. Генрих принял крещение осенью 1164 г. В Ливонию он во главе отряда Мекленбургских рыцарей прибыл вместе с графом Альбертом фон Левенборхом.

И подошли они к Сакале, где обыкновенно бывало место молитв и сговора войска. Граф Альберт повелел устроить там мост, и было там же решено разграбить Ревельскую область».¹⁴

Но когда крестоносцы достигли замка Вилиенде, разведчики донесли о приближении русского войска, которое вели князь Новгородский Всеволод Мстиславич и князь Псковский Владимир Мстиславич. Русское войско форсировало реку Эмбах, которую эстонцы называли «Матерью вод», и двинулось вперед.

На речке Эмель состоялось сражение. Судя по тексту рифмованной хроники, крестоносцы внезапно напали на авангард русских, и те отступили за речку. Но когда подошли основные силы новгородцев и псковичей, то ливы и литы в панике кинулись бежать. Организованно удалось отступить лишь двум сотням крестоносцев. Зато в Риге они уже хвастались, что убили 50 русских и что сам «король Новгородский» приказал своему войску оставить их в покое.

Русское же войско широким фронтом прошло по Ливонии, уничтожая замки и католические церкви, воздвигнутые крестоносцами.

В 1219 г. на севере Эстляндии с 1500 кораблей высадились войска датского короля Вальдемара II и его вассала правителя острова Рюген и части Померании Вацлава I. Несмотря на ожесточенное сопротивление эстов (реваласцев), они захватили и разрушили крепость Колывань, а на ее месте построили свою крепость Ревель (нынешний Таллин). Любопытно, что по-эстонски «таллинн» означает «датский город».

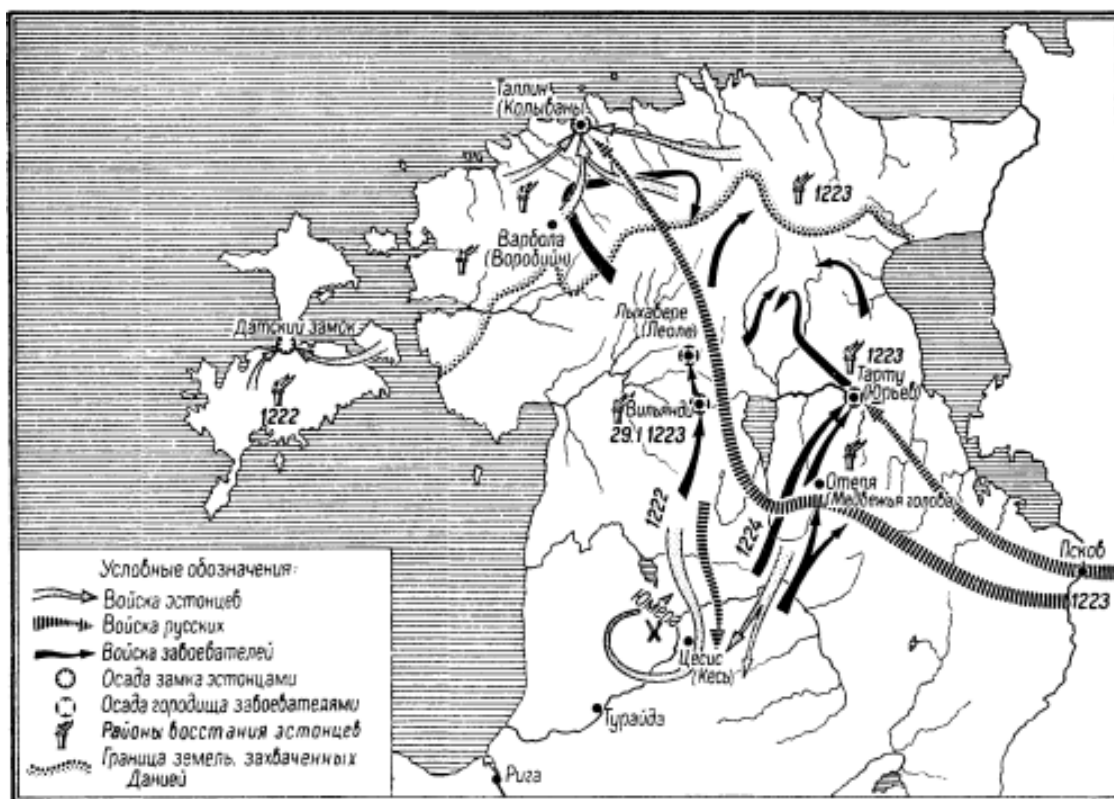
Новгородцы под началом князя Владимира Мстиславовича и его сына Ярослава дважды, в 1219 и 1222 гг., осаждали немецкую крепость Венден (Кесь) и один раз, в 1223 г., – Ревель. Но все три осады были неудачны, врага спасали мощные укрепления и метательные (камнеметные) машины. Русским удалось взять много добычи и пленных, но выгнать противника из Прибалтики они не смогли. Немцы и папы римские сделали из Прибалтики восьмивековой очаг напряженности в северо-восточной Европе.

В 1224 г. немцы двинулись на самую сильную русскую крепость в Эстляндии – Юрьев. Там сидел князь Вячеслав Борисович, у которого немцы ранее отняли город Кукейнос. 15 августа Юрьев был осажден. Немцы приготовили много осадных машин, из огромных деревьев выстроили башню в уровень с городскими стенами и под ее защитой начали вести подкоп. Всю ночь и весь следующий день над этим трудилась половина войска, одни копали, другие относили землю. На следующее утро большая часть подкопанного рухнула, и башня была придвинута ближе к крепости.

Несмотря на активную подготовку к штурму, осаждающие еще пытались завести переговоры с князем Вячеславом. Они послали к нему несколько духовных особ и рыцарей с предложением свободного выхода из крепости вместе с дружиной, лошадьми и имуществом, если князь согласится покинуть отступников-туземцев (эстов). Вячеслав Борисович не принял это предложение, так как ожидал подкрепления из Новгорода. Тогда осада началась с новой силой и продолжалась много дней без видимого успеха.

Согласно немецкой хронике, осаждающие собрали совет, на котором два рыцаря, Фридрих и Фредегельм, недавно приехавшие из Германии, подали идею: «Необходимо сделать приступ и, взявши город, жестоко наказать жителей в пример другим. До сих пор при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу, и оттого остальным не задано никакого страха. Так теперь положим: кто из наших первый взойдет на стену, того превознесем почестями, дадим ему лучших лошадей и знатнейшего пленника, исключая этого вероломного князя, которого мы вознесем выше всех, повесивши на самом высоком дереве».

¹⁴ Мазутова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 127.

Борьба с немецко-датскими захватчиками в 1222–1224 годах

Идея понравилась. И на следующее утро осаждающие устремились на приступ, но были отбиты. Осажденные сделали в стене большое отверстие и выкатывали оттуда раскаленные колеса, чтобы зажечь башню, от которой была большая опасность крепости. Осаждающим пришлось сосредоточить все свои силы, чтобы потушить пожар и спасти башню. Между тем брат епископа Иоганн фон Аппельдерн, неся огонь в руке, первым начал взбираться на вал, за ним следовал его слуга Петр Оге, и оба беспрепятственно достигли стены. Увидев это, остальные ратники бросились за ними, каждый спешил, чтобы оказаться первым. Кто же взшел первым на стену, осталось неизвестным. Одни поднимали друг друга на стену, другие прорывались сквозь отверстие, сделанное самими же осажденными для пуска раскаленных колес. За немцами ворвались литы и ливы, и началась резня. Никому не было пощады. Бои в городе продолжались до тех пор, пока русские не были истреблены почти полностью. Немцы окружили крепость и не давали никому спастись бегством. Из всех мужчин, находившихся в городе, оставили в живых только одного – слугу суздальского князя. Ему дали лошадь и отправили в Новгород рассказать своим о судьбе Юрьева, и новгородский летописец записал: «Того же лета убиша князя Вячка немцы в Гюргеве, а город взяша».

К великому сожалению, события в Прибалтике в XII – начале XIII веков не нашли должного отражения ни в царской, ни в советской историографии. И по мнению многих поколений наших людей, первым против крестоносцев выступил Александр Невский. Поэтому мне и пришлось приводить подробности боевых действий русских князей против крестоносцев задолго до рождения князя Александра Ярославича.

Из всего сказанного можно сделать очевидные выводы.

Во-первых, к 1158 г. Прибалтика была вассальной территорией русских князей. Князья Рюриковичи действовали по принципу «разумной достаточности». Они ставили перед собой две основные цели – обеспечение свободного выхода Руси к Балтийскому морю через Западную Двину и Финский залив и обеспечение безопасности своих княжеств от вторжения западных рыцарей.

Поэтому они не вмешивались во внутренние дела местных племен и не навязывали им православие. Вполне достаточно было построить несколько крепостей и держать там небольшие гарнизоны. Местные племена были обложены сравнительно небольшой данью – на содержание гарнизонов и для психологического воздействия, дабы туземцы не забывали, кто их сюзерен.

Во-вторых, вторжение немцев, а позже датчан встретило отчаянное сопротивление не только местных племен, но и дружин русских князей. Война шла больше 60 лет.

В-третьих, нельзя забывать, что подлинными организаторами и идейными вдохновителями походов на Восток были римские понтифики (папы) и их окружение. Нигде в священных книгах не говорится о том, что де учения Христа надо насаждать с помощью огня и меча. Но не следует забывать, что каждое языческое племя, обращенное крестоносцами в католичество, принуждалось к уплате церковной десятины в пользу Рима. Неудивительно, что христиан, отказывавшихся платить десятину папе, католические иерархи приравнивали к язычникам.

Свое истинное лицо рыцари-крестоносцы показали при разгроме Константинополя в 1204 г. Рыцари и католические священники громили православные церкви, рубили и жгли иконы, крали священные сосуды и т. д. В православных византийских храмах под хохот рыцарей плясали проститутки.

Резко контрастировало с этим отношение православных к католикам. Так, например, в Новгороде в XII–XV веках находились сотни западных купцов, их служба и охрана. Многие из них жили на «немецком дворе» в Новгороде по много лет. Но вот что удивительно, в вольном Новгороде за всю историю не было погрома католиков, и вообще процветала веротерпимость.

А вот характерное мнение католических иерархов в середине 40-х гг. XII века. Краковский епископ Матфей пишет к Бернарду Клервскому (1091–1153), аббату монастыря в Клерво в Бургундии (позже Бернард будет объявлен святым): «Народ же русский, неисчислимый и многочисленностью подобный звездам, не блюдет правил православной (orthodoxa) [то есть католической] веры и установлений истинной религии. Не разумея, что вне католической церкви нет места для подлинного богослужения, он, как известно, позорно заблуждается не только в богослужении Тела Господня, но и в расторжении браков и перекрещивании [супругов], а также и других церковных таинствах. От самого начала своего крещения преисполненный всевозможными заблуждениями, а вернее сказать – еретическим нечестием, он исповедует Христа разве что по имени, делами же совершенно отвергает. Ведь не желая быть в согласии ни с Латинской, ни с Греческой церковью и отделившись от обеих, названный народ не причастен к принятию таинств ни по тому, ни по другому [обряду]». В итоге епископ Матфей призывает Бернарда лично явиться, чтобы своей «проповедью, что пронзает лучше меча обоюдоострого, истребить» ересь «на Руси, которая – словно другой мир».¹⁵

Вроде бы пока речь идет о проповедях, но не будем забывать, что именно Бернард был одним из главных вдохновителей второго крестового похода 1147 г.

Папы римские с конца XII века периодически рассылают буллы (послания, обязательные к исполнению всеми католиками) с призывами к торговой блокаде Руси. Так, например, папа Григорий IX в январе 1229 г. отправил буллу к властям Рима с требованием прекратить торговлю с русскими оружием, лошадьми, кораблями, продовольствием и т. д. А в послании Григория IX Ливонскому ордену (1232) рыцари призывались на борьбу с русскими, которых папа прямо именовал «врагами веры».

¹⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 388.

Глава 3

Князь Ярослав и его сыновья Александр и Андрей

Одним из первых, кто осознал опасность тевтонской экспансии, был князь Переславля-Залесского Ярослав Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо и отец Александра Невского. В 1228 г. новгородцы позвали Ярослава княжить в Новгород. Вскоре он призвал полки из Переславля и начал готовиться к походу на Ригу. А кому-то в Пскове помешалось, что Ярослав вместо Риги хочет завладеть Псковом. Тут нельзя исключить и дезинформацию немцев. Со страху псковичи заключили отдельный мир с немцами, дали им 40 человек в заложники с условием, чтоб они помогли им в случае войны с новгородцами. Но новгородцы также заподозрили Ярослава, стали говорить: «Князь-то нас зовет на Ригу, а сам хочет идти на Псков». Ярослав послал сказать псковичам: «Ступайте со мною в поход: зла на вас не думал никакого, а тех мне выдайте, кто наговорил вам на меня». Псковичи велели отвечать ему: «Тебе, князь, кланяемся, и вам, братья новгородцы, но в поход неидем и братья своей не выдаем, а с рижанами мы помирились. Вы к Колываню ходили, взяли серебро и возвратились, ничего не сделавши, города не взявши, также и у Кеси [Вендена], и у Медвежьей Головы, и за то нашу братью немцы побили на озере, а других в плен взяли. Немцев только вы раздражили, да сами ушли прочь, а мы поплатились. А теперь на нас что ли идти вздумали? Так мы против вас с святой богородицей и с поклоном: лучше вы нас перебейте, а жен и детей наших в полон возьмите, чем поганые. На том вам и кланяемся». Новгородцы сказали тогда князю: «Мы без своей братьи, без псковичей, неидем на Ригу, а тебе, князь, кланяемся». Сильно уговаривал Ярослав новгородцев, но все напрасно, тогда он отослал свои полки назад в Переславль.

В 1232 г. новгородский тысяцкий Борис поссорился с князем Ярославом Всеволодовичем и бежал к немцам в Оденпе. Туда же бежал и сын Владимира Псковского Ярослав. Перебежчики вернулись с немецким войском и захватили крепость Изборск. Псковичи отреагировали быстро – Изборск был отбит, а Ярослав Владимирович вместе с несколькими немецкими рыцарями взят в плен и отослан в Новгород к князю Ярославу Всеволодовичу. Ярослав Всеволодович приказал всех пленных заковать в железо и отправить в Переславль-Залесский. В отместку за это немцы поймали какого-то новгородца Кирилла Синкиница и засадили в тюрьму. Тогда Великий Новгород, считая этот поступок нарушением мира, объявил войну.

Князь Ярослав Всеволодович с дружиной двинулся к городу Юрьеву, точнее, теперь к немецкому Дерпту. Русские не смогли взять город, зато сильно опустошили его окрестности. На выручку Дерпту подошло немецкое войско. В апреле 1234 г. на реке Омовже произошло сражение, немцы были разбиты и предложили князю мир «по всей его правде». Новгородец Кирилл был отпущен на волю, а Ярослав с торжеством вернулся в Новгород, якобы не потеряв ни одного человека убитым в битве с немцами. Даже если и немного перебрал летописец, то это все равно свидетельствует о полководческом таланте князя. Судя по всему, в этом договоре Ярослав и выговорил дань с Дерпта и других земель для себя и своих преемников, ту знаменитую дань, которая после послужила Ивану Грозному поводом для Ливонской войны.

Еще до битвы на реке Омовже рыцари Меченосцы решили объединиться с военномонашеским Тевтонским орденом. Этот орден был основан в 1128 г. в Палестине. Несколько богатых немецких рыцарей основали в Иерусалиме особое братство для помощи паломникам под названием «Братство святой Марии Тевтонской». Когда арабы выставили крестоносцев из Палестины, гроссмейстер Тевтонского ордена Герман фон Зальц перебрался в Вене-

цию. В 20-х гг. XII века княжество Мазовия (Польша) вело длительную войну с языческими племенами пруссов. Мазовецкий князь Конрад принял христианство и, поверив рассказам попов о бескорыстии и прочих добродетелях военно-монашеских орденов, в 1226 г. решил подарить Тевтонскому ордену Кульмскую и Лебодскую волости. Наивный Конрад надеялся, что рыцари будут защищать его от набегов языческих племен.

В 1228 г. большая часть рыцарей Тевтонского ордена вместе с гроссмейстером Германом фон Зальцем прибыла в Мазовию. Рыцари быстро завоевали земли пруссов. Большая часть населения была истреблена, а оставшиеся обращены в рабство. В Пруссию хлынул поток немецких переселенцев. Тевтонские рыцари построили в Пруссии несколько укрепленных городов, первый из которых, Торн, был заложен в 1231 г.

В 1234 г. Тевтонский орден получил от папы римского права на владение всей Прусской и Кульмской землей за обязательство платить дань лично папе, который, таким образом, стал сюзереном ордена. Дань орден платил исправно, но власть папы оставалась номинальной, и фактически орден был независим в своей внешней и внутренней политике.

В 1229 г. умер рижский епископ Альберт. Магистр ордена Меченосцев Волквин, воспользовавшись его смертью, решил избавиться от своей зависимости от рижских епископов и предложил Герману фон Зальцу объединить ордена. Однако Зальц отказался.

После разгрома рыцарей на реке Омовже переговоры по объединению орденов возобновились. В 1235 г. Зальц отправил в Ливонию двух командоров Тевтонского ордена Еренфрида фон Нойенбурга и Арнольда фон Нойндорфа, поставив им задачу разузнать о правах и обычаях ордена Меченосцев и вообще о положении дел в Ливонии. Вскоре посланцы вернулись и привезли с собой троих депутатов от ливонских рыцарей. Лудвиг фон Оттинген, наместник великого магистра в Пруссии, собрал капитул в Марбурге, где ливонских рыцарей подробно расспросили об их правилах, образе жизни, владениях и притязаниях. Потом были опрошены командоры, посланные в Ливонию. Еренфрид фон Нойенбург представил поведение рыцарей Меченосцев совсем не в привлекательном виде, описал их людьми упрямыми и крамольными, не любящими подчиняться правилам своего ордена, ищущими прежде всего личной корысти, а не общего блага, и, указав пальцем на прибывших с ним ливонских рыцарей, добавил: «А эти, да еще четверо мне известных, хуже всех там». Арнольд фон Нойндорф подтвердил слова своего товарища. После такой «рекламы» неудивительно, что когда стали собирать голоса, объединяться ли с Меченосцами, то сначала воцарилось молчание, а потом единогласно решено было дожидаться прибытия великого магистра.

Замечу, что историю объединения орденов я излагаю не по русским летописям или трудам советских историков, которых можно обвинить в предвзятом отношении к военно-монашеским орденам. Увы, все это взято из немецких хроник. Что донесения немецких рыцарей относительно поведения Меченосцев были справедливы, доказывают послания пап. В 1238 г. папа Григорий IX писал епископу Моденскому, своему легату в Ливонии, чтобы обращенные в христианство язычники не подвергались рабству (Histor. Russ. Monum I, XLVIII). В том же году он писал, чтоб рабам дали облегчение и позволили ходить в церковь (там же, № XLIX). Известны и другие послания пап, обличающие ордена, как, например, послание Иннокентия IX рыцарям в 1245 г. Так что нравы рыцарей-монахов в художественных фильмах «Александр Невский» и «Крестоносцы» не только не очернены, а скорее приукрашены, поскольку даже сегодня в кино нельзя показать всех мерзостей, которые творили монахи-рыцари. И это касается не только орденов Тевтонского и Меченосцев. Вспомним, сколько гнусных преступлений рыцарей-монахов было выявлено на процессе ордена тамплиеров во Франции в 1307–1314 гг.

Однако объединиться разбойничьим орденам все же пришлось. В 1236 г. магистр Волквин совершил опустошительный набег на литву, но вскоре был окружен многочисленными

толпами язычников и погиб со всем своим войском. Любопытно, что к орденскому войску присоединился и отряд из двухсот псковичей. Вернулись из них в Псков всего двадцать человек.

После этого поражения уцелевшие Меченосцы отправили посла в Рим рассказать папе о плачевном состоянии ордена и ливонской церкви и настоятельно просить о соединении их с Тевтонским орденом. Гроссмейстер Тевтонского ордена стал сюзереном ордена Меченосцев, который с этого времени стали называть Ливонским орденом. Первым после объединения магистром Ливонского ордена стал Герман фон Балк.

Первое столкновение русских с Тевтонским орденом относится к 1235 г. Мазовецкий князь Конрад уступил ордену какие-то свои земли, на которые претендовал и удельный волынский князь Даниил Романович Галицкий. Согласно летописи, Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям» – и пошел с братом на них с большим войском, взял город, захватил в плен старшину Бруно и ратников и возвратился во Владимир.

Рассказав о крестоносцах, стоит несколько слов сказать и о государственном устройстве Господина Великого Новгорода. В отличие от большинства других городов Руси власть в Новгороде принадлежала владыке (архиепископу), посадникам и вечу (народному собранию). Причем и владыка, и посадник были выборными. Правда, выбор владыки был несколько экзотичным: духовенство и миряне выдвигали три кандидатуры, а затем тянули жребий – Божий суд. И после этого новый владыка уже чисто формально утверждался митрополитом, который последовательно жил в Киеве, во Владимире, а затем в Москве.

Примерно такая же система управления была и в Пскове.

А где же княжеская власть? Ведь автор уже писал о новгородских и псковских князьях. По неписанным конституциям Новгорода и Пскова князья выполняли роль кондотьеров – предводителей наемных дружин, которые должны были защищать город. Ну а кому сие утверждение показалось обидным, мол, святой Александр Невский был кондотьером, то я приведу современное определение. Князья были министрами обороны Новгородской и Псковской республик.

Князь и его дружина размещались вне города. Так, наемные новгородские князья занимали замок Рюриково городище. Князю и дружине выдавались в кормление волости республики и, кроме того, производились денежные выплаты.

Главная функция князя – защита от внешнего врага. В отдельных случаях князю доверяли вести внешние сношения с соседями. Всякое же вмешательство князей в городскую жизнь исключалось. Другой вопрос, что своенравные Рюриковичи иной раз пытались творить суд и расправу в Новгороде и Пскове. После этого обычно князю «показывали путь», то есть, а пошел ты к... матери во Владимир, Суздаль или Переславль-Залесский. И вместо него приглашали нового князя. Когда среди князей не оказывалось подходящего свободного (от богатого княжества) Рюриковича или те желали брать не по чину, то новгородцы и псковичи приглашали литовского князя. Литовские князья были людьми покладистыми, сразу по приезде в Новгород или Псков становились православными. А «получив путь» и отправляясь в этническую Литву, вновь возвращались к вере отцов. В западную часть Великого княжества Литовского князь ехал добрым католиком, а в восточной части Литвы оставался православным.

Первый раз князь Александр Ярославич (будущий Невский) был приглашен новгородцами княжить в 1228 г. вместе с братом Федором.¹⁶ Через год вече прогнало обоих. А еще через год обоих братьев пригласили опять. Федор умер, и Александр стал княжить один.

После победы на Неве в июле 1240 г. новгородцы встретили Александра и его дружину колокольным звоном. Однако не прошло и нескольких недель, как властолюбивый князь и

¹⁶ Оба были еще детьми 8—10 лет. Точная дата рождения их неизвестна.

беспокойные граждане вольного Новгорода рассорились, и Александр Ярославич вместе с дружиной отправился восвояси в Переславль-Залесский.

Но время для «крамолы великой» и ссоры с князем Александром новгородцы выбрали явно неудачно. В том же 1240 г. рыцари Меченосцы под командованием вице-магистра Андреаса фон Вельвена начали большое наступление на Русь. Вместе с немцами шел и перебежавший к ним князь Ярослав Владимирович.¹⁷ Немцы¹⁸ взяли Изборск. Псковское войско вышло навстречу немцам, но было разбито. Погиб и псковский воевода Гаврила Гориславович. Любопытно, что немецкие хронисты сделали из Гаврилы Гориславовича вначале Гернольта, а потом князя Ярополка, заставили его жить после смерти и сдать немцам Псков.

На самом деле немцы осаждали Псков около недели, а затем псковичи согласились на все требования врага и дали своих детей в заложники. В Псков был введен немецкий гарнизон.

Немцы не удовлетворились псковскими землями, а вместе с отрядами чухонцев напали на Новгородскую волость (Вотскую пятину). В Копорском погосте, в 16 км от Финского залива, рыцари построили мощную крепость. В 35 км от Новгорода немцы захватили городок Тесов.

В такой ситуации новгородцам потребовался князь со своей дружиной. К князю Ярославу Всеволодовичу срочно были отправлены послы просить дать в Новгород князя Александра. Однако Ярослав Всеволодович дал им своего младшего сына – Андрея. Новгородцы подумали и отказались, им нужен был только Александр. В конце концов Ярослав Всеволодович уступил и дал им Александра, но на более жестких условиях.

В 1241 г. Александр Ярославич приехал в Новгород. Для начала Александр припомнил горожанам старые обиды и повесил «многие крамольники». Затем Александр осадил крепость Копорье¹⁹ и взял ее. Часть пленных немцев князь отправил в Новгород, а часть отпустил (надо полагать, за хороший выкуп), зато перевешал всю чужь из копорского гарнизона. Однако от дальнейших действий против рыцарей Александр воздержался до прибытия сильной суздальской дружины во главе со своим братом Андреем.

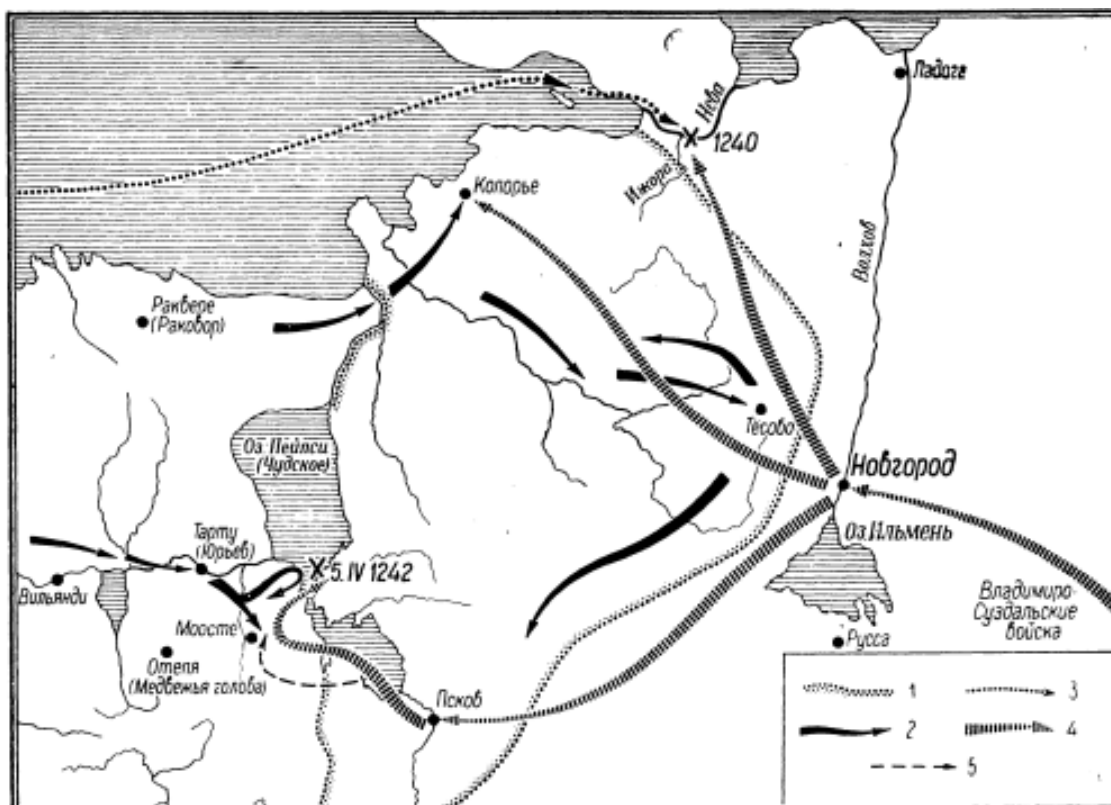
В 1242 г. Александр и Андрей Ярославичи взяли Псков. В ходе штурма погибло 70 рыцарей и множество кнехтов. Согласно Ливонской хроники, Александр приказал «замучить» в Пскове шесть рыцарей.

Из Пскова Александр двинулся во владения Ливонского ордена. Передовой отряд русских под командованием новгородца Домаша Твердиславовича попал в немецкую засаду и был разбит.

¹⁷ Ярослав Владимирович – удельный князь Дорогобужский, сын Владимира Мстиславича, в 1232 г., поссорившись с князем Ярославом Всеволодовичем, бежал к немцам в Оденпе.

¹⁸ В исторической литературе принято называть рыцарей орденов Тевтонского и Меченосцев немцами, хотя в их числе было немало французских, итальянских и других западноевропейских рыцарей.

¹⁹ Ныне село Копорье Ломоносовского р-на Ленинградской области.

Борьба русских войск под предводительством Александра Невского против захватчиков в 1240–1242 гг. 1 – территория, захваченная орденом в 1240–1241 гг.; 2 – орден; 3 – шведы; 4 – русские; 5 – направление удара русского авангардного отряда.

Получив известие о гибели своего авангарда, князь Александр отвел войско на лед Чудского озера близ урочища Узмени у Вороней камня. На рассвете 5 апреля 1242 г. немецко-чухонское войско построилось сомкнутой фалангой в виде клина, такой строй часто называли «железной свиньей». В вершине клина находились лучшие рыцари ордена. Немецкий клин пробил центр русского войска, отдельные ратники обратились в бегство. Однако русские нанесли сильные фланговые контрудары и взяли противника в клещи. Немцы начали отступление. Русские гнали их на расстояние до 8 км до противоположного Соболицкого берега. В ряде мест лед подломился под столпившимися немцами, и многие из них оказались в воде.

О Ледовом побоище 1242 г. написано множество книг, в которых приводятся подробнейшие детали битвы, карты, схемы и т. д. У наших верноподданнических имперско-советско-демократических историков, как всегда, все ясно и все разложено по полочкам. Однако на самом деле до сих пор остается множество вопросов, среди которых наиболее важные – сколько же немцев оказалось на льду озера, где конкретно проходило сражение и, наконец, кто же стал победителем в битве?

Так, Новгородская Первая летопись сообщает, что в сражении было убито 400 рыцарей, а 50 рыцарей взяты в плен, чуди же побито «без числа». Западные историки, как, например, Джон Феннел, ставят под сомнение достоверность летописи: «Если летописец считает этих 450 человек рыцарями, тогда приводимая цифра является, несомненно, крупным преувеличением, поскольку в то время, когда произошло сражение, два ордена имели чуть больше ста рыцарей».²⁰

²⁰ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 гг. М.: Прогресс, 1989. С. 145.

Ледовое побоище (миниатюра)

Современный историк Анатолий Бахтин утверждает, что все летописные сведения о битве были фальсификацией: «Не было там умопомрачительного столпотворения воюющих сторон, не было и массового ухода людей под лед. В те времена доспехи тевтонцев по своему весу были сопоставимы с вооружением русских ратников. Те же кольчуга, щит, меч. Только вместо традиционного славянского шишака голову братьев-рыцарей защищал ведрообразный шлем. Не было в те времена и латных лошадей. Ни в одной из существующих хроник невозможно отыскать рассказ о треснувшем льде на Чудском озере, об ушедших под воду участниках сражения.

Еще одна откровенная мистификация, которая сослужила медвежью услугу, – это количество участников сражения. В составлении русских летописей того времени наверняка принимали участие имиджмейкеры, которые, для того чтобы признать значимость победы или объяснить причины поражения, не утруждали себя педантизмом. Количество воинов в те времена указывали одним словом «бещисла», то есть несметное количество. Эта формулировка дала повод псевдоисторикам в советские времена увеличить на порядок количество участников битвы на Чудском озере. Как анекдот звучали нереальные и необоснованные цифры: восемнадцать тысяч со стороны русских, пятнадцать – со стороны ордена. К концу тридцатых годов XIII века все население Новгорода, включая женщин, стариков и

детей, составляло чуть более четырнадцати тысяч человек. Поэтому максимальное количество ополчения, которое мог призвать Александр под свои знамена, не могло превысить двух тысяч ратников. А Тевтонский орден, большинство членов которого в этот период проливали свою и чужую кровь в Палестине за Гроб Господень, состоял примерно из двухсот восьмидесяти братьев-рыцарей. Непосредственно на лед Чудского озера вышли биться не более двух десятков тевтонцев. Остальную тысячную массу, противоборствовавшую русской дружине, составили ливонцы и чудь, предки нынешних эстонцев».²¹

Сторонники «магистральной линии» по-прежнему верны традициям историков царских и сталинских времен. Например, доктор исторических наук Николай Борисов из МГУ подготовил учебник «История России с древнейших времен до конца XVII века», в котором события излагаются следующим образом:

«Своим любимым приемом – внезапной атакой, „изгоном“ – Невский овладел городом. После этого, не теряя времени, он пошел на Изборск и дальше, „в землю Немецкую“. Узнав о том, что навстречу ему идет большое рыцарское войско, Александр отступил к Чудскому озеру. Вероятно, этот отход князь совершил умышленно. В его голове уже появилась дерзкая идея: сразиться с врагом на льду озера.

...Утром 5 апреля 1242 г. его войско встретило врага, выстроившись на льду Чудского озера, на Узмени, у Вороньего камня. Крестоносцы построились треугольником, острие которого было направлено на русских. На концах и по сторонам этого живого треугольника – «великой свиньи», по ироническому выражению русских летописцев, – встали закованные в латы всадники, а внутри него двигались легковооруженные воины. Осыпав противника дождем стрел, воины Александра раздвинулись, пропуская «великую свинью», а затем яростно ударили по ее флангам. Началась тяжелая и кровопролитная битва. Вскоре ослабевший к весне лед – особенно тонкий в этой части озера, на протоке – начал давать трещины. Кое-где, не выдержав тяжести людей и боевых коней, он стал проваливаться. Первыми шли ко дну самые знатные, богатые рыцари: их тяжелые доспехи весили по два-три пуда. Упав с коня, рыцарь, закованный в латы, уже не мог подняться без посторонней помощи. Уцелевшие рыцари обратились в бегство. Победа Александра была полной. Около 500 немцев погибло в битве, а 50 знатных пленников он привел с собой в Псков».²²

На основании многочисленных вариантов истории битвы современные знатоки тактики и стратегии средневековых войн делают далеко идущие выводы: «Выставив длинные копья, немцы атаковали центр („чело“) боевого порядка русских. „Вот знамена братьев проникли в ряды стрелков (сторожевого полка). Было слышно, как звенят мечи, и было видно, как рубились шлемы, с обеих сторон падали мертвые“.

О прорыве врагом новгородских полков пишет русский летописец: «Немцы же и чюдь пробишася свиньею сквозе полкы». Однако, наткнувшись на обрывистый берег озера, малоподвижные, закованные в латы рыцари не могли развить свой успех. Наоборот, рыцарская конница скучилась, так как задние шеренги рыцарей подталкивали передние шеренги, которым негде было развернуться для боя.

Фланги русского боевого порядка («крылья») не позволили немцам развить успех операции. Немецкий «клин» оказался зажатым в клещи. В это время дружина Александра нанесла удар с тыла и завершила окружение противника. «Войско братьев было окружено».

Воины, которые имели специальные копья с крючками, стаскивали рыцарей с коней; воины, вооруженные ножами – «засапожниками», выводили из строя лошадей, после чего рыцари становились легкой добычей. «И бысть ту сеча зла и велика немцем и чюди и бе труск от копий ломления и звук от мечнаго сечения, якоже озеру померзшу двигнутись, и

²¹ Материалы сайта <http://middleages.sitecity.ru>.

²² Там же.

не бе видети леду, покры бо ся кровию». Лед под тяжестью сбитых в кучу тяжеловооруженных рыцарей стал трещать. Некоторым рыцарям удалось прорвать кольцо окружения, и они попытались спастись бегством, но многие из них утонули.

Новгородцы преследовали остатки бежавшего в беспорядке рыцарского войска по льду Чудского озера вплоть до противоположного берега, семь верст. Преследование остатков разбитого врага вне поля боя было новым явлением в развитии русского военного искусства. Новгородцы не праздновали победу «на костях», как было принято раньше.

«Ледовое побоище» стало первым случаем в истории военного искусства, когда тяжелая рыцарская конница была разбита в полевом бою войском, состоявшим в большей части из пехоты. Русский боевой порядок («полчный ряд» при наличии резерва) оказался гибким, в результате чего удалось осуществить окружение противника, боевой порядок которого представлял собой малоподвижную массу; пехота успешно взаимодействовала со своей конницей». ²³

Боюсь, читателю уже надоели версии битвы, и давно возник вопрос, а что же было на самом деле? Увы, за отсутствием достоверных источников ответ на сей вопрос довольно затруднен.

Так, до сих пор точно неизвестно даже место битвы. Его наши историки ищут с середины XIX века. При этом одни считают местом битвы западный берег Чудского озера, другие – западный берег Псковского, некоторые называют разные места Теплового озера.

Из десяти историков, занимавшихся этим вопросом (Костомаров, Васильев, Трусман, Лурье, Порфиридов, Бунин, Беляев, Тихомиров, Паклар, Козаченко) только эстонец Паклар производил специальные изыскания на месте, остальные же пытались найти решение в тиши своих кабинетов. В итоге предполагаемые места битвы разбросаны на участке протяженностью около ста километров!

Археологи на берегах и даже в прибрежных водах озера сделали десятки интересных находок, рассказывающих о жизни местного населения в XII–XIV веках. Но увы, среди них нет ни братских могил, ни групповых захоронений воинов, ни больших находок оружия, словом, ничего того, что могло служить вещественным доказательством битвы в 1242 г.

Фантазировать на тему, кто кого и как «стаскивал крючьями с лошадей», я не стану. Но зато есть серьезные сомнения в том, что все лавры победителя в сражении принадлежат Александру Невскому.

Так, Суздальская летопись отводит главную роль в Ледовом побоище не Александру, а Андрею Ярославичу и его дружине: «Великий князь Ярослав посла сына своего Андреа в Новгород Великий в помочь Олександрови на немци и победиша я за Плесковым (Псковом) на озере и полон мног плениша и възратися Андреи к отцу своему с честью».

Эта информация косвенно подтверждается немецкой «Рифмованной хроникой». Там повествуется о захвате немцами Пскова, после чего говорится:

Есть город на Руси,
Новгородом он называется.
Их королю стало об этом известно.
Он выступил со многими отрядами...
И пришел он с большой силой.
Он многих русских привел,
Чтобы освободить тех, кто в Пскове.²⁴
После взятия Пскова и изгнания немцев

²³ Материалы сайта <http://hist-battle.chat.ru>.

²⁴ Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 232.

Король Новгорода ушел в свою землю,
Недолго было спокойно.
Есть город большой и просторный
Также на Руси.
Суздадем он называется.
Александром звали того,
Кто в то время там был королем.²⁵
Своим подданным он велел собираться
В поход. Русским их неудачи обидны были.
Быстро они собрались.
И поскакал король Александр,
С ним много других
Русских из Суздаля.
У них было луков без числа,
Очень много блестящих доспехов.
Их знамена богато расшиты,
Их шлемы славились своим сиянием.²⁶

Судя по тексту, автор «Хроники...» не был на Чудском озере, но слышал рассказы участников битвы. Обратим внимание на очень важную его ошибку: безымянный «король» Новгорода берет Псков и возвращается в Новгород, а в 1242 г. из Суздаля явился «король Александр» с войском в «блестящих доспехах». Он-то со своей кованой ратью и «накостылял» немцам. Надо ли говорить, что если бы «впервые в истории военного искусства» бой против рыцарей выиграла бы пехота, то это нашло бы отражение в пространном тексте «Хроники...». Но увы, там нет ни слова ни про пехоту, ни тем более про мужиков с топорами.

Итак, битву на Чудском озере выиграла суздальская кованая рать. Но суздальским князем тогда был Андрей Ярославич, а не Александр Ярославич. Однако ошибка немецкого хрониста вполне объяснима: и до 1242 г., и после орден вел переговоры с Александром Невским, а Андрей «пришел, увидел, победил» и ушел в родной Суздаль – его немцы и не знали.

Летом 1242 г. в Пскове был заключен договор между Ливонским орденом, Псковом и Новгородом. Немцы возвратили все земли Новгорода, куда они «зашли» в 1238–1242 гг., а именно: Водь, Лугу, Псков и Летьголу, то есть Занаровье в Ижорской земле и часть Латгалии.

К Новгороду отходил район от Изборска до истоков юго-западных притоков реки Великой, фактически весь бассейн этой реки с притоками Кудеб, Вьяда Кухва, Утроя и Льяжа. Кроме того, был произведен полный обмен пленными без выкупа.

²⁵ Выделено мной – А.Ш.

²⁶ Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 232–233.

Глава 4

Псковичи дают отпор ордену

В 1253 г., ободренные удачными войнами с литвой, Ливонские рыцари нарушили договор, пришли под Псков и сожгли посад, но, по словам летописца, сами понесли большие потери от псковичей. Видимо, осада крепости длилась до тех пор, пока на выручку псковичам не пришел новгородский полк. Тогда немцы испугались, сняли осаду и ушли.

Новгородцы не удовлетворились освобождением Пскова, а двинулись в Ливонию. К новгородцам присоединились их верные союзники карелы. Как писал летописец, новгородцы «положили пусту немецкую волость (то есть Ливонию), карели также ей много зла наделали». Псковичи разбили какой-то орденский «полк». В итоге рыцари «послали во Псков и в Новгород просить мира на всей воле новгородской и псковской».

В 1262 г. князь Ярослав Ярославич (брат Александра Невского) и его сын Дмитрий Ярославич решили вернуть «свою отчину город Юрьев» (Дерпт). Они заключили союз с литовским князем Миндовгом и жмудским князем Тройнатом. Однако ливонцев спасла асинхронность действий русских и их союзников. Князь Миндовг осадил крепость Венден (Кесь), но тщетно дожидаясь русских и, не дождавшись, снял осаду, удовлетворившись лишь опустошением окрестных земель. Когда ушла литва, явились русские полки и осадили Юрьев. Немцы к этому времени сильно укрепили город. Летописец писал: «...был город Юрьев тверд, в три стены, и множество людей в нем всяких, и оборону себе пристроили на городе крепкую». Посад был взят приступом и сожжен. Русские разграбили посад и взяли много пленных, но крепость взять не смогли и ушли назад. Ливонский же хронист утверждает, что русские ушли от Юрьева, узнав о приближении магистра Вергера фон Брейтгаузена, что магистр, преследуя русских, вторгся в их владения, опустошил их, но заболел и вынужден был возвратиться.

Литовский князь Довмонт в 1266 г., мстя за поруганную честь жены, убил Великого князя Литовского Миндовга, но и сам вскоре был вынужден бежать из Литвы в Псков, спасаясь от гнева князя Воишелка, сына Миндовга. Вместе с ним прибыли 300 литовских дружинников. В данном случае это были в основном этнические литовцы-язычники, да и сам Довмонт был таковым.

Сразу по прибытии в Псков Довмонт принял крещение в соборной церкви Святой Троицы и получил православное имя Тимофей. Псковские мужи почесали в затылках, да и выбрали Довмонта-Тимофея князем. Замечу, что статус князя в Пскове не был аналогичен статусу князя в других русских городах. Так, князь не мог жить в кремле, и Довмонт построил себе и дружине Довмонтово городище.

В 1266 г. Довмонт с небольшой ратью, всего 360 всадников, совершил поход против литовского князя Герденя, правившего в Полоцке. Сам Гердень отсутствовал, но его княжество подверглось разгрому, Полоцк взят, а княгиня и дети пленены. Кстати, жена Герденя оказалась родной теткой Довмонта. После набега Довмонт двинулся домой. Далее я процитирую сказание о Довмонте: «Перейдя вброд через Двину, отошел на пять верст и поставил шатры в бору чистом, а на реке Двине оставил двух стражей – Давыда Якуновича, внука Жаврова, с Лувою Литовником. Два же девяносто воинов он отправил с добычей, а с одним девяносто остался, ожидая погони.

В то время Гридень и князя его были в отъезде, когда же приехали они домой, то увидели, что дома их и земли разорены. Ополчились тогда Гридень, и Гойторг, и Люмби, и Югайло, и другие князья, с семью сотнями воинов погнались вслед за Довмонтом, желая схватить его и любой смерти предать, а мужей-псковичей мечами посечь; и, перейдя вброд

реку Двину, встали они на берегу. Стражи, увидев войско великое, прискакали и сообщили Довмонту, что рать литовская перешла Двину. Довмонт же сказал Давыду и Луве: «Помогите вам Бог и Святая Троица за то, что устерегли войско великое, ступайте отсюда». И ответили Давыд и Лува: «Не уйдем отсюда, хотим умереть со славой и кровь свою пролить с мужами-псковичами за Святую Троицу и за все церкви святые. А ты, господин и князь, выступай быстрее с мужами-псковичами против поганных литовцев». Довмонт же сказал псковичам: «Братья мужи-псковичи! Кто стар – тот отец мне, кто млад – тот брат. Слышал я о мужестве вашем во всех странах, сейчас же, братья, нам предстоит жизнь или смерть. Братья мужи-псковичи, постоим за Святую Троицу и за святые церкви, за свое отечество!..»

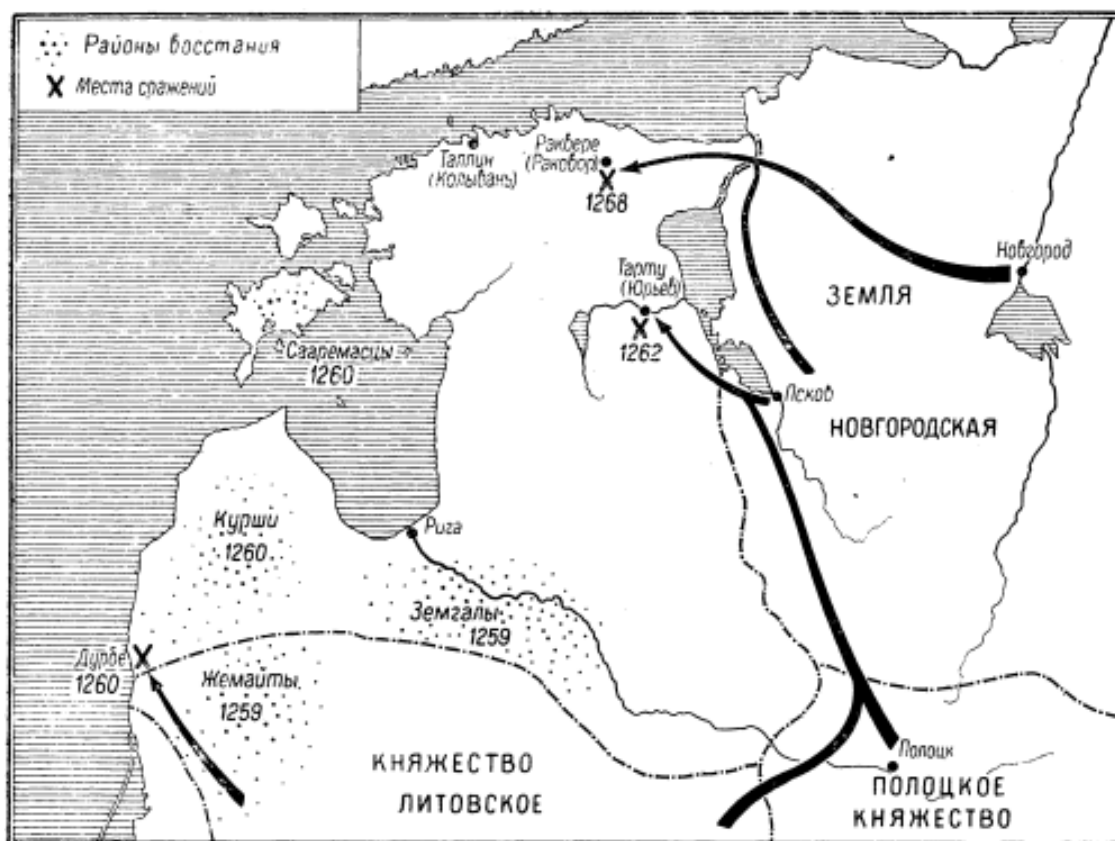
Довмонт принес в церковь свой меч и положил на престол, он молился со слезами, принимал благословение духовного отца своего и его рукой надевал свой меч. По утверждению уроженцев города Пскова, это был тот самый меч с надписью: «*Nonorum meum nebus davo*», то есть «Чести моей никому не отдам», который впоследствии лежал на гробнице князя Довмонта и своей величиной и тяжестью свидетельствовал о росте и силе святого князя.

Выехал князь Довмонт с мужами-псковичами и божиею силою и помощью святого Христова мученика Леонтия с одним девяносто семьсот врагов побил. В этой битве был убит Великий Литовский князь Гойторт, и иных князей многих убили, многие литовцы в Двине утонули, а семьдесят из них выбросила река на остров Гоидов, а иные на другие острова были выброшены, некоторые же вниз по Двине поплыли. Из псковичей же тогда был убит один Антон, Лочков сын, брат Смолигов, а другие остались невредимыми». ²⁷

Видимо, в сказании есть преувеличения, особенно в числе воинов Герденя. Но судя по всему, Довмонт внезапно атаковал переправлявшегося вброд противника. У литовцев началась паника, и они потеряли место брода.

Узнав о том, что псковичи самовольно взяли князя-литовца, Великий князь Владимирский Ярослав Ярославич (младший брат Невского) решил было пойти войной на Псков. Но «мужи новгородские» популярно пояснили ему, что за персонаж Довмонт и чем сей поход может обернуться. Поэтому дело кончилось как в хорошей сказке – свадьбой. Довмонт с подачи Великого князя Владимирского женился на княжне Марии Дмитриевне, внучке Александра Невского.

²⁷ Воинские повести древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 141–142.

Борьба русского и прибалтийского народов с немецко-датскими захватчиками в 60-х годах XVIII века

В 1268 г. новгородцы и псковичи решили проучить нахальных датчан, нападавших на приневские вотчины Господина Великого Новгорода. В походе псковскую рать, естественно, вел Довмонт, а новгородские и низовые полки – князь Юрий Андреевич.²⁸ Кроме того, в походе участвовали сыновья Великого князя Владимирского Ярослава Ярославича Святослав и Михаил, а также его племянник Дмитрий Александрович.

Объединенное войско двинулось на город-крепость Раковор,²⁹ находившийся на севере Эстляндии, посередине между Нарвой и Ревелем. В одном месте русские нашли огромную пещеру с маленьким входом, где спрятались несколько сот чухонцев (чуди). Три дня полки стояли и не могли добраться до чуди, пока один новгородский мастер по имени Тогал, состоявший при осадных машинах, не провел канал ко входу в пещеру и не затопил ее водой. Вся чужь была перебита.

Стремясь заманить православное воинство в ловушку, немецкие епископы и рыцари поклялись на кресте не участвовать в войне на стороне датчан. Псковская летопись так говорит об этом: «Прислаша немцы послы свои с лестью глаголюще: „Мы с вами мирны, перемагайтесь с колыванцы и с раковорци, а мы им не помогаем и в том крест целуем“. И на том крест целоваше пискупи и Божии дворяне».

Но когда русские 18 февраля 1268 г. подошли к Раковору, то с изумлением увидели, что их ждали нарушившие клятву тевтонские рыцари и их союзники. Кроме отрядов из Ревеля, Везенберга и других датских владений, здесь были изменившие мирной клятве орденские

²⁸ Князь Юрий Андреевич, сын Андрея Ярославича, племянник Александра Невского, был в то время служилым новгородским князем.

²⁹ Раковор – по-немецки Везенберг, по-чухонски Раквере.

полки из Феллина (Вельяд – Вильянди), Вейсенштейна (Белый камень – Пайде) и Лихула, а также епископский полк из Дерпта.

Объединенное русское войско 18 февраля форсировало реку Кеголу (Койлы), обойдя защищаемый немцами мост. Готовясь к бою, князья стали расставлять полки: псковичи во главе с Тимофеем-Довмонтом заняли правое крыло, выше их по правую же руку встали переяславцы во главе с Дмитрием Александровичем и полк Святослава Ярославича; слева поставлен был брат его Михаил Ярославич с тверичами, а сами новгородцы с посадником Михаилом Федоровичем, тысяцким Кондратом и князем Юрием Андреевичем вместе с ладожанами встали в центре – «в лице железному полку противу великой свиньи».

Тогда войска сошлись друг с другом «бысть такое страшное побоище, – повествует летописец, – какого не видали ни отцы, ни деды».

Немецкий автор в «Рифмованной хронике»³⁰ утверждает, что у русских было 30 тысяч человек, а каждый немец якобы сражался с шестьюдесятью русскими воинами. Согласно «Хронике», битву начали датские королевские полки, сражавшиеся на правом фланге. Однако возглавлявший их дерптский епископ Александр был вскоре убит, и датчане остановились. Одновременно русская тяжелая конница двумя колоннами атаковала неприятеля. Но немцам удалось отбить атаку и обратить русских в бегство.

Тогда в бой вступила пятитысячная дружина князя Дмитрия Александровича, нанеся удар со стороны реки. На правом фланге псковичи, ведомые князем Довмонтом, разогнали противостоящих им немцев и чудь и нанесли удар по «свинье» с фланга. Датчане, немцы и чухонцы обратились в бегство. Русские «гониша их, бьюще до города Ракобора» тремя путями, на протяжении семи верст. Вражеских трупов было так много, что русской коннице трудно было действовать, не наступая на их тела.

Но и русские дорого заплатили за победу: погибли посадник Михаил Федорович и 13 других знатнейших новгородских горожан (в том числе Никифор (Твердислав) Чермный), пало немало бояр княжьих и много владимирцев, новгородцев, псковичей и ладожан. Иные пропали без вести, в их числе новгородский тысяцкий Кондрат. Князь Юрий Андреевич был ранен в плечо. Часть неприятельских сил во время бегства сумела врезаться в новгородский обоз, лишив русских возможности продолжать преследование. Князь Дмитрий хотел немедленно напасть на них, но другие князья удержали его. «Время уже к ночи, – говорили они, – в темноте смешаемся и будем бить своих». А наутро немцев уже и след простыл.

Однако двигаться в погоню большое русское войско не решилось из-за огромных потерь. Три дня войска стояли «на костях», а на четвертый повернули обратно. Лишь Довмонт с псковичами пошел гулять по Эстляндии. Часть немцев и чудь отступали водным путем по Чудскому и Псковскому озерам и реке Великой. За ними с малой дружиной на пяти насадах³¹ и гонялся Довмонт, «божьєю силою восемьсот немцев победил на реке Мироповне, а два их насада скрылись на островах. Боголюбивый князь Довмонт, подъехав, зажег остров и пожег их в траве, – одни побежали, и волосы их горели, а других Довмонт посек, а третьи потонули в воде с помощью Святой Троицы и славного великого воина Георгия».³²

Летом 1272 г. войско Тевтонского ордена во главе с магистром захватило Изборск и осадило Псков. Ливонская «Рифмованная хроника» сообщает, что в походе участвовало 180 братьев-рыцарей, 18 тысяч ополченцев и 9 тысяч корабельщиков.

Как гласит «Сказание о Довмонте»: «Услышав о том, что ополчилось на него множество сильных врагов без ума и без Бога, Довмонт вошел в церковь Святой Троицы и, положив меч свой перед алтарем господним, пал на колени, молясь со слезами, говоря так: „Гос-

³⁰ Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. С. 248.

³¹ Насад – небольшое гребное судно с одной мачтой и прямым парусом.

³² Воинские повести Древней Руси. С. 143.

поди боже сил, мы, люди твои и овцы пажити своей, имя твое призываем, смилуйся над кроткими, и смиренных возвысь, и надменные мысли гордых смири, да не опустеет пажить овец твоих“. И взял игумен Сидор и все священники меч и, препоясав Довмонта мечом и благословив его, отпустили. Довмонт в ярости мужества своего, не дождавшись полков новгородских, с малою дружиною мужей-псковичей выехав, божьею силою победил и побил полки врагов, самого же магистра ранил в лицо. Те же, положив трупы убитых во многие учаны, повезли их в землю свою, а оставшиеся в живых обратились в бегство».³³

В июне 1272 г. между Псковом и орденом был заключен мирный договор, но Довмонту, по свидетельству летописи, вскоре пришлось отражать новые набеги крестоносцев: «И паки поганая латина начала силу деяти на псковичах нападением». В Житии святого Довмонта говорится: «Вскоре же вновь язычники-латине стали нападать на села, насилием, принуждением и всякими злыми делами пытаясь, словно звери дикие, разогнать и ввергнуть в горе овец Божиих, искупленных драгоценной Его Кровью. Они же, потерпев такое от язычников, к городу Пскову приходят и о нападении злых змей с плачем возвещают. Христоробивый же князь Тимофей, это услышав, не потерпел обиды от язычников, но стремительно собрался против них, взял войско свое и вышел на язычников с яростию величайшей».

Князь Довмонт верой и правдой служил Пскову 33 года, отразив все нападения крестоносцев. В марте 1299 г. Немецкий орден вновь попытался покорить Псков. Захватив Снеготорский и Мирожский монастыри, тевтонские инквизиторы предали огню насельников, а также женщин и детей, искавших убежища в монастырских стенах. «Бесовскую свою мысль исполняют, обители иноческие сжигают и множество их без милости убивают, разными пытками тела постников мучают. Тогда же убит был преподобный игумен Иоасаф из монастыря Святой горы, и Василий, игумен Мирожского монастыря, и Иосиф пресвитер... Также и нищих, женщин и детей множество убито было», – свидетельствует Житие святого Довмонта, написанное очевидцем событий.

В фильме Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» эта экзекуция неверно датирована 1240 г., временем первого нападения крестоносцев на Псков, что вполне оправдывается художественным жанром фильма.

Узнав о зверствах католиков в захваченных монастырях, Довмонт принял решение без промедления атаковать немцев. 5 марта 1299 г., несмотря на преклонный уже возраст, Довмонт сам повел в бой свою малую дружину и псковское ополчение, возглавленное боярином Иваном Дорогомиловым. Сражение на берегу реки Псковы, близ церкви Петра и Павла, закончилось полным поражением крестоносцев. Многие тевтонские рыцари сдались в плен, а оказавшие сопротивление были сброшены с крутого берега в Пскову, где и утонули.

В апреле 1299 г. Довмонт заболел и 20 мая умер. Весь город был на его похоронах. Гроб с телом Довмонта-Тимофея поставили в соборной церкви Святой Троицы. Над гробницей был повешен меч князя.³⁴

В 1322 г. немцы во время мира напали на псковских купцов на Чудском озере и рыбаков на реке Нарове. Псковичи послали в Литву за князем Давидом (литовское имя Воишелк) и вместе с ним пошли гулять за реку Нарову. Заодно досталось и датчанам – были разграблены окрестности Ревеля.

В марте 1323 г. под Псков явилось орденское войско. Рыцари постояли под стенами три дня и ушли восвояси. Однако в мае к Пскову подошло куда большее войско. На сей раз немцев сопровождала и флотилия кораблей со стенобитными машинами, подвижными башнями и со «многим замышленным».

³³ Там же. С. 143–144.

³⁴ К 1914 г. меч все еще находился в соборе.

На первом же приступе немцы убили псковского посадника. Стенобойные машины сделали проломы в стенах. Псковичи отправили послов в Господин Великий Новгород и в Москву к великому князю Юрию Даниловичу, но в обоих случаях получили отказ. Псков выручил тот же князь Давид, внезапно появившийся с литовской дружиной на 18-й день осады. Согласно Псковской летописи, Давид «машины отнял, городки зажег и побежали немцы со стыдом».

После этого немцы оставили в покое Псков на 18 лет. И урок пошел впрок, да и непрерывные войны с Литвой связывали руки ордену.

В 1341 г. без объявления войны немцы убили псковских послов. Псковичи же отомстили им, опустошив ливонские области и, ожидая сильного ответного нападения, стали просить новгородцев дать им наместника и помощь. Но новгородцы отказали, а между тем немцы пришли всей своей силой и построили городок на Псковской земле.

Псковичи начали партизанскую войну. Так, например, двое удальцов – Филипп Ледович и Олферий Селкович – подговорили 60 человек поречан и послали спросить островичей:³⁵ «Хотите ли ехать воевать Латыгору?» Островичи согласились и назначили время сбора в княжеском селе Изгоях. Поречане явились вовремя, а островичи задержались.

А между тем немецкий отряд, состоявший более чем из двухсот человек, напал на Псковские земли. Тогда 60 псковичей, не дожидаясь островичей, схватились с немцами. Бой длился с восхода солнца и до полудня, затем псковичи отступили, потеряв убитыми Ледовича, Селковича и еще семь человек. По словам летописца, очень псковичам было тогда «притужно». Немцы их не преследовали, а начали переправлять своих убитых за реку Великую. Тут как раз и подоспели островичи со своим посадником Василием Онисимовичем и ударили свежими силами по немцам. В результате многие немцы были убиты, другие потонули, а успевшие перебраться за реку побросали тела своих убитых и бежали.

После этого пятьдесят молодых псковичей сговорились идти на немцев под начальством Калеки Карпа Даниловича. А в это время немцы переехали Нарову и стали вдоль берега грабить псковские села. Дружина Карпа встретила с ними на болоте у села Кушели и вступила в бой, убив «на припоре» 20 немцев, а остальные разбежались, побросав награбленное.

Зимой 1342 г. Володша Строилович поднял псковичей воевать немецкие села. Дружина двинулась по льду озера, но, узнав, что немцы напали на псковское село Ремду, отправилась туда и перебила противника.

Еще в самом начале «партизанской войны» псковичи, не получив ниоткуда помощи, послали в Витебск к литовскому князю Ольгерду гонца, велев сказать ему: «Братья наши, новгородцы, нас покинули, не помогают нам; помоги нам ты, господин!» Ольгерд прибыл в Псков с братом Кейстутом и русскими и литовскими полками.

Воевода Ольгерда князь Юрий Витовтович отправился на границу «за языком» и наткнулся на сильный немецкий отряд, двигавшийся к Изборску. Потеряв 60 человек, Юрий Витовтович прибежал в Изборск. А на следующий день под городом появились немцы, «загородившись, в силе тяжкой, без бога, с пороками, городами и со многим замышлением, и оступили город Изборск, хотя пленить дом святого Николы». Тогда жители Изборска послали в Псков гонца «со многою тугою и печалию». Но князь Ольгерд отказался идти против немцев. Он объяснил это изборцам так: «Сидите в городе, не сдавайтесь, бейтесь с немцами, и если только не будет у вас крамолы, то ничего вам не сделают. А если мне пойти с своею силою на великую их силу, то сколько там падет мертвых, и кто знает, чей будет

³⁵ Поречане и островичи – население пограничных областей, этнические русские с небольшой примесью эстов.

верх? Если, Бог даст, и мы возьмем верх, то сколько будет побито народу, а какая будет из этого польза?»³⁶

Пять дней простояли немцы под Изборском и вдруг сожгли все свои пороки и городки и отступили. Не знали немцы, что в Изборске не было воды и город не мог долго держаться.

После этого псковичи стали уговаривать князя Ольгерда креститься и сесть у них в Пскове на княжение. Ольгерд отвечал: «Я уже крещен, я уже христианин, а другой раз креститься не хочу и садиться у вас на княжение не хочу».³⁷ Однако Ольгерд согласился, чтобы его сын Андрей крестился и остался в Пскове на княжение.

В конце апреля 1343 г. в датской Эстляндии началось восстание крестьян, вошедшее в историю под названием Юрьевой ночи, о чем более подробно будет рассказано в следующей главе.

Воспользовавшись ситуацией, пятитысячное войско псковичей и изборян двинулось в Эстляндию. В течение пяти суток они прошли большую часть страны, а затем двинулись назад с большим полоном.

Неприятель (по версии русской летописи – немцы, а возможно, это были датчане) погнался за русскими и настиг их недалеко от немецкого Нового Городка (Нейгаузена)³⁸ на Малом Борку. Псковичи, помолившись Святой Троице и своим святым князьям Всеволоду и Тимофею (Довмонту), простившись друг с другом со словами «Не опозорим отцов, потянем за Святую Троицу, за святые церкви, за свое отечество!», приняли бой. Сеча была жаркая, и псковичи побили немцев, потеряв 17 человек убитыми. Кроме того, многие из них «обеспамятели от бессонницы и погибли».

После этого лет шесть о немцах не было и слышно. Но в 1348 г., когда псковское войско находилось в Новгородской земле, помогая новгородцам в войне со шведами, немцы начали жечь псковские села, а весной 1349 г. их отряд явился у Изборска.

В это время в Пскове формально княжил Андрей Ольгердович, но фактически функции князя исполнял его наместник литовский князь Юрий Витовтович. Он вышел против немцев и был убит в первой же стычке. «Была тогда во Пскове скорбь и печаль великая, все духовенство проводило князя, и положили его в церкви святой Троицы».³⁹

В том же 1349 году немцы поставили на реке Нарове новую крепость, севернее ее истока из Чудского озера на правом (восточном) берегу. В ответ псковичи отправили конную дружину и большую судовую рать к этому Новому Городу. Псковичи подожгли город, и большая часть неприятелей – немцев и чухонцев – сгорела, а все, кому удалось вырваться из огня, попали в полон к псковичам.

Во всех этих войнах не упоминается князь Андрей Ольгердович. Сам он в Пскове не жил, а держал там наместника. Пока этим наместником был храбрый и любимый псковичами Юрий Витовтович, это сходило Андрею с рук. Но после его гибели псковичи послали сказать Андрею: «Тебе было, князь, сидеть самому во Пскове на княжении, а наместниками Пскова не держать; когда тебе неуютно сидеть у нас, в другом месте княжишь, то наместников твоих не хотим».⁴⁰

Андрей и его отец Ольгерд обиделись и немедленно захватили в Литве псковских купцов с товарами. Дело дошло до нападений на псковские пограничные села. Псковичи ответили тем же. Тем не менее до большой войны дело не дошло.

³⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 256.

³⁷ Там же.

³⁸ Сейчас это г. Ваетселинна.

³⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 257.

⁴⁰ Там же.

В 1367 г. немецкая рать появилась под Псковом, пожгла посад и ночью ушла. Псковичи кинулись в погоню, но у крепости Велья⁴¹ подверглись нападению другого немецкого отряда и были разбиты.

Тогда псковичи отправили послов сказать новгородцам: «Господа братья! Как вы заботитесь об нас, своей братье младшей?» Новгородцы задержали немецких купцов, так как новгородские купцы были арестованы в Юрьеве и других ливонских городах, и в 1368 г. отправили войско к Изборску, осажденному немцами. Узнав о приближении новгородцев, немцы сняли осаду, но в следующем году опять явились под Псков, простояли там три дня и две ночи и опять ушли, не причинив особого вреда. Летописец упоминает только о двух убитых псковичах и одном, захваченном в плен и замученном немцами.

В 1370 г. новгородцы и псковичи решили отомстить немцам за их нападения и пошли к Новому Городку, но взять его не смогли. Новгородский летописец говорит, что город был тверд, а псковский летописец жалуется на новгородцев, что те от Нового Городка не пошли в немецкие земли, а вернулись назад, «не пособивши нимало псковичам», которые одни сожгли Киремпе и захватили большую добычу. Немцы же частью были перебиты, а остальные задохнулись от жары, попрятавшись в подвалах.

Летом 1371 г. в Новом Городке (Нейгаузене) новгородский посадник Юрий Иванович заключил мир с магистром Вильгельмом фон Фраймерсхеймом, который соблюдался обеими сторонами до 1406 г.

В августе 1406 г. магистр ордена Меченосцев с отрядом рыцарей начал грабить псковские земли. Навстречу ему из крепости Велья (Вороноч на Сороти) выехало «150 человек железной рати». В ходе боя немцы потеряли много людей и знамя и бежали. Согласно Псковской летописи, никто из вельян не только не был убит, но даже и ранен. Лишь один дружинник попал в плен, да и тот вскоре убежал.

В октябре того же года псковичи пошли в Ливонию. Они устроили засаду отряду рыцарей и убили 20 человек, а семерых взяли в плен. Потом псковичи пошли к крепости Нейгаузен, где сразились с другим немецким отрядом. Немцы (возможно, это были и чухонцы) потеряли 315 человек, а русские – 34. Псковичи вернулись домой с добычей и большим полонем.

В 1407 г. в Псков приехал удельный князь углицкий Константин, сын Дмитрия Донского. Первым делом он отправил гонца в Новгород просить помощи для защиты от немцев. Но новгородцы отказались помочь псковичам. Тогда князь Константин, по выражению летописца, «будучи юн верстою [ему было 18 лет], но совершен умом», поднял всю Псковскую область и пригороды и пошел воевать за Нарову. Псковичи разорили много погостов, взяли богатую добычу и благополучно возвратились домой. Со времен князей Довмонта и Давида псковичи впервые вторглись так далеко в немецкие земли.

Но вскоре князь Константин уехал из Пскова, и дела переменялись. Магистр пришел к Пскову со всей немецкой силой. Псковичи вышли к нему навстречу. Четыре дня стояли противники друг против друга, но немцы так и не решились переправиться через реку и уже пошли назад. А псковичи, ободренные этим, перешли реку и погнались за ними. Тогда немцы остановились, приняли бой и разбили псковское войско на Логозовицком поле (близ села Логозовичи на дороге к Изборску). В этом бою погибли три посадника и множество бояр, а всего псковичи потеряли 700 человек.

Почти одновременно за Наровой потерпела поражение и псковская судовая рать. Однако и немцы понесли большие потери и не смогли реализовать свой успех.

⁴¹ У псковичей было две крепости, носившие название Велья, или Вороноч. Здесь же имеется в виду крепость на горе у озера Черное в 28 верстах к северу от города Опочка. Вторая крепость Велья (Вороноч) была расположена на реке Сороти в 40 верстах к северу от Опочки, в 3 верстах от пушкинской усадьбы Михайловское.

В 1408–1409 гг. происходили набеги обеих сторон с целью грабежа сельского населения. Наконец осенью 1410 г. в замке Киремпе (Кирумпля) в Дерптском епископстве псковские послы и магистр Конрад фон Фитингоф заключили десятилетнее перемирие «по старине, на псковской воле». Таким образом, была восстановлена старая граница у Нейгаузена. Некоторые авторы связывают успех псковской дипломатии с исходом Грюнвальдской битвы. Но это явная натяжка – по такому случаю на Украине говорят: «В огороде – бузина, а в Киеве – дядька». В 1410 г. Литва для Пскова и Москвы была скорее врагом, нежели союзником.

В 1417 г. в Ригу прибыл посол Великого князя Московского с двумя псковскими боярами. Они заключили договор о свободной торговле и непропуске врагов ордена через псковские земли, а псковских врагов – через владения ордена, а «в обидах положено искать управы судом, а не мечом». Примечательно, что Великий князь Московский Василий в этой грамоте назывался Великим королем Московским, императором русским.

В 1420 г. немецкие и новгородские послы встретились на реке Нарове и заключили вечный мир «по старине», как было при Александре Невском.

Мирные отношения между Псковом и орденом продолжались до 1444 г. Понятно, что отдельные пограничные стычки имели место, в том числе нападения эстов на русских рыбаков на Чудском озере.

Новая война началась с небольшой стычки. Осенью 1444 г. «немецкие чухны» явились в псковские пределы и начали воровать рожь. Псковичи под началом своего служилого князя Александра Васильевича Чарторыского⁴² изловили 7 человек и повесили их, а для острастки сами отправились под Нейгаузен и уничтожили посевы хлеба.

Зимой 1444/1445 г. пошли в Эстляндию и новгородцы и пограбили земли по западному берегу реки Наровы.

В ответ магистр ордена подошел с войском к городу Яму, пять дней обстреливал его из пушек, но взять не смог. Замечу, что город оборонял шуйский князь Василий Юрьевич.⁴³ Зато немцы пограбили Вотскую и Ижорскую земли, в том числе район нижнего течения Невы.

Согласно Псковской летописи, в 1448 г. Александр Чарторыский повел новгородцев в Эстляндию. На реке Нарове произошла большая битва с участием русской конной и судовой рати. «Бог помог новгородцам, они побили много врагов, иных побили много на море в судах (бусах), другие потонули в море». 84 человека попали в плен и с ними два графа. Одновременно под Ямом отряд новгородцев под началом «князя суздальского» Василия Васильевича⁴⁴ разгромил другое немецкое войско.

Это заставило немцев быть сговорчивее, и 25 июля 1448 г. в Нарве был подписан новгородско-ливонский мирный договор сроком на 25 лет. Мир был заключен «по старине», то есть без каких-либо новых условий.

В 1448 г. возникали небольшие споры из-за куска пограничной земли. Князь Александр Чарторыский с псковскими посадниками поехал на спорную землю. Там они накопили сена и велели своим рыбакам ловить рыбу, как раньше, поставили церковь, а чужь перевешали. Но на следующий год «поганые латины, не веруя в крестное целование», неожиданно напали на эту спорную землю, сожгли церковь и десять человек. Князь Александр тут же собрал

⁴² Чарторыские, по польской версии, происходили от сына великого князя Ольгерда Любарта, а по русской – от другого сына Ольгерда Черниговского князя Константина. Прозвище свое они получили от имени Чарторык на реке Стырь на Волыни.

⁴³ Василий Юрьевич – потомок суздальских князей. В 1446 г. он получил от великого князя московского Дмитрия Шемяки Суздаль и Нижний Новгород. Его праправнук Василий Иванович Шуйский станет царем московским. Новгородская и Псковская республики в XIII–XIV веках постоянно принимали на службу князей Рюриковичей и Гедиминовичей, которые играли роль как главных воевод Новгорода и Пскова, так и местных воевод в пограничных крепостях.

⁴⁴ Это был или Василий Васильевич Бледный, сын Василия Юрьевича, или Василий Васильевич Гребенка, племянник Василия Юрьевича. Кстати, оба были суздальскими князьями по рождению, но никогда не владели Суздальским княжеством.

псковское войско и отправился в насадах и ладьях в Немецкую землю, где из мести пожег множество людей – мужчин и женщин. Немцы поспешили отомстить за своих и на шнеках и ладьях въехали в Нарову, где отняли у псковских рыбаков насадку с пушками и всеми ратными припасами, а в Березской волости выжгли 42 двора, но убитых не было – все успели разбежаться.

Затем договорились решить вопрос миром, но ливонские послы не явились. Тогда псковичи, предводительствуемые князем Александром, вторглись в Немецкую землю на 70 верст и трое суток славно там гуляли – «много добра пограбили и погостов много пожгли, божницу великую выжгли, сняли с нее крест и четыре колокола; со множеством других пленников привели во Псков и попа немецкого».⁴⁵

Естественно, это мелочи для нашей истории, но они хорошо показывают колорит того времени.

В 1480 г. немцы напали на Вышгородок, сожгли церковь и перебили множество народа. Затем такая же участь постигла и городок Гдов. Нападения немцев были молниеносны, и они успели безнаказанно уйти. Можно допустить, что немцы воспользовались конфликтом между Москвой и Господином Великим Новгородом и почувствовали себя безнаказанными.

Псковичи в ответ пошли к Юрьеву и опустошили его окрестности, множество немцев и чуди было приведено в Псков. Любопытно, что немецкий Дерпт псковские летописцы по-прежнему называют Юрьевым.

Немцы собрали ополчение из чуди и всей силой двинулись на Псков. Для начала они сожгли город Кобылу, стоявший на берегу Чудского озера. 16 августа магистр Бернхард фон Борх подступил к Изборску, но взять его не смог и двинулся к Пскову.

20 августа магистр подошел к городу по суше, а по озеру причалила флотилия шнеков.⁴⁶

Немцы стали стрелять из судовых пушек по Запсковью и Полоницу. Вскоре в Запсковье возник сильный пожар. На беду псковичей их служилый князь Василий Федорович Шуйский (племянник Василия Юрьевича Шуйского) оказался трусом и горьким пьяницей. Князь приказал седлать лошадей и намеревался бежать из города. Но тут подошел простой пскович со словами: «Мне было во сне видение – явился мне благоверный князь Довмонт и сказал: возьмите одеяние с моего гроба и обойдите трижды с крестами город; молитесь Богу и ничего не бойтесь».⁴⁷

Псковичи с одеянием Довмонта трижды обошли вокруг Крома. После этого немцы предприняли мощную атаку. Они стреляли из пушек, пускали стрелы и пули из пищалей, их шнеки пытались пристать к берегу между деревьями святого Лазаря и святого Спаса. Но псковичи бросились на них кто с камнями, кто с топорами и мечами, многих немцев утопили и изрубили и захватили одну пушку. Тогда немцы побросали много своих шнеков и бежали. По словам летописца: «И так они убежали со срамом после пятидневного неудачного приступа».

В январе 1481 г. на помощь Пскову прибыли московские воеводы Иван Булгак и Ярослав Оболенский с московскими и новгородскими полками. Соединившись с псковичами, воеводы в феврале вошли в Ливонию и четыре недели опустошали страну. Русские сожгли Феллин, взяли земли Тарваст, Каркус, Ронненбург и др.

Магистр же Бернхард фон Борх и другие рыцари не решились сражаться с русскими, а заперлись за стенами замков.

⁴⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 444.

⁴⁶ Шнек – речное или морское парусно-гребное судно средних размеров. С конца XIV века шнеки иногда вооружались пушками.

⁴⁷ Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-веченого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М.: Чарли; Смоленск: Смядынь, 1994. С. 244.

Зато позже немецкие хронисты добились успеха в пропагандистской войне, дав волю своей буйной фантазии. К сожалению, ряд наших историков, включая Карамзина и Костомарова, клюнули на эту «дезу». Процитирую Н.И. Костомарова: «Произошло опустошение, которое своим варварством превосходит, кажется, прежде бывшие; немецкий современник рассказывает, что в это время русские с особенным остервенением истязали жителей немцев и чухон: насиловали женщин и девиц, ругались над страдальцами, отрезывали им уши, носы, обрубали руки и ноги, и для потехи делали над мужскими и женскими трупами бесстыдные поругания, разрезывали беременных женщин и ели плод их, заставляли людей вырывать собственными руками у себя внутренности и вешали таких страдальцев на дерево.

Псковская вторая летопись говорит, что русские, рассеявшись тремя дорогами, выжгли и разорили всю Землю Немецкую, от Юрьева до самой Риги».⁴⁸

В марте 1481 г. русское войско ушло восвояси, а через несколько недель в Новгород отправилось ливонское посольство во главе с Иваном Вязовым. Между прочим, среди администрации ливонцев я неоднократно встречал русские имена и фамилии. К сожалению, вопрос о службе русских людей в ордено до сих пор не исследован.

1 сентября 1481 г. в Новгороде был подписан новый мирный договор сроком на 10 лет. В 1493 г. договор продлили еще на 10 лет.

Осенью 1492 г. по указу Ивана III русские возвели крепость на реке Нарове напротив ливонской крепости Нарвы. В честь великого князя ее называли Ивангородом. Деревянная крепость на скалистой Девичьей горе была построена за два месяца. Новая крепость находилась в 12 верстах от Финского залива.

Основание Ивангорода имело не только военное, но и экономическое значение. Иван III и его бояре надеялись принимать там купеческие суда из Германии и Дании. В 1493 г. был заключен первый в истории договор Москвы с Датским королевством. Однако Дания не могла или не хотела ничем помочь Руси на востоке Балтики, а вот Ганза устроила Ивангороду экономическую блокаду, все ее суда по-прежнему шли в Нарву.

Осенью 1494 г. в Москве стало известно о расправе в Ревеле над двумя русскими купцами. Один из них был обвинен в гомосексуализме и сожжен на костре, а второго объявили фальшивомонетчиком. В ответ на протесты других русских купцов ревельские старейшины города заявили: «Мы сожгли бы вашего князя, если бы он у нас сделал то же».

Московские наместники в Новгороде бояре братья Яков и Юрий Захарьевичи Кошкины⁴⁹ поспешили наябедничать в Москву. Ивана III это сильно задело. Он потребовал, чтобы Ливонский орден выдал ему на расправу ревельский магистрат, на что, естественно, получил отказ. Иван в отместку повелел Якову Кошкину схватить в Новгороде всех немецких купцов, отнять их гостиные дворы и церковь, а товары переписать и отправить в Москву. Яков и Юрий в точности исполнили приказ – 40 купцов-немцев из тринадцати городов были посажены в тюрьму, а имущество их разграблено.

Обратим внимание на цифры – к 1495 г. оставалось в городах всего 40 купцов, а 20 лет назад их были сотни. Так братцы Кошкины окончательно закрыли «немецкий двор» в уже подневольном городе Новгороде.

В апреле 1496 г. по ходатайству Великого князя Литовского Александра немецкие купцы были отпущены, ну а имущество их давно ушло в княжескую казну и амбары братьев Кошкиных.

Летом 1495 г. Иван III начал войну со Швецией. Подробности боевых действий выходят за рамки работы, нам же интересен лишь один эпизод войны.

⁴⁸ Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-веченого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М.: Чарли; Смоленск: Смядынь, 1994. С. 245.

⁴⁹ Между прочим, внучка Юрия Кошкина Анастасия Романова стала первой женой Ивана Грозного, а праправнук Михаил – первым царем династии Романовых.

19 августа 1495 г. шведский воевода Стен Стуре на 70 бусах (небольших морских судах) вошел в реку Нарову и двинулся к Ивангороду. Шведы открыли огонь из пушек и пищалей, в городе возникли пожары. Местный воевода Юрий Бабич (из рода князей Друцких) бежал из Ивангорода, спустившись по веревке со стены.

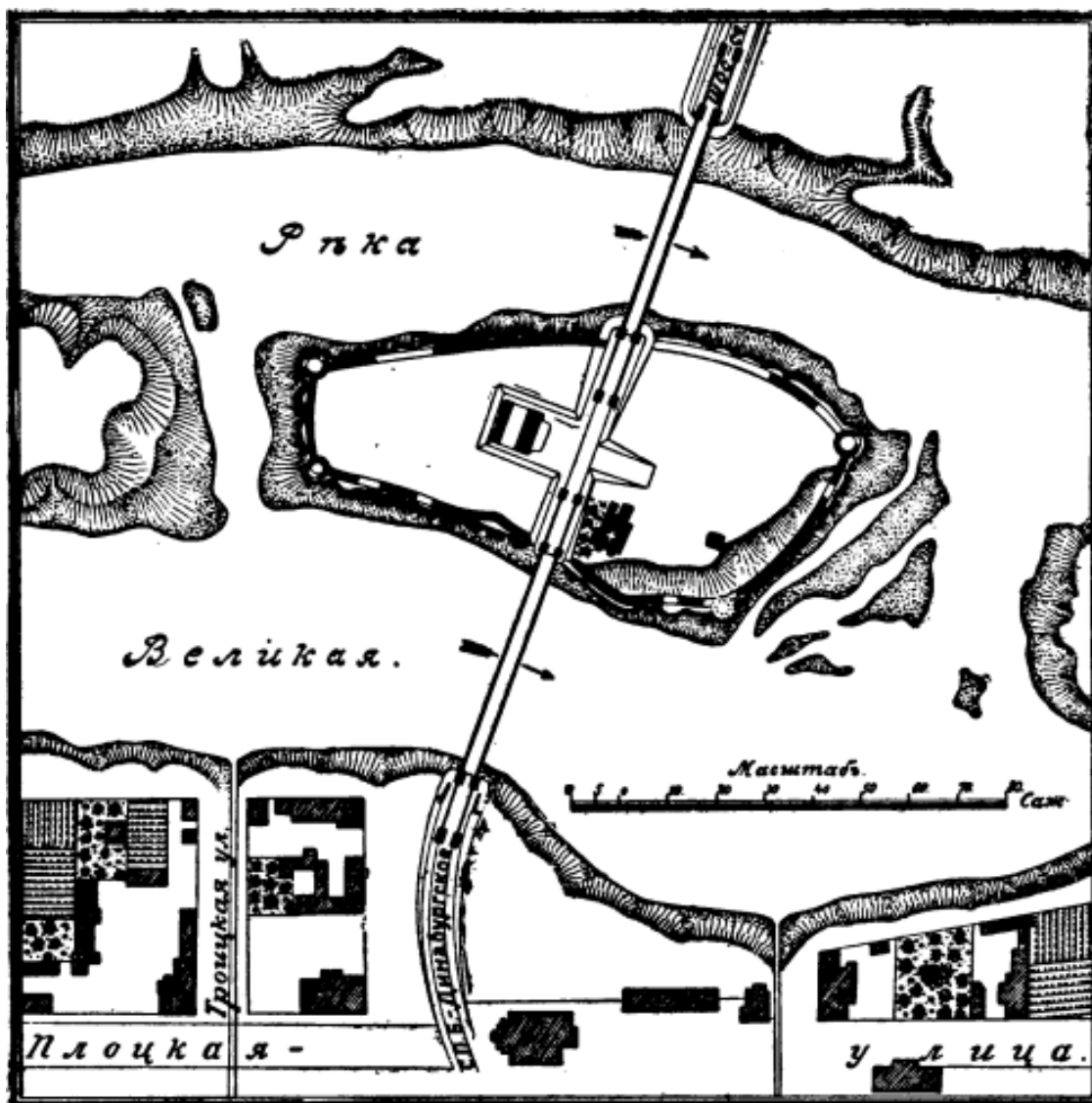
Шведы предложили передать Ивангород Ливонии, но магистр отказался. Тогда Стен Стуре ушел на кораблях домой, прихватив с собой 300 пленных. Сделано это было вовремя – в октябре к Ивангороду подошло большое русское войско. Иван III сделал надлежащие выводы, и вместо деревянных стен крепость была защищена высокими каменными стенами с десятью башнями.

В 1501 г. магистр ордена Вальтер фон Плеттенберг заключил военный союз с Великим князем Литовским Александром и двинулся с войском к Пскову. В орденском войске было 4 тысячи конных рыцарей и 4 тысячи пехотинцев из латышей. Решающую роль орден отводил своей многочисленной артиллерии.

27 августа 1501 г. на реке Сереце немцев встретило сорокатысячное русское войско под началом князей Даниила Пенко и Василия Васильевича Немого-Шуйского. Первыми в атаку пошли псковские и тверские полки. Немцы их встретили шквалом огня из пушек и мушкетов. Так, пушечным ядром были убиты тверской воевода Иван Бороздин и псковский посадник Иван Теншин. У русских началась паника, и все войско обратилось в бегство. Причем удивленные немцы даже не преследовали бегущих, опасаясь засады. Зато подсустились жители Изборска – они из крепости выехали верхом и на телегах и оперативно подобрали брошенные доспехи и другое имущество.

Через день войска Плеттенберга подошли к Изборску. Немцы постреляли из пушек, быстро оценили крепость каменных стен и ответный огонь гарнизона и по здравому размышлению на следующий день двинулись на юго-восток к реке Великой. Немцы хотели форсировать реку, но это им не удалось из-за противостояния отряда псковичей. Так, Плеттенберг пошел на юг по западному берегу реки, пока не дошел до крепости Остров.

Крепость Остров в соответствии со своим названием находилась на острове посреди реки Великой. Крепость была обнесена стеной из известняка толщиной около 4 м и высотой до 10 м с четырьмя башнями.

План крепости Остров (на начало XX века)

7 сентября 1501 г. немцы «начали бить пушками городок Остров и огненные стрелы пускать». Видимо, речь идет о снарядах, которые использовались в военных целях в Европе со второй половины XV века. Возможно, эти снаряды были использованы и в битве на реке Серече. В летописи говорится, что на Серече «и напустиша буртальники немецкийи ветер на псковскую силу и на московскую силу, и пыль ис пушек и ис пицалей».⁵⁰

Остается предположить, что «буртальники» – это снаряды.

В ночь на 9 сентября немцы штурмом взяли Остров и перебили находившихся там 4 тысячи русских. Тут явно речь идет об окрестном населении, укrywшемся от немцев в стенах крепости. Гарнизон сего Острова в мирное время не превышал 100 человек.

После взятия Острова магистр не решился переправиться на другую сторону реки Великой, где его уже ждали псковские полки, а пошел назад к Изборску. Там он простоял день и затем ушел, но оставил в брошенном лагере засаду. Немцы помнили, как изборяне собирали добро, брошенное русскими в битве у Серечи, и решили устроить им западню. Действительно, десятки изборян отправились в немецкий стан отыскивать оставленные вещи. И тут ударила рыцарская конница. Было убито и взято в плен 130 жителей, после чего

⁵⁰ Псковские летописи. М. – Л-д, 1941. С. 80.

немцы уже окончательно двинулись домой. Понятно, что сия операция была проведена для поднятия боевого духа войска. По пути у магистра и у многих рыцарей начался кровавый понос (дизентерия?).

В 1502 г. Иван III выслал новую рать во главе с князем Александром Оболенским и татарский отряд. Московское войско встретилось с немцами около города Гелмеда и, несмотря на то что в первой же схватке погиб воевода Александр Оболенский, русские победили и десять верст гнали немцев. По словам псковского летописца, из неприятельской рати не осталось даже «вестоноши» (вестника), который бы дал знать магистру об этом страшном поражении. Псковский летописец утверждает, что москвичи и татары «секли врагов не саблями светлыми, но били как свиней шестоперами». По словам немецкого летописца, русские потеряли в этом сражении до полутора тысяч человек, а Ливония лишилась сорока тысяч жителей, убитых и взятых в плен русскими.

Вскоре Плеттенберг выздоровел и в том же году появился с пятнадцатитысячным войском под Изборском. Немцы осадили город, но, простояв несколько дней, отошли и осадили Псков. Псковичи сами подожгли предместья и оборонялись до тех пор, пока немцы, узнав о приближении московских воевод князей Данилы Щени и Василия Шуйского, не отступили от города. На берегу озера Смолина воеводы настигли немцев и принудили к битве. Бой был кровопролитным и ожесточенным. Несмотря на большое численное превосходство русских, Плеттенбергу удалось обратить их в бегство, но потери немцев были так велики, что на следующий день Плеттенберг сам начал отступление.

Великий магистр прусский писал папе, что русские хотят или покорить всю Ливонию, или, если не смогут этого сделать по причине крепостей, вконец опустошить Ливонскую землю, перебив и пленив всех сельских жителей; что русские уже проникли в центр страны, что магистр ливонский не в состоянии противиться таким силам, а от соседей же помощи почти нет; что христианство в опасности и потому святой отец должен провозгласить крестовый поход. Но увы, папе было не до крестового похода – начиналась борьба с Реформацией.

В марте 1503 г. в Пскове было подписано перемирие на 6 лет. Условия его были написаны «по старине», восстанавливалась старая граница, как «при Невском». Епископ Дерптский должен был платить старинную дань Москве (вместо Пскова и Новгорода). А также «повинные ливонские рыцари из Москвы не отпускаются после подписания мира, но могут выкупиться сами». Однако размеры выкупа устанавливались столь высокими, что воспользоваться этим правом смогли лишь единицы.

Любопытно, что магистр первым из европейских правителей признал титул Ивана III – «царь и государь всея Руси». Шестилетнее перемирие 1503 г. оказалось весьма долгим. Оно несколько раз продлялось и просуществовало до Ливонской войны.

Глава 5

Под властью ордена

Сейчас в Эстонии тщательно уничтожаются все следы русского присутствия, включая даже памятники солдатам, погибшим в 1944 г. при освобождении республики от фашистской оккупации. Тем не менее в историческом центре Таллина осталась улица Вене – улица русских. Почему же ее не переименовали? Увы, такое название улица получила не при Сталине и даже не при Петре Великом, а где-то в XIII или XIV веках.

Еще до прихода датчан в Колывань на горе Олевимеги русские выстроили храм святого Николая. Во время грандиозного пожара 1433 г., когда выгорел почти весь Ревель, храм тоже сгорел. Новый православный храм святого Николая выстроили на улице Вене в 1433–1437 гг. В 1599 г. царь Борис подарил собору огромный серебряный подсвечник с надписью: «Повелением... Царя и Великого князя Бориса Федоровича... сделан сей подсвечник к великому Чудотворцу Николаю в Колывань, в первое лето Государства Его 7107 года».

В феврале 1438 г. в Ливонию в Дерпт (бывший русский Юрьев) приезжает митрополит всея Руси Исидор, направляющийся на Флорентийский собор. Что произошло при его встрече в Дерпте, мы никогда бы не узнали, если бы Исидор в 1441 г. в Москве не был арестован по обвинению в «латинстве». И ему поставят в вину в числе многого другого поездку в Дерпт. Там его встретили две толпы: русские с попами, православными крестами и хоругвями и немцы со своими латинскими «крыжалами». А Исидор умышленно или по глупости подошел первым к немцам.

Нам же в этом эпизоде интересен вопрос, откуда в 1438 г. в Дерпте взялась толпа «оккупантов»? Ведь в XIV–XV веках никакого массового переселения русских в Прибалтику отмечено не было. На самом деле в Ревеле и Дерпте жили потомки тех русских, которые остались там после оккупации немцами.

Следует заметить, что русское население в Прибалтике постоянно подвергалось нападениям католиков. Так, на Рождество 1472 г. в Дерпте произошел настоящий русский погром. Община церкви святого Николая 6 января совершала обряд водоосвящения и крестный ход на реку Амовжу. При возвращении на них напала группа фанатичных католиков под предводительством бургомистра Юрия Трасоголового. Городские власти и католическая церковь жестоко расправились с православными. 8 января по приказу епископа Андрея в Амовже были утоплены священник Исидор и еще 72 человека, в том числе женщины и дети: «Безжалостно побросали в прорубь всех, не пощадив даже матерей с грудными младенцами. Весной, по вскрытию реки... найдены в целости все тела сих 73 замученных, и оставшимися в Дерпте православными честно погребены при церкви святого Николая».⁵¹

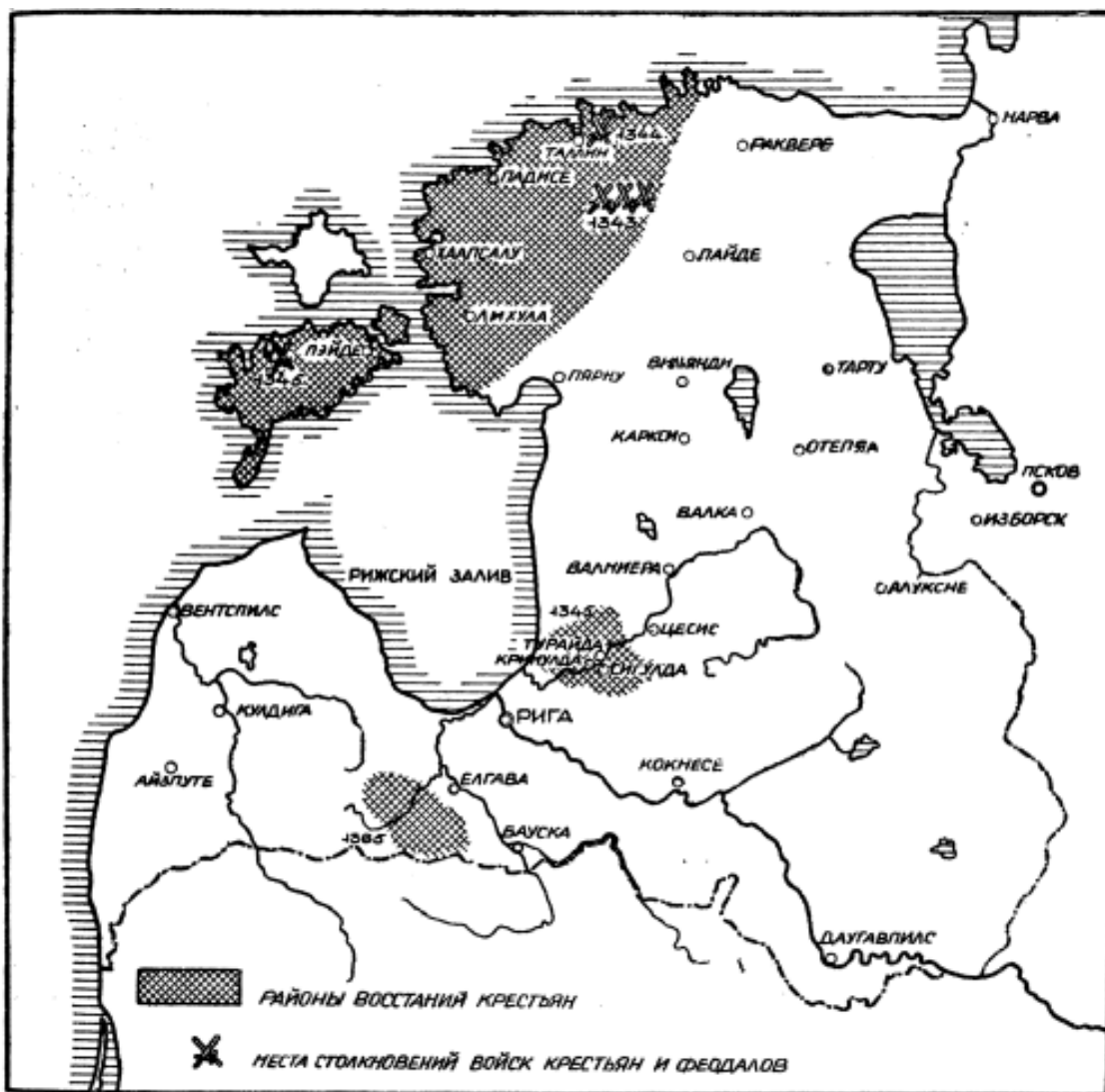
Так выполнял дерптский епископ договор 1463 года с Великим князем Московским Иваном III, по которому среди прочего он обязывался оказывать особенное покровительство православным, жившим в «Русском конце», и их церквям, и «то держать по старине и по старинным грамотам».

Ну а после констатации этих очень неприятных прибалтийским и русскоязычным историкам фактов перейдем к государственному устройству Прибалтики после захвата ее немцами.

В первой половине XIV века немецкие и датские феодалы в Прибалтике значительно усилили гнет крестьян – этнических эстонцев и латышей. Даже в хронике Виганда Марбург-

⁵¹ Бережков М. О торговле русских с Ригию в XIII–XIV веках // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. С. 353.

ского говорилось: «Рыцари и вассалы обременяли население такими большими поборами и вымогательствами... и так велико было их [феодалов] насилие, что они их жен позорили, дочерей насиловали, их собственность отбирали, а с ними обращались как с рабами».⁵²

Крестьянские восстания в Ливонии в XIV веке

В ночь на 23 апреля 1343 г. в Харьюмаа началось восстание эстонских крестьян. Орденский хронист сообщает о начале восстания кратко: «Все, кто были немецкой крови, должны были умереть. Они [эсты] сжигали все дворянские мызы, исходили страну вдоль и поперек, умерщвляя всех попадавшихся им немцев... Кто из женщин и детей спасался от мужчин, тех убивали женщины не немецкой крови; сжигали церкви и мызы». Одним из первых был разрушен большой монастырь в Падизе.

В июле восстание началось и на острове Саарема. Датчане обратились за помощью к ордену, а повстанцы – к шведам.

Шведы отказали эстам, а магистр Бургард фон Дрейлебен с рыцарским войском вошел в датскую Эстляндию.

Стараясь выиграть время и лишить повстанцев руководства, магистр ордена пошел на обман, пригласив их руководителей в замок Пейде, якобы для того, чтобы узнать причины

⁵² История Эстонской СССР. С. 77.

восстания. Явившиеся четыре старейшины эстов и три воина были брошены в темницу, а затем злодейски убиты. Ливонский орден двинул свои войска к Ревелю. Вначале успех сопутствовал эстонцам: они разбили войско оберпаленского фогта, но когда подошли основные силы ордена, вынуждены были отступить на болото Канавере. Кони рыцарей вязли в болоте, и эстонцы успешно отражали атаки врага. Но болото было невелико, и немцам удалось его окружить, поэтому, когда гервенский фогт предложил им сдаться, обещая пощаду, а надежды на помощь извне уже не было, эстонцы согласились. Однако рыцари нарушили обещание и перебили всех сдавшихся, по данным хрониста Генеке, 1600 человек. Через три дня войска ордена прибыли в Ревель. И здесь, чтобы выиграть время, магистр прибегнул к переговорам о сдаче и помиловании восставших, подтянул главные силы и атаковал их.

В битве под Ревелем родилась национальная легенда. Орденский хронист Генеке записал следующую историю: «Когда кончился бой, много народу из города Ревеля вышло посмотреть на убитых; один бюргер стал ходить промеж мертвых, как вдруг вскочил на ноги эстонец, нагой и облитый кровью, и чуть не умертвил бюргера; один из рыцарей заметил это, подбежал и прикончил эстонца».

Именно этого голого и полумертвого эста с мечом в руках изображают в камне и бронзе в память Освободительной войны 1918–1920 гг.

До сих пор на холме Сыэмяги близ Таллина ежегодно отмечается память Юрьевой ночи. Там сооружен памятник в виде большого двуручного меча, воткнутого в землю.

Но и после поражения у Ревеля восстание продолжалось. В феврале 1344 г. войска ордена с осадными машинами по льду вторглись на остров Эзель. Тысячи людей были убиты в кровопролитных сражениях, многие замучены, но рыцарям так и не удалось окончательно покорить остров – боясь оттепели, они отступили на материк. В этом же году начались восстания в Везенберге, а также в землях ливов и латышей.

В начале 1345 г. Ливонский орден сосредоточил все силы для подавления восстания в Эстонии и вторгся на Эзель, где восемь дней подряд продолжались грабежи, убийства и пожары. Лишь к концу года восстание было подавлено.

Юрьева ночь имела крайне важные последствия для Прибалтики. Датские власти поняли, что им не справиться с эстами. Мало того, в датской Эстляндии находились войска ордена, и они явно не собирались уходить.

29 августа 1346 г. в городе Мариенбурге (Восточная Пруссия) датский король Вальдемар IV и наследник датского престола подписали акт о продаже Эстляндии Немецкому ордену. Орден уплатил 19 тысяч кельнских марок Дании, а также 6 тысяч марок маркграфу Бранденбургскому, помогавшему со своими ландскнехтами усмирять восстание в Эстонии.

1 ноября 1347 г. управление Эстляндией было передано гохмейстером Ливонскому ордену, и 2 февраля 1348 г. акт владения Ливонским орденом Эстляндией был утвержден папой Климентом VI.

После этого Ливонский орден стал самым крупным землевладельцем в Прибалтике. Площадь его земель составляла около 67 тысяч кв. км, а оставшиеся 42 тысячи кв. км принадлежали четырем епископствам.

Владения ордена начинались у Финского залива и тянулись по всей территории нынешней Эстонии и Латвии до Клайпеды, а от Либавы они простирались до Резеки и Лудзы. Орденская территория расколола Рижское архиепископство на две, а Курземское (Курляндское) епископство на три части. Орденская территория была разделена на ряд областей с комтурами и фогтами во главе. В центрах областей находились сильно укрепленные замки. До XV века таких областей управления было от 30 до 40, а в XV веке – 20 (9 комтурий и 11 фогтств).

В XIII веке фогты по своему должностному положению стояли ниже комтуров. Они решали все дела, относящиеся к крестьянам, в то время как комтур был начальником размещенного в каком-либо замке гарнизона орденовских рыцарей.

Начиная с XIV века эта разница постепенно исчезла. Как фогты, так и комтуры являлись управляющими отдельных областей орденовской территории. Наделенными одинаковыми правами. Комтурии и фогства, в свою очередь, делились на округа государственных имений, или аматы, а последние – на погосты, или вакки.

Формально высшая власть в орденовском государстве принадлежала избранному пожизненно магистру ордена с резиденцией в рижском замке или в замке Цесис. Однако уже с самого начала власть магистра ограничивалась капитулом – собранием высших членов ордена: комтуров, фогтов и т. п. Позже решающее значение принадлежало только собранию наиболее значительных по положению комтуров и фогтов орденовской территории, так называемому внутреннему совету магистра.

Второй по величине территорией (около 18,4 тысяч кв. км) было Рижское архиепископство (до 1251 г. епископство). Его главными составными частями являлись бывшие земли Талавы и Ерсик и территория, населенная ливами. Архиепископ имел резиденцию в Риге (до 1420 г.), а позже – в Ронненбурге (Рауне).

В управлении территорией архиепископства наряду с архиепископом важную роль играли 12 высших священников – капитул соборных каноников. С ростом же политического значения вассалов, со второй половины XIV века, важным политическим учреждением стало собрание всех вассалов архиепископства – мантаг. В XV веке образовался совет архиепископства, который состоял из шести членов капитула и шести вассалов, во главе с архиепископом как председателем, в котором вассалы играли решающую роль.

Из трех остальных епископских территорий две находились в Эстонии: Дерптское епископство площадью 9600 кв. км и Эзель-Викское (Сааремаа-Ляанское) площадью 7600 кв. км.

У ревельского епископа не было своей территории, он владел лишь несколькими имениями, выделенными для его содержания (около 80 кв. км).

Третья, Курземская епископская территория насчитывала 4500 кв. км с резиденцией епископа в Пилтене. Управляющим епископством и его высшим судьей был назначенный епископом фогт (судья). Небольшая территория разделялась на восемь административных участков (амтов), которые, в свою очередь, подразделялись на погосты.

Так как владения Ливонского ордена раскололи территорию Курземского епископа на три части, то она скоро попала под полное влияние ордена. Кроме того, магистру удалось добиться в Риме постановления, что епископом Курземе может быть только член Немецкого ордена. Тем самым Курземское епископство политически было полностью подчинено ордену.

Самый крупный и богатый город Прибалтики – Рига – был самостоятельным государством, в которое, помимо самого города, входил патримониальный округ («марка») площадью около 750 кв. км. Патримониальный округ полностью зависел от города и управлялся по законам и правам, изданным ратом, или магистратом – высшим органом управления Риги.

Верховная власть над Ливонией зависела по крайней мере от трех сюзеренов: папы римского (особенно в XIII веке), Немецкого ордена в Пруссии (вплоть до XV века) и, в меньшей степени, от так называемой «Римской империи германской нации». Епископ Альберт, стремясь укрепить международное положение своих владений, а также получить помощь в завоевании Ливонии, в 1207 г. признал себя вассалом германского короля Филиппа. Этим политическим ходом он рассчитывал обеспечить себе некоторую независимость от папы римского. Но расчеты епископа не оправдались, хотя теперь он и его преемники стали князьями Римской империи германской нации с правом участия в рейхстаге, хотя проку от этого

права было мало. Императорская власть в Германской империи была чрезвычайно слаба, сама империя сильно раздроблена, так что политическая зависимость Ливонии от нее существовала только номинально. Уже с XIII века Германская империя начала разлагаться, ее центральная власть пришла в упадок. Империя превратилась в весьма непрочное объединение более чем ста княжеств. Так что политика Германской империи не имела практического значения для дальнейшей истории средневековой Ливонии.

Зато постоянное давление и прямое вмешательство римско-католической церкви сильно влияло на политическое развитие Ливонии. Согласно церковной юрисдикции, высшей властью над рижским архиепископом и четырьмя местными епископами была римская курия, а Ливонский орден непосредственно подчинялся папе римскому. Высшие ливонские феодалы, рижские архиепископы и орден для разрешения своих споров постоянно обращались к папе римскому как к высшему судье. А так как папы начиная с XIV века стабильно испытывали финансовые трудности, то и споры решались в пользу того, кто больше заплатит. А платил больше всех Ливонский орден, потому и выигрывал все споры.

Ливонский орден и подвластные ему территории с 1237 г. стали подчиняться Немецкому ордену в Пруссии. Однако уже в XIV веке среди братьев-рыцарей Ливонского ордена создаются группировки, стремящиеся к независимости. И вот после битвы в 1410 г. под Грюнвальдом Ливонский орден фактически стал независим от Немецкого ордена, хотя формально эта зависимость и продолжала существовать.

Взаимоотношения высших ливонских феодалов были очень запутанными. В церковно-правовом отношении высшим должностным лицом являлся рижский архиепископ, которому в вопросах вероисповедания и церковного права подчинялась почти вся Ливония, а также Пруссия. Только ревельский епископ, в ведении которого находилась северная Эстония, был в церковно-правовом отношении подчинен не рижскому, а лундскому архиепископу в Швеции.

Как светские правители своих территорий, епископы были совершенно независимы от рижского архиепископа и вели самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику.

Особенно запутанными были отношения между рижским архиепископом и Ливонским орденом. Перипетии этой борьбы выходят за рамки нашего труда. Скажу лишь, что доминирования в Риге не удалось достичь ни одной стороне.

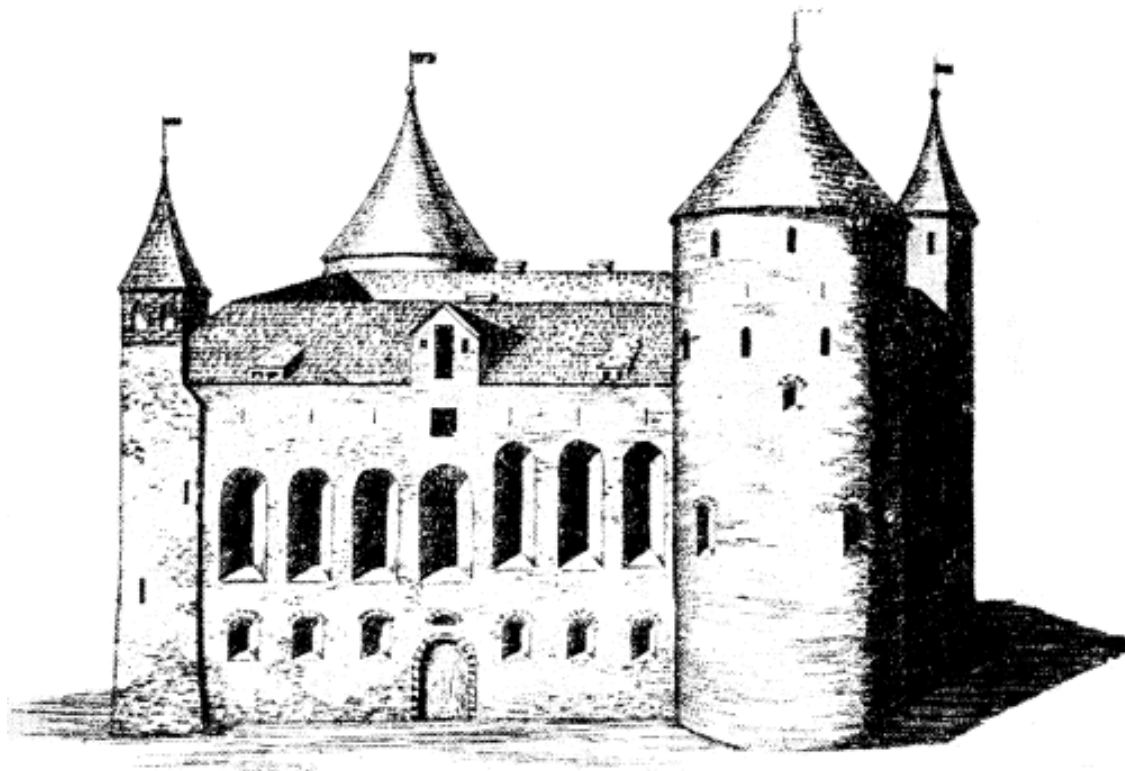
Как в Ливонском ордене, так и в четырех архиепископствах феодалы-немцы жестоко угнетали крестьян и представителей коренного населения. К середине XVI века с хозяйства «в одну соху» барщина достигала до 300 дней в году. Держатель надела должен был выставить одного человека с лошадей для исполнения работ в имении.

В 1507 г. крестьянам было запрещено носить любое оружие. Дело в том, что восстания крестьян в XIV–XV веках были в Прибалтике обычным явлением.

С середины XIV века торговлю в Риге захватила организация немецких купцов, так называемая Большая гильдия, которая стремилась сделать торговлю своей монополией. Одним из средств для достижения этого было запрещение гостям, то есть приезжим купцам, торговать в Риге друг с другом. Торговля разрешалась только через посредников, которыми были исключительно рижские купцы – члены Большой гильдии. Латышам запрещалось заниматься торговлей в Риге. Позже Большая гильдия запретила обучать русскому языку голландцев, чтобы они не могли торговать с русскими без посредничества рижских купцов.

Несмотря на все эти запреты, русские и латышские купцы принимали участие в рижской торговле, о чем свидетельствует создание в Риге в 1522 г. особого цеха русских розничных торговцев, а также многократные повторения о запрете латышам заниматься торговлей. Замечу, что и ревельские купцы запретили «гостевую торговлю», разрешавшую приезжим купцам торговать между собой. Нетрудно понять, какие огромные убытки при этом несла Россия.

С конца XIII века Рига стала членом Ганзейского союза, стремясь обеспечить свои торговые интересы. С XV века рижские купцы установили тесные торговые связи с нидерландскими купцами, хотя те считались самыми опасными конкурентами Ганзы. Несколько раз Ганза пыталась запретить нидерландцам въезд в Балтийское море. Но Рига и другие города Латвии противились этому, поскольку голландские корабли перевозили товары гораздо дешевле, чем ганзейские. Рижские купцы также пытались полностью вытеснить из торговли по Западной Двине купцов ганзейских городов. В результате столкновений на этой почве в первой половине XVI века (в 1509 г. и 1524 г.) закрывался для рижской торговли Зунд – выход из Балтийского моря в океан.

Рижский замок в 1515 г.

В 1544 г., когда в Дании были уничтожены привилегии Ганзы, Зунд был открыт и для голландских кораблей. В конце XVI века число голландских кораблей уже превышало половину всех судов, проходивших через пролив.

Как и большинство стран Европы, Прибалтику не обошла и реформация. Первый лютеранский проповедник в Риге Андрей Кнопкен, сын бедного померанского помещика, активно стал проповедовать лютеранство с 1521 г. Проповедники лютеранства первоначально искали поддержку в тех слоях рижского населения, которые были наиболее заинтересованы в изменении существующего строя. Этим объясняется, что Кнопкен вступил в латышское братство грузчиков кораблей, а другой проповедник, Иоахим Моллер, стал членом братства разносчиков пива.

Кнопкен, состоявший в переписке с Эразмом Роттердамским, ограничил свою деятельность религиозными диспутами, которые он вел в рижских церквях с католическим духовенством. В 1522 г. в Риге появился сторонник Лютера Сильвестр Тегетмейер, сын гамбургского купца. Сильвестр стал призывать к реформации в куда более резкой форме. Его выступления нашли поддержку у большинства горожан, которые равно ненавидели и рижского архиепископа, и орден. Вначале рижский магистрат держал нейтралитет в религиозных диспу-

тах, но затем поддержал лютеран. Против воли архиепископа рижский магистрат назначил Кнопкена и Тегетмейера священниками в соборах Петра и Якова.

В следующем году в Ригу прибыл странствующий проповедник Мельхиор Гофман, позже ставший одним из вождей радикального анабаптизма в Германии.

Весной 1524 г. началось уничтожение икон в рижских католических церквях. Успех реформации был обеспечен широким участием низших слоев населения, для которых выступление против церкви было формой протеста против существующего порядка. Из Риги движение перебросилось также и в другие крупные города Ливонии (Дерпт, Ревель и др.).

Торговые ганзейские корабли в гавани. (По рисунку XV века)

14 сентября 1524 г. в Ревеле полуторатысячная толпа немцев и эстов ворвалась в доминиканский монастырь, а затем и в церкви Олевисте и Святого Духа, уничтожила алтари, иконы и скульптурные изображения святых, а часть имущества растащила. В начале следующего года доминиканский монастырь был упразднен, а монахи изгнаны. 7 января 1525 г.

в Дерпте горожане выгнали всех попов и монахов из церквей и монастырей. Алтари, иконы и статуи святых были разбиты и частью сожжены на рыночной площади.

10 января Гофман с отрядом в 200 горожан пытался захватить замок епископа. Войска епископа отбили атаку, убив четверых и ранив двадцать человек. Тогда к замку двинулось несколько тысяч горожан вместе с пушками. В конце концов при посредничестве магистрата было достигнуто соглашение, по которому епископ покинул замок.

Почему же рыцарство не поддержало католическое духовенство? Большинство феодалов считали, что победа лютеранства приведет к упразднению католического епископства и Ливонского ордена. Вассалы таким путем могли не только получить в частную собственность свои лены, но и захватить те земли, на которых до этого непосредственно вели хозяйство епископы и орден. Лютеранские священники гораздо более зависели от местных помещиков, чем католические, и их легко можно было использовать в качестве средства воздействия на крестьян. Среди рыцарства быстро распространялось лютеранство. В число лютеран господа записывали также и своих крестьян, не спрашивая на это их согласия. Около середины XVI века большинство жителей Ливонии формально приняли лютеранство. В 1554 г. на ландтаге в Валмиере была провозглашена свобода вероисповедания для лютеран всей Ливонии. Только епископы и орденское начальство оставались католиками вплоть до Ливонской войны.

Любопытно, что именно в связи с реформацией появилась первая книга на эстонском языке – катехизис, отпечатанный в 1535 г. в Виттенберге (Германия). Текст катехизиса был составлен на двух языках: на нижненемецком языке написан пастором церкви Нигулисте Симоном Ванрадтом, а эстонский перевод сделан пастором прихода церкви Святого Духа Иоганном Кэлем. Однако Ревельский магистрат запретил распространение катехизиса из-за якобы содержащихся в нем «немалых ошибок».

Реформация была одной из причин, которые содействовали гибели ордена. Однако окончательную его судьбу решила Ливонская война.

Глава 6

Первые контакты Руси с литовцами

Если о Польше наш читатель хоть что-то слышал, а при большом желании мог обратиться к трудам по истории Польши, изданным в XIX веке на русском языке, или к современным на польском, то в отношении истории Литвы до XIV века даже в узко специальных трудах говорится весьма туманно.

Литовские племена относятся к индоевропейской группе и пришли на территорию, в основном совпадающую с нынешней Литвой, где-то в III тысячелетии до нашей эры. Сразу поставим точки над *i*: сведений о Литве до середины XIII века ничтожно мало. Так, первое письменное упоминание о Литве содержится в немецкой хронике (анналах Кведлинбурга) под 1009 г.

По мнению литовских историков, слово «Литва» пришло в русский, польский и другие славянские языки непосредственно из литовского языка. Они считают, что слово происходит от названия небольшой речки Летаука, а первоначальная Литва – это небольшой район между реками Нерис, Виляя и Неман.

Разрозненным литовским населением правили десятки князей (кунигасов). Важную роль играли языческие жрецы. Сведения о религии литовцев скудные и довольно противоречивые. Тем не менее следует отметить, что их верования были очень близки к славянским. Так, и у славян, и у литовцев большую роль играл «живой огонь» – Знич. Раз в году с помощью трения добывался новый живой огонь, от него зажигали огонь у жертвенника и разносили по домам. Если огонь на жертвеннике потухал по вине жреца, то его немедленно убивали.

Бог войны, повелитель грома и молний, у литовцев звался Пяркунас, западные славяне называли его Перкунос, а восточные – Перун. Как и славяне, литовцы создавали большие деревянные идолы Пяркунаса. Перед этими идолами совершали жертвоприношения – буйволов, быков, но, разумеется, Пяркунас больше всего любил людей. При этом если славяне убивали жертву Перуну (обычно пленных) мечом, то литовцы жгли людей живыми.

Особую роль в религии литовцев играл Крива – божество Луны. Славяне тоже поклонялись Криве, но культ его был менее распространен.

Общими в пантеоне богов были богиня любви Милда (у славян – Милка) и скотский бог Велиас (у славян – Велес). А вот бог пчеловодов Рагутис у славян не встречался.

Конфликты Руси с литовцами отмечены в русских летописях еще во времена Владимира Святого. Но при этом летописцы лишь фиксировали факт набега литовцев или поход на них русского князя, не приводя никаких деталей.

Литовцы же вообще не имели своей письменности. В XIII веке переписку литовских князей с немцами и поляками вели по латыни немцы (пленные или католические миссионеры). В начале XIV века государственным языком Великого княжества Литовского становится русский, и вся документация ведется по-русски кириллицей, и лишь в конце XVI века появляется собственно литовская письменность, то есть литовские слова, написанные латиницей.

О взаимоотношениях русских и литовцев в X—XII веках известно крайне мало. Какие-то конфликты были уже у полоцких князей в начале XI века. Так, полоцкий князь Брячислав, внук Владимира Святого, для защиты от набегов литовцев основал город Брячиславль (Бреслав) между озерами Дривято и Навято.

В 1040 г. и 1044 г. князь Ярослав Мудрый совершил два успешных похода на Литву. Результаты их профессор Э. Гудавичюс оценил следующим образом: «Литовцы были вынуждены признать верховенство Руси и платить ей дань. Подобное положение замед-

лило развитие нарождающейся литовской государственности. Серьезная опасность угрожала самому существованию Литвы: зависимость могла смениться полным присоединением к Руси, следствием этого должно было стать принятие православия со славянской литургией, что означало бы русификацию еще не ставшего народностью литовского этноса. К счастью для Литвы, Древнерусское государство в начале XII в. распалось, и в 1131 г. литовцы обрели свободу». ⁵³ Тут, бесспорно, ситуация предельно упрощена, но с рядом оговорок с утверждением Гудавичюса можно согласиться.

В начале XIII века крестоносцы предприняли первые походы против Литвы. Столкновения с крестоносцами приносили литовцам иногда и выгоду – они улучшали свое вооружение и изменяли тактику боя. Произошло укрупнение племенных образований и возникло несколько межплеменных союзов. Тем не менее в летописях с 1240 по 1292 г. упоминается 33 имени литовских князей, принадлежавших к девяти поколениям.

Позже, в XV веке, в литовских летописях появляются сведения, что де литовские князья произошли от Палеймона, родного брата... римского императора Нерона. Сей мифический братец отправился из Рима на север, там родил трех сыновей: Барка, Куноса и Спера, и вот от Куноса де и пошли литовские князья. Понятно, что иных сведений о существовании «римлянина» Палеймона нет. Есть и куда более реальная версия о происхождении по крайней мере части литовских князей от сыновей полоцкого князя Ростислава Роголодовича. ⁵⁴ Существует и еще много легенд, но от пересказа их я воздержусь, дабы не утомлять читателя. Однако ничего достоверного о происхождении литовских князей сказать нельзя.

В 20-х гг. XIII века на русские княжества нападают уже значительные силы литовцев. Вот, к примеру, запись в летописи за 1229 год: Литва «опустошила страну по озеру Селигеру и реке Поле, новгородцы погнались за ними, настигли, били и отняли весь полон». В 1234 г. «литовцы явились внезапно перед Русою и захватили посад до самого торгу. Но жители и засада [гарнизон. – *А.Ш.*] успели вооружиться: огнищане и гридьба, купцы и гости ударили на литву, выгнали ее из посада и продолжали бой на поле. Литовцы отступили. Князь Ярослав, узнавши об этом, двинулся на врагов с конницею и пехотою, которая ехала в насадах по реке Ловати. Но у Муравьины князь должен был отпустить пехоту назад, потому что у ней не достало хлеба, а сам продолжал путь с одною конницею. В Торопецкой волости на Дубровне встретил он литовцев и разбил их. Побежденные потеряли 300 лошадей, весь товар [добычу. – *А.Ш.*] и побежали в лес, побросавши оружие, щиты, совни, а некоторые тут и костью пали». Новгородцы в этом бою потеряли 10 человек убитыми.

Летом 1235 г. у Могильного местечка при впадении реки Дитвы в Неман ⁵⁵ произошла битва литовцев с объединенными силами мелких западных русских князей – Дмитрия князя Друцкого, Льва Даниловича князя Волынского и Святослава Всеволодовича князя Стародубского. В ходе битвы литовский князь Рингольд наголову разгромил русских.

Допекла Литва и псковичей. В конце концов их терпение лопнуло, и они отправили отряд на помощь крестоносцам, шедшим на Литву. Немецко-русскому войску удалось разгромить ряд районов Литвы, но на обратном пути у Сауле ⁵⁶ они попали в засаду, организованную тем же Рингольдом. В битве на стороне литовцев участвовали и земгалы – племя, жившее на территории современной Южной Литвы. Разгром был полный. Погибли гроссмейстер ордена Меченосцев Фольквин фон Винтерштеттен, граф Данненберг, барон фон

⁵³ Гудавичюс Э. История Литвы. Т. I. С древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И.Д. Сытина: BALTUS, 2005. С. 30.

⁵⁴ Ростислав Роголодович – сын хорошо известного по летописям князя Роголода Всеславича, правившего Полоцком в XII в.

⁵⁵ Сейчас это село Гончары Гродненской области.

⁵⁶ Возможно, это современный г. Шяуляй, но историки называют еще два места, где могла быть битва.

Газельдорп и еще 48 знатных рыцарей. Согласно псковской летописи, домой вернулся лишь каждый десятый русский воин.

После батыева нашествия литовцы осмелели и стали чаще вторгаться на территорию русских княжеств. Но увя, это не всегда им сходило с рук. Так, в 1245 г. 10 тысяч литовцев появились около Торжка и Бежецка. В Торжке в это время сидел князь Ярослав Владимирович, возвратившийся после заключения мира из Ливонии. Он погнался было за литовцами, но потерпел поражение, потерял всех лошадей. Но вскоре на подмогу Ярославу Владимировичу подошла дружина из Москвы, возглавляемая молодым (17—20-летним) князем Михаилом Хоробритом.⁵⁷ Михаилу удалось догнать литовцев под Торопцом. Литовцы были разбиты, а уцелевшие заперлись в городе. Но на следующее утро подошел Александр Невский с новгородской дружиной, совместными усилиями они взяли Торопец, отняли у литовцев весь полон, и при этом были перебиты более восьми литовских князей.

Через несколько дней после взятия Торопца Александр Ярославич получил весть о появлении нового отряда литовцев. Он отпустил новгородские полки домой, а сам с ближней дружиной (двором, как сказано в летописи) погнался за литовцами, нагнал и перебил всех без пощады у озера Жизца. Затем князь отправился в Витебск, забрал там своего сына и направился домой, в Новгород. Но по дороге, недалеко от Усвята, Александр Ярославич опять наткнулся на литовцев и разбил их.

На следующий, 1246 г. литовцы решили попытать счастья на юге. Но, возвращаясь с набега на окрестности Пересопницы, они были настигнуты у Пинска Даниилом и Васильком Романовичами и наголову разбиты. В 1247 г. Романовичи вновь разбили литовцев.

В 1246 г. в Орде умирает Великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович. Его старшие сыновья Александр Невский и Андрей в это время также находятся в Орде, и владимирский престол переходит к их дяде Святославу Всеволодовичу. Михаил Хоробрит нарушает обычай и сгоняет дядю с престола. Но покняжить ему удалось совсем недолго. В 1248 г. на Владимирскую Русь двинулось 30-тысячное литовское войско. Навстречу с небольшой дружиной вышел Хоробрит. Битва произошла на реке Протве близ Можайска. Русские уже побеждали, но Михаил ворвался в ряды литовцев и погиб. Дружина его растерялась и отступила. Но и литовцы понесли большие потери и отошли. Епископ Кирилл, бывший тогда во Владимире, приказал найти тело князя, и торжественное погребение его состоялось во владимирском Успенском соборе. Михаил Ярославич Хоробрит стал не только первым московским князем, но и первым русским святым, погибшим от рук литовцев и поляков.

Писать о западных и южных русских княжествах второй половины XIII – начала XIV веков очень трудно. По разным причинам, в первую очередь по идеологическим, царские и советские историки традиционно обходили их стороной. К тому же осталось крайне мало письменных источников, да и те зачастую противоречат друг другу. Естественно, что у автора возникает желание додумать историю, экстраполировать события, но я предпочитаю этого не делать, а в крайнем случае оставить читателю додумывать самому.

Рассмотрим русские княжества с севера на юг. Начну с того, что ни Полоцкое княжество, ни города Черной Руси (Гродно, Новгородок (Новогрудок) и др.) не подвергались татарскому нашествию. Однако его косвенные последствия серьезно сказались на политической жизни этих княжеств и уделов.⁵⁸

Татарское нашествие в значительной степени оборвало связи Западной и Южной Руси с Владимиро-Суздальской землей. До него на Руси существовало так называемое горизонтальное право наследования, когда старшему брату наследовал следующий по старшинству

⁵⁷ Михаил Хоробрит (Храбрый) – третий сын Великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича.

⁵⁸ Здесь и далее под княжествами я буду подразумевать большие территориальные объединения типа современной области, а под уделами – малое княжество площадью с современный район, князь которого подчинялся князю княжества (извиняюсь за тавтологию, но иначе не получается).

брат, а не сын. Поясню на примере. Допустим, в Киеве правил старший брат Петр, в Смоленске – средний брат Иван, а в Вязьме – младший брат Федор. После смерти Петра Иван переезжал в Киев и становился там старшим князем. Федор ехал в Смоленск, а Вязьму получал старший сын Петра Александр. Умирает Иван, и начинаются новые передвижки. Поэтому, читая биографические сведения о каком-либо русском князе XII–XIV веков, не следует удивляться, что он за свою жизнь поменял два, три, а то и четыре престола.

Но после 1240 г. наиболее знатные (из старинных родов) русские князья Рюриковичи теряют интерес к престолом Западной и Южной Руси, а интересуются исключительно делами Владимиро-Суздальской Руси, а также Господином Великим Новгородом. Интерес к последнему вполне понятен – каждый князь пытался как можно больше урвать от сказочной новгородской казны.

В итоге в княжествах Западной и Южной Руси частично устанавливается вертикальная система передачи власти от отца к сыну. А из ряда княжеств Рюриковичи просто убежали, и на их место пытались лезть малозначительные князья из рода Рюриковичей, не имевшие хорошей дружины и не пользовавшиеся авторитетом у населения.

Тут следует сделать маленькое отступление. За три века правления князей Рюриковичей население привыкло, что только они и могут править Русью. Во многих городах, как, например, в Киеве, Полоцке, Минске и др., продолжало играть определенную роль и народное собрание – вече. Однако вече могло решить какие-то важные вопросы, даже сместить князя, но править оно не могло и приглашало нового князя.

Исключение из этого правила представляли лишь Новгород и Псков, которых многие историки называли городами-республиками. Там управление городом и окрестностями находилось в руках вече и выборных людей – посадников, частично деливших их с церковной властью. Князья же в Новгороде и Пскове обычно приглашались вечем, но иногда им силой удавалось навязать свои услуги. Функции князей сводились к защите города и страны от внешнего врага, иногда – к ведению внешней политики, но всегда при участии посадников и церкви.

Князьями же, повторяю, были только чистокровные Рюриковичи (по отцовской линии, разумеется). Князь Рюрикович мог быть женат на дочери половецкого или татарского хана и на боярской дочери. Но в последнем случае статус боярина никак не менялся, и при отсутствии наследников боярин (тесть или шурин князя) никогда не мог претендовать на престол. Князья Рюриковичи за всю 750-летнюю историю своего правления на Руси не произвели в князья ни одного безродного родственника по женской линии, я уж не говорю о торговцах «пирогами с зайчатиной», двадцатилетних любовниках шестидесятилетних цариц и т. д.

Взойти на княжеский престол половецкий или татарский хан – родственник по женской линии – не мог по религиозным соображениям. А вот православный литовский князь приравнялся боярством и вечем русских городов к князю Рюриковичу.

С середины XIII века до конца XIV века Рюриковичи выдали замуж за православных литовских князей 16 княжон и, в свою очередь, женились на 15 литовках.

Характерный пример – Витебское княжество. Там с XII века княжили потомки Всеслава Брячиславича Полоцкого. В первой половине XIII века Витебская земля стала подвергаться нападениям литовцев (1235 г., 1263 г. и т. д.). В 1281–1297 гг. Витебск опять попал в зависимость от смоленских князей. Последним удельным витебским князем был Ярослав Васильевич, дочь которого Марию выдали замуж за литовского князя Ольгерда. В 1320 г. Ярослав Васильевич умер, не оставив мужского потомства, и Ольгерд на правах зятя занял Витебское княжество.

Непросто сложилась судьба города Бреста, впервые упомянутого в летописи под 1019 годом. Согласно хронике Быховца, Брест был захвачен литовским князем Монгвилем в 50-х годах XIII века. На самом же деле город с конца XIII века несколько раз переходил из рук

в руки. В 1282 г. брестскому воеводе Титу удалось отбить нападение мазовецких князей. В 1334 г. Брест захватили рыцари Тевтонского ордена, а через год город занял литовский князь Кейстут Гедиминович. Наконец в 1348 г. всю Брестскую землю заняли поляки. Однако в 1366 г. Кейстут вернул себе Брест.

В августе 1379 г. немецкие рыцари во главе с Т. Эльнером, комтуром из Бальги, ограбили и сожгли город, но замка взять не смогли. В период борьбы между польским королем Ягайлом и князем Витовтом Брестский замок зимой 1390 г. осаждало королевское войско. После 10 дней обороны защитники замка сдались.

В том же году первым из белорусских городов Брест получил Магдебургское право⁵⁹ и к середине XV века превратился в один из крупнейших торговых центров, который польский историк Ян Длугош назвал «пристанью и воротами в литовские и русские земли».

⁵⁹ Магдебургское право – одна из наиболее известных систем городского права, сложилось в XIII веке в немецком г. Магдебург. Юридически закрепило права и свободы горожан, их право самоуправления.

Глава 7

Великая Литва Гедемина и Ольгерда

В 1315 г. власть в Литве захватил князь Гедемин. Происхождение его неизвестно. Согласно позднейшей официальной литовской версии, Гедемин, как и Миндовг, происходил от Палеймона, брата римского императора Нерона. Мол, этот братец отправился в I веке нашей эры на север и основал там Литовское государство. По русским же летописям и хроникам Тевтонского ордена Гедемин служил конюхом у князя Витенеса (Витеня), а затем вошел в сговор с молодой женой князя, дочерью бортника из Жемайти, убил его и завладел престолом. По Тверской летописи Гедемин служил «слободчиком» у Великого князя Тверского Александра Михайловича и был послан им на Неман по каким-то делам, но там обогатился и стал называть себя Великим князем Литовским. Еще по одной версии Гедемин был потомком Давила, сына уже упоминавшегося нами полоцкого князя Ростислава Рогволодовича.

Сейчас в Польше получила широкое распространение версия, выдвинутая польским историком Е. Охманьским. Он обратил внимание на текст знаменитой «Задонщины», где упомянуты участники Куликовской битвы Андрей и Дмитрий, «сынови Ольгердови, а внуки есмя Едимантовы, а правнуки есми Сколомендовы...» Поскольку слово «правнуки» употребляется обычно в русских летописях в смысле потомков вообще, Охманьский предположил, что Сколоменд и был отцом литовского князя Пуковера (Лютювера), а Гедемин и был сыном Пуковера.

В 1320 г. Гедемин предпринял поход на Владимир-Волынский. Город упорно защищался, но после гибели князя Андрея его бояре согласились на капитуляцию. Замечу, что в войске Гедемина этнические литовцы составляли меньшинство, большинство же были русскими – полочане, жители Новогрудка и Гродно. В том же году Гедемин овладел Луцком, а на зиму остановился в Берестье (Бресте).

После Пасхи 1321 г. Гедемин, собрав литовские, жемайтийские и русские полки, двинулся на Киев, где сидел какой-то князь Станислав. Литовцы взяли города Обруч и Житомир. В 10 верстах от Киева, на реке Ирпени, войско Гедемина было встречено дружинами короля Льва Юрьевича и его «подручника» (вассала) Станислава, переяславского князя Олега и брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на Ирпени русские войска потерпели страшное поражение, король Лев и князь Олег были убиты. Станислав вместе с брянскими князьями убежал в Брянск.

После сражения Гедемин осадил Белгород. Горожане, оставшиеся без князей и воевод, по зрелому размышлению решили сдать город, после чего присягнули Гедемину.

Гедемин приступил к Киеву. Город выдержал двухмесячную осаду. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться литовскому князю. Ворота города были открыты, и к Гедемину двинулся крестный ход. Духовные лица и местные бояре били челом великому князю, «чтобы у них отчин не отнимал, и князь Гедемин их при том оставил и сам с честью въехал в Киев».

«И слышали о том пригороды Киевские, Вышгород, Черкассы, Канев, Путивль, Слеповрод, что киевляне передались с городом, а о государе своем слышали, что он убежал в Брянск и что силу его всю побили, и все пришли к великому князю Гедемину и начали служить с теми названными киевскими пригородами, и присягнули на том великому князю Гедемину. А переяславцы, услышав, что Киев и пригороды киевские подчинились великому князю Гедемину, а государь их князь Олег убит великим князем Гедимином, и они, приехав, начали с городом служить великому князю Гедемину, и на том присягнули.

И князь великий Гедимин, взяв Киев и Переяславль и все те перечисленные пригородки, и посадил в них сына Миндовга князя Ольгимонта, великого князя Гольшанского, а сам с великим весельем возвратился в Литву. И в то время Великий князь Киевский Станислав, изгнанный великим князем Гедимином, находился в Брянске, и прислал к нему [посла] князь Иван Рязанский. Будучи старым, он просил Станислава, чтобы тот приехал к нему и взял замуж его дочь по имени Ольгу, потому что сына не имел, а только одну ту дочь, и чтобы Станислав был после его смерти Великим князем Рязанским. И князь Станислав к нему поехал, и дочь его взял в жены, и после его смерти был Великим князем Рязанским». («Хроника Быховца».)

Сведения о взятии Гедимином Киева имеются лишь в «Хронике Быховца» и последующих ее компиляциях. Ряд же историков начиная с XIX века, как, например, М.С. Грушевский,⁶⁰ В.Б. Антонович и др., оспаривают это утверждение. Тот же Антонович в рассказе о завоевании Волыни признает воспоминание о борьбе Гедимины с волынскими князьями из-за Подляхия. Поход же на Киев происходил в действительности при Витовте и неправильно перенесен в эпоху Гедимины.

Итак, захват Киева в 1321 г. представляется достаточно спорным. Но в любом случае Гедимину удержаться там не удалось. Новгородская летопись под 1331 годом упоминает о киевском князе Федоре,⁶¹ который вместе с татарским баскаком гнался, «как разбойник», за новгородским владыкой Василием, шедшим от митрополита из Волыни. Новгородцы, провожавшие владыку, «остереглись», и Федор не посмел напасть на них. Из этого известия следует, что в 1331 г. Киевом владел какой-то князь, плативший дань татарам.

В Галиче же стал править последний король Владимир, сын Льва Юрьевича. О Владимире известно только, что умер он, не оставив наследника, в 1340 г., и от его имени правили галицкие бояре.

Богатое Галицкое княжество было лакомым кусочком, и на него с завистью поглядывали соседи. Недавний союзник галицких князей Льва и Андрея польский король Владислав Локеток (1305–1333) попытался организовать захват Галицко-Волынского княжества. Летом 1325 г. он добился от папы римского провозглашения крестового похода на «схизматиков».⁶² Однако поход этот не состоялся. Силезские князья Генрих и Ян также стремились прибрать к рукам Галицко-Волынскую Русь, уже заранее в грамотах они себя величали князьями Галицких и Волынских земель.

В этих условиях бояре, правившие Галичем, решили выбрать князя. Выбор пал на мазовецкого княжича Болеслава, сына Тройдена, женатого на сестре Льва Романовича Марии, то есть претендент приходился племянником Андрею и Льву. Болеслав перешел из католичества в православие, при крещении принял имя Юрий и в 1325 г. стал галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал город Владимир-Волынский. В историю этот князь вошел под именем Юрия-Болеслава II.

Юрий-Болеслав поддерживал мирные отношения с татарскими ханами, ездил в Орду за ярлыком на княжение. Он был в дружбе с прусскими рыцарями, зато вел продолжительные войны с Польшей. В 1337 г. Юрий-Болеслав в союзе с ордынцами осадил Люблин, но овладеть им князю не удалось.

В 1331 г. Юрий-Болеслав вступил в союз с Гедимином и женился на его дочери Офке, а литовский князь Любарт Гедиминович женился на дочери Юрия-Болеслава от первой жены. У Юрия-Болеслава не было сыновей, поэтому вполне заслуживает доверия запись литов-

⁶⁰ Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 478–481.

⁶¹ Правда, некоторые историки, в том числе Н.М. Иванов, считают Федора родным братом Гедимины, однако документальных подтверждений этому нет.

⁶² Схизматиками католики называли православных.

ско-русского хрониста о том, что в 30-х гг. XIV века «Люборта принял Володимерский князь в дотце в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую», то есть сделал литовского князя своим наследником.

Еще в начале 1340 г. бояре составили заговор против Юрия-Болеслава. Главой заговорщиков стал крупный галицкий феодал Дмитрий Дядька (Детько). 7 апреля 1340 г. Юрий-Болеслав был отравлен во Владимире-Волынском. Большинство средневековых авторов сходятся на том, что галицкий князь нажил себе врагов среди местной знати из-за того, что окружил себя католиками и стремился изменить «закон и веру» Руси. Европейские хронисты рассказывают, что Юрий-Болеслав буквально наводнил княжество иностранными колонистами, в основном немцами, и пропагандировал католичество. Естественно, прозападная ориентация князя, поляка по рождению и католика по воспитанию, возмущала широкие массы русского населения Галицко-Волынских земель, чем и воспользовались бояре.

Смерть Юрия-Болеслава и последовавшая за ней анархия в Галицко-Волынском княжестве позволили польскому королю Казимиру III в конце апреля 1340 г. напасть на Галицкую Русь. Польские войска заняли несколько замков, в том числе и львовских, и грабили местное население. Одновременно и венгерский король, очевидно, по договоренности с Казимиром, двинул в Галичину свои войска, но они были остановлены на границе галицкими дружинами.

В июне 1340 г. галицко-волынское войско вместе с призванными на помощь ордынцами наносит контрудар по Польше и доходит до Вислы. Хотя полностью разгромить войско Казимира не удалось, именно благодаря этому походу Галицкая Русь вплоть до 1349 г. сохраняла свою независимость от Польши. Казимир III был вынужден подписать с Дмитрием Дядькой договор о соблюдении нейтралитета.

Тем временем галицкие бояре усиленно искали нового князя для Волыни и остановились на кандидатуре Любарта,⁶³ которого Юрий-Болеслав назвал своим наследником. Бояре надеялись, что Любарт, как представитель литовского княжеского рода, не имеющий опоры на Волыни, станет их покорной марионеткой. Итак, Волынь отошла к Литве.

С 1340 г. история Галичины отделяется от истории Волыни. Галичина лишь номинально признавала своим князем Любарта Волынского, фактически же ею правили галицкие бояре во главе с Дмитрием Дядькой. В 40-х гг. XIV века Дядька самостоятельно, без участия Любарта, ведет военные операции и дипломатические переговоры с польским и венгерским королями. Такая ситуация сохранялась до конца 40-х годов XIV века. В борьбе против Польши и Венгрии Дядька, и Любарт опирались на ордынского хана Узбека и его преемников.

Польских же королей к походам на Восток постоянно подталкивал Рим. Еще папа Григорий IX в послании к доминиканцам в 1233 г. запрещал браки с православными. Когда после набега язычников-литовцев и убийства мазовецкого князя Земовита I в 1262 г. папа Урбан IV обратился за помощью к королю Оттокару II, перечисляя грозящих врагов, то русские «схизматики» оказались на первом месте в этом списке, впереди язычников-литовцев, хотя речь шла именно о них. В этом послании, датированном 4 июня 1264 г., впервые выступает прямое зачисление христианской Восточной церкви вместе со всеми неверными и язычниками в число общих врагов... «Христианской церкви». С этой даты «схизма» занимает первое место в перечнях врагов церкви. Так, в письме к королю Локетку в 1325 г. папа Иоанн XXII дает отпущение грехов идущим на войну «*contra scismaticos, Tataros, paganos aliasque permixtas nationes infidelium*» («против схизматиков, татар и других поганных...»). Это же повторил папа Урбан V в письме от 8 июля 1363 г.

⁶³ Князь Любарт (1312–1397) – сын Гедемина, православное имя Федор. Дважды женат: с 1331 г. – на Анне Андреевне, княжне Волынской, с 1349 г. – на Агафье Константиновне, княжне Ростовской.

В 1343 г. Казимир III получил от папы значительную финансовую помощь для борьбы с «русинами» и в 1344–1345 гг., заручившись нейтралитетом Любарта, отторг от Галичины Саноцкую землю. Осенью 1349 г. поляки предприняли новый поход на Галичину и Волынь. Преодолевая сопротивление гарнизонов пограничных замков, польские войска захватили города Львов, Белз, Берестье, Владимир-Волынский. Сам же Любарт отсиделся в осажденном Луцке. Правда, на следующий год он сумел вернуть себе власть на Волыни, но Галичина уже не только вышла номинально из-под его контроля, но и была присоединена к Польскому королевству.

Тут следует отметить один важный момент. В 90-х гг. XX века многие литовские и украинские историки стали утверждать, что де польские и литовские войска освободили русские земли от татарского ига. На самом же деле после перехода Галичины к Польше дань татарам платилась в том же объеме. Так, папа Иннокентий VI в 1357 г. в булле к польскому королю Казимиру упрекал его в том, что с отнятых у «схизматиков» земель Казимир уплачивает дань «татарскому королю».⁶⁴

Великий князь Литовский Гедемин (годы правления 1315–1340) имел семерых сыновей:⁶⁵ Монвида (ум. 1340), Нариманта (1277–1348), Ольгерда (1296–1377), Кейстута (1298–1381), Корьята (ум. 1390), Любарта (1312–1397) и Евнута (Евнутия) (1317–1366).

Официальных жен у Гедемина было две. По одной версии, первой женой была Винда, дочь жмудского бортника Виндиминда, а второй – Ольга Всеволодовна, княжна Смоленская (или Ольга Глебовна, княжна Рязанская). По второй версии, первой женой была Ольга Всеволодовна, княжна Смоленская, а второй – Евна Ивановна Полоцкая.

Тот факт, что у Гедемина была одна или даже обе жены русскими, означает, что он принял православие: выдача княжей дочери за язычника была невозможна на Руси. Другой вопрос, что Гедемин и его потомство, тот же Ольгерд, относились к смене вер очень спокойно и производили их по мере надобности. Нужно жениться или заключить союз с соседом – выполняют христианские обряды, нужна поддержка местной знати – начинали публично выполнять языческие обряды.

Формально все сыновья Гедемина были крещены и имели православные имена, так, Наримант был Глебом, Ольгерд – Александром, Корьят – Михаилом и т. д. Немцы уже с XIV века стали называть Вильно⁶⁶ «русским городом», а польские хронисты – «столицей греческого [православного] отщепенства».

Большинство сыновей Гедемина женились на русских княжнах, а позже их потомки служили как польским королям, так и московским великим князьям. Так, от Монвида пошли такие известные на Руси фамилии, как Хованские, Корецкие, Голицыны, Куракины, Булгаковы, Щенящевы. От Ольгерда пошли князья Чарторыские, Несвижские, Трубецкие, Вишневецкие и другие.

Литовская экспансия на Русь в значительной степени ослаблялась непрерывными войнами с Тевтонским орденом. За время правления Гедемина немцы совершили свыше пятидесяти походов на Литву, а литовские князья – не менее двадцати нападений на земли ордена.

На борьбу с язычниками на помощь Тевтонскому ордену съезжались рыцари со всей Европы. Так, в 1336 г. только из германских княжеств прибыло свыше 200 рыцарей. Из Германии же было доставлено и огнестрельное оружие.

В 1340 г. войска Тевтонского ордена осадили замок Велона на правом берегу реки Неман на границе между Жмудью и Литвой. Немцы не смогли взять Велону штурмом и

⁶⁴ Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Roma, 1860, t. I, N 776. S. 581.

⁶⁵ Здесь и далее, говоря о детях царственных особ, автор, следуя принципу древних летописцев и хронистов, в ряде случаев опускает детей, умерших в молодом возрасте и не совершивших поступков, вошедших в историю.

⁶⁶ С 1939 г. Вильнюс.

решили прибегнуть к правильной осаде. Для этого они построили рядом с Велоней два хорошо укрепленных замка.

Великий князь Литовский Гедемин с войском прибыл для освобождения Велоны от тевтонской осады и, в свою очередь, осадил оба замка. Однако их гарнизоны имели огнестрельные орудия. Метким выстрелом из пушки Гедемин был убит. Сыновья отвезли тело князя в Вильну, где по древнелитовскому обычаю облачили в парадные одежды и сожгли на погребальном костре в Кривой долине Свинторога вместе с вооружением, любимым конем, слугой, частью добычи и тремя пленными немецкими рыцарями.

Вопреки феодальному праву место Гедемина занял младший сын Евнут (в русских летописях Евнутий). По словам литовского летописца, старшие братья Ольгерд и Кейстут вступили в сговор, чтобы выгнать брата из Вильно. Однако Ольгерд, шедший из Витебска, не успел, и Кейстут один напал на Вильно и ворвался в город. Евнут бежал в горы, но отморозил ноги и попал в плен. Его доставили к Кейстуту. Тот сразу же отправил гонца к Ольгерду, чтобы тот шел скорее, и что Евнут уже в его руках. Когда Ольгерд пришел, Кейстут сказал ему: «Тебе следует быть великим князем в Вильне, ты старший брат, а я с тобою буду жить заодно».

Ольгерд стал княжить в Вильно, а Евнуту дал Изяславль. Потом братья Ольгерд и Кейстут договорились между собой, чтобы всем слушаться старшего брата Ольгерда, и условились, что если добудут город или волость, все делить пополам и «жить до смерти в любви, не мыслить лиха одному на другого». Оба брата сдержали клятву.

По словам же московского летописца, Ольгерд и Кейстут внезапно напали в Вильно на своих братьев Нариманта и Евнута. Наримант бежал в Орду, а Евнут – в Псков, оттуда в Новгород, из Новгорода в Москву к преемнику Ивана Калиты князю Симеону Гордому (1316–1353), в 1346 г. был крещен и назван Иваном.

В 1349 г. Ольгерд послал своего брата Корьята к ордынскому хану Чанибеку просить у него помощи против Симеона Гордого. Московский князь, узнав об этом, послал немедленно сказать хану: «Ольгерд опустошил твои улусы (юго-западные русские волости) и вывел их в плен. Теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатевши, вооружится и на тебя самого». Хан понял справедливость слов Симеона, велел схватить Корьята и выдал его московскому князю. Ольгерд на время присмирел и отправил в Москву послов с богатыми дарами и челобитной, прося освободить брата. В конце концов Симеон согласился.

Особую роль во внешней политике Литвы в XIV веке играло Великое Тверское княжество, с которым Литва имела стоверстную границу. Ржева (Ржев), Зубцов и Холм были тверскими пограничными городами.

Зимой 1320/1321 гг. Великий князь Тверской Дмитрий Михайлович Грозные Очи (1299–1326) женился на дочери великого князя Гедемина Марте, а в начале 1351 г. Ольгерд, ставший после смерти своего отца в 1345 г. Великим князем Литовским, попросил руки Ульяны Холмской, дочери великого князя Александра Михайловича, племянника Дмитрия Грозные Очи. Холмской ее прозвали, поскольку она жила при дворе своего брата Всеволода Александровича, удельного князя Холмского, вассала Великого князя Тверского.

Тем не менее прочного мира между Литвой и Тверским княжеством достичь не удалось. В 1356 г. литовцы напали на городок Ржеву (Ржев) и захватили его. В том же году умер Василий Александрович Брянский, князь Смоленский, сын смоленского князя Александра Глебовича (1285–1287). Брянск тогда входил в состав Смоленского княжества, а кроме того, князь Василий Александрович имел на Брянск ярлык от татарского хана Ианнибека. Но тем не менее Ольгерд, воспользовавшись смертью брянского князя, внезапно напал на город и взял его. Иван, сын Василия Александровича, был взят в плен и увезен в Литву, где и умер

(или был убит). Забегая вперед, скажу, что отбить Брянск у литовцев удалось лишь в 1500 г. Ивану III.

В 1358 г. объединенное тверское и можайское войско (замечу, что можайский князь был вассалом Москвы) отбило Ржев у литовцев. Но в следующем году сын Ольгерда Андрей (1325–1399) вновь захватил Ржев. В 1360 г. сам Ольгерд приезжал инспектировать управление этого города.

В составе Великого княжества Литовского было много областей с русским православным населением, да и многие литовцы, особенно в городах, приняли православие. Ольгерд не собирался менять православную веру на католическую. Как писал академик Р.Г. Скрынников: «Когда к Ольгерду в Вильнюс явились послы с Запада и предложили ему принять католичество, они услышали насмешливый ответ: Литва готова принять католичество при условии освобождения всех старых литовских земель, захваченных крестоносцами. Ордену предложили переселиться на земли татарской Орды с тем, чтобы обратить в католичество татар, а заодно и русских».⁶⁷ Так, при Ольгерде около половины жителей Вильно были православными. Надо ли говорить, что Ольгерд не желал иметь православное духовенство, подчиненное Москве. Поэтому ему пришлось вступить в борьбу с московским клиром за создание независимой от Москвы митрополии.

О занятии Ольгердом Киева и присоединении его к Великому княжеству Литовскому в советских учебниках истории, как в школьных, так и в университетских, говорилось коротко и неясно. Мол, польско-литовские феодалы захватили русские земли, пользуясь раздробленностью северо-западных русских княжеств, находившихся под татаро-монгольским игом.

Между тем нельзя путать литовских князей XIV века с польскими панями XVII века. В XIV веке не было фанатичных ксендзов и зверских расправ их с православными. Поэтому русское население как в Киеве, так и в Брянске и Ржеве относилось к литовским завоевателям достаточно спокойно. Ну, вошел в Киев православный князь Ольгерд-Александр с дружиной, которая более чем на половину состояла из православных, а остальные были язычниками. Большого погрома в Киеве не было, а после ухода Ольгерда все в городе осталось по-прежнему. Владимир Ольгердович с дружиной охранял город, брал умеренную дань и особенно не вмешивался ни в хозяйские, ни в церковные дела города.

Заметим, кстати, что родной брат Владимира, Андрей Ольгердович, отправляется в Псков и становится псковским князем. Конечно, статусы псковского и киевского князей различны, но этот факт хорошо показывает отношение русских к литовским князьям.

Киевское княжество на несколько десятилетий становится владением Ольгердовичей – Александра Владимировича (умер в 1455) и Семена Александровича (умер в 1471). После 1471 г. Киевское княжество упраздняется, и в Киеве правит наместник Великого князя Литовского.

По крови православные литовские князья были больше чем наполовину Рюриковичи. Да и само войско Ольгерда, вошедшее в Малороссию, больше чем наполовину состояло из жителей Белой Руси – Витебского, Минского, Гродненского и других княжеств. Сами же коренные «литовские феодалы» практически не интересовались пахотными землями Малороссии, их куда больше привлекали охота и бортничество.

Еще раз замечу, что между литовскими князьями и их русскими подданными не было языкового барьера. Дело в том, что официальный язык в Великом княжестве Литовском в XIV веке был... русский. Точнее, диалект древнерусского языка, который был принят на землях, в настоящий момент входящих в состав республики Беларусь. Так что можно по-другому сказать, что они говорили на древнебелорусском языке. Сразу скажу, что это личное мнение автора. Я обращался в институт Русского языка в Москве, но, увы, внятного ответа

⁶⁷ Скрынников Р.Г. Святители и власти. Ленинград: Лениздат, 1990. С. 8.

на вопрос, чем отличались языки районов Киева, Москвы и Минска в XIV веке, так и не получил.

Однако, судя по текстам дошедших до нас официальных документов, а также по свободному общению жителей этих районов можно сделать однозначный вывод, что в XIII–XVI веках жители Пскова свободно, без переводчика могли общаться с жителями Киева или Полоцка. К примеру, те же донские казаки десятки раз ходили в совместные походы с запорожцами, сотни казаков с Дона месяцами жили в Сечи, и наоборот. И нет сведений, чтобы им когда-либо требовались переводчики.

Таким образом, можно сказать, что официальным языком Великого княжества Литовского для большинства его населения был русский язык.⁶⁸

На мой взгляд, существенная разница в московском, белорусском и украинском языках появилась в конце XVI века. И эти различия в значительной мере связаны с принятием католичества и ополячиванием дворянства Великого княжества Литовского. Дворяне переходят на польский язык, а тот, в свою очередь, в XIII–XVI веках оказался под сильным воздействием латинского, немецкого и французского языков. Соответственно, язык москалей впитал в себя сотни татарских слов. Я умышленно говорю про московский язык, поскольку в том же XV веке москвичи и новгородцы понимали друг друга, но их речь существенно различалась.

Любопытно, что в царствование Ивана Грозного литовские послы, услышав неприятные им речи царя или бояр, сразу говорили, что им какие-то слова непонятны, и просили изложить сказанное на бумаге.

Таким образом, переход приднепровской Руси под власть литовского князя практически никак не отразился на быте, вере и всем укладе жизни ее жителей. Приднепровьем правили князья боковых ветвей Рюриковичей и некоторые Гедиминовичи, причем последние очень быстро обрусевали. Между прочим, сыновья Ольгерда-Александра Андрей, князь Трубчевский, и Дмитрий Корибут, князь Северский, со своими дружинами бились с ханом Мамаем на Куликовом поле под началом Дмитрия Донского. Дмитрий Корибут стал зятем князя Олега Рязанского. В XIX веке один русский историк остроумно заметил: «Победила не Литва, а ее название».

Но вернемся к князю Ольгерду. Дела киевские не очень отвлекали его от дел тверских. В 1367 г. Великий князь Московский Дмитрий Иванович (еще не Донской) (1350–1389) начал притеснять Великого князя Тверского Михаила Александровича (ок. 1341–1399). Михаил не имел достаточных сил для борьбы с Москвой и поехал в Литву к своему зятю Ольгерду за помощью.

Отъездом князя воспользовались его вассалы дядя кашинский князь Василий Михайлович и двоюродный брат князь Дорогобужский Еремей (Иремия) Константинович. Князь Василий с сыном Михаилом, с князем Еремеем и «со всею силою кашинскою и с полками московскими» подступил к Твери и осадил ее. Взять город не удалось, но окрестности Твери на правом берегу Волги были основательно разграблены.

Московская рать ушла, а через несколько дней явился князь Михаил Александрович «с полками литвы». Он разгромил дорогобужский уезд, сами князья бежали, а Михаилу удалось захватить в плен их жен, бояр и слуг. После чего тверской князь отправился со своей и литовской дружинами к Кашину. Но по дороге, в селе Андреевском, его ждали послы дяди от тверского епископа Василия. Бог, по словам летописца, утишил ярость Михаила, и он помирился с дядей, а потом и с двоюродным братом Еремеем, и с московским князем Дмитрием

⁶⁸ Сказать «белорусский язык» будет не ошибкой, но точнее назвать «русский», или, как тогда называли, «русская мова», поскольку термина «белорусский язык» тогда не было. Да и разве литовские князья, приезжая в Киев, общались с местным населением через переводчиков?

Ивановичем. Но еще в том же году Еремей сложил с себя крестное целование к Михаилу Александровичу и уехал в Москву.

В 1368 г. Великий князь Московский Дмитрий и митрополит Алексей зазвали к себе князя Михаила якобы в гости, а на самом деле устроили над ним третейский суд. После чего Михаила вместе с его боярами схватили и посадили под стражу, но вдруг узнали о неожиданном приезде трех ордынских князей. Князь Дмитрий и митрополит на всякий случай отпустили Михаила, хотя и заставили его отказаться от Городка и части удела Семена Константиновича (брата дорогобужского князя Еремея), где Великий князь Московский Дмитрий посадил своего наместника вместе с князем Еремеем.

Обиженный Михаил опять отправился жаловаться зятю. И осенью 1368 г. Ольгерд с большим войском двинулся на Москву. По словам летописца, у Ольгерда Гедиминовича был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он замышляет поход и зачем собирает большое войско, «этою-то хитростию он и забрал города и земли и попленил многие страны, воевал он не столько силою, сколько мудростию».

Обычно Ольгерд наступал на Москву с северо-запада, из района Ржева, чтобы иметь в тылу союзницу Тверь. Теперь же он напал с юго-запада.

Дмитрий Иванович разослал по всем городам грамоты для сбора войск, но ратники не успели прийти из отдаленных областей, и Дмитрий выслал против Ольгерда только сторожевой полк из москвичей, коломенцев и дмитровцев. Командовали полком московский воевода Димитрий Минин и Акинфа Федорович Шуба – воевода двоюродного брата князя Дмитрия Владимира Андреевича.

Между тем Ольгерд уже добрался до рубежей Московского княжества. Князь Стародубский Семен Дмитриевич Крапива пытался задержать литовцев, но дружина его была разгромлена, а сам князь убит. Затем Ольгерд взял Оболенск,⁶⁹ где был убит князь Константин Юрьевич, удельный князь Оболенский, вассал Москвы.

Наконец 21 ноября 1368 г. на реке Тросне (приток Рузы) Ольгерд встретил московский сторожевой полк и разбил его; князя, бояре и воеводы – все погибли. Князь же Дмитрий заперся в Москве. Ольгерд быстро пошел к столице княжества. Дмитрий велел поджечь посады, а сам с митрополитом, двоюродным братом Владимиром Андреевичем, со всеми боярами и людьми заперся в новом каменном кремле. Три дня Ольгерд стоял под стенами, но взять кремля не смог, зато опустошил все окрестности, угнал много людей и весь скот.

Таким образом, князь Михаил Тверской был отомщен, Дмитрий вынужден был вернуть ему Городок и отобранную часть удела Семена Константиновича.

Но мир Москвы с Тверью и Литвой продержался совсем недолго. В 1370 г. большое войско, состоявшее из литвы, жмуди, руси и татар, под предводительством князей Ольгерда, его сына Ягайло, Кейстута и его сына Витовта, вторглось в Пруссию, где великий магистр встретил его под замком Рудавою и наголову разбил.

Московский князь был несказанно рад поражению Ольгерда и в августе 1370 г. двинулся с ратью на Тверь. Великий князь Михаил Александрович по обычаю бежал в Литву, а великий князь Дмитрий Иванович вторгся в Тверское княжество, взял и сжег города Зубцов и Микулин и многие села, взял большой полон и угнал весь скот.

Ольгерд сумел собрать рать для отпора Москве лишь к концу 1370 г. В рождественский пост он двинулся к Москве с братом Кейстутом, князьями Михаилом Тверским и Святославом Смоленским. Они подошли к Волоку-Ламскому (Волоколамску) и с ходу начали штурм кремля. В ходе боя один литовец проткнул копьем князя Василия Березуйского, через час князь скончался, тем не менее приступ был отбит. Три дня литовцы грабили окрестности, а затем двинулись к Москве. Осада была начата 6 декабря 1370 г. Великий князь Дмитрий

⁶⁹ Оболенск находился недалеко от впадения Протвы в Оку.

Иванович остался в кремле, а двоюродный брат его Владимир Андреевич начал сбор войска в Перемышле (северном). К нему подошли пронский князь Владимир Дмитриевич и полки рязанского князя Олега Ивановича.

Вскоре Ольгерд убедился, что кремля ему не взять, и предложил Дмитрию Ивановичу мир, желая скрепить его браком своей дочери и князя Владимира Андреевича. Но Дмитрий Иванович согласился только на перемирие до Петрова дня. Ольгерд двинулся назад, шел с большой осторожностью, все время опасаясь погони. Тверской князь Михаил возвратился в Тверь и вскоре помирился с Дмитрием Ивановичем.

В 1371 г. Великий князь Московский зачем-то отправил войско на Рязань, хотя Олег Рязанский и помог ему в борьбе против Ольгерда. А в следующем, 1372 г. опять началась война с Тверью.

Великий князь Тверской Михаил Александрович сумел взять город Кистму,⁷⁰ воеводы которого были схвачены и привезены в Тверь. Сразу после этого кашинский князь Михаил Васильевич отправил посла в Москву, заключил мир с князем Дмитрием и сложил крестное целование князю Михаилу Тверскому. А Михаил Александрович не остановился на Кистме и пошел к Дмитрову, взял с города откуп, а посады и окрестные села сжег, бояр и многих людей взял в плен. В то же время он тайно повел на Переяславль⁷¹ литовскую рать Кейстута с сыном Витовтом, Андрея Олеговича Полоцкого и Дмитрия Друцкого, как и с Дмитрова, взял с Переяславля откуп, а окрестности пожег. Затем тверской князь повел литовскую рать на Кашин, который разделил участь Дмитрова и Переяславля.

Переяславль и Кашин были вынуждены покориться литовскому войску и выплатить большую контрибуцию, а кашинский князь вновь целовал крест Михаилу.

От Кашина союзники пошли к Торжку, взяли его, и Михаил Александрович посадил там своих наместников. Но в Петров пост к Торжку подошли давние союзники – новгородцы, и наместники Михаила со своим небольшим конвоем бежали из города. Тогда новгородцы отыгрались на тверских купцах. Узнав об этом, князь Михаил 31 мая 1372 г. вернулся к Торжку. Навстречу ему вышло новгородское войско. В этом бою новгородцы были наголову разбиты, а их воевода Александр Абакумович убит. Разгневанный Михаил сжег Торжок, а затем двинулся к Любутску, где стояла рать Ольгерда.

Через несколько дней после соединений тверичей с литовцами к Любутску скрытно подошла рать Дмитрия Ивановича. Москвичи внезапно атаковали и разгромили литовский сторожевой полк. Основные литовские силы и их русские союзники отошли за естественную преграду – крутой и глубокий овраг. Москвичи подошли к оврагу с другой стороны и так стояли несколько дней. В конце концов стороны заключили перемирие «от Спожина заговенья до Дмитриева дня» (с 31 июля по 26 октября 1372 г.). Договор был заключен от имени Ольгерда, Кейстута и Великого князя Смоленского Святослава Ивановича; в него включены также были тверской князь Михаил, брянский князь Дмитрий и те князья, «которые будут в имени Ольгерда и Святослава Смоленского». Трое князей Рязанских (Олег, Роман и Владимир Пронский) находились на стороне Дмитрия Московского. Ольгерд поручился, что Михаил Тверской вернет все награбленное им в московских землях и отзовет оттуда своих наместников. Если же Михаил во время перемирия начнет грабить Московское княжество, то князь Дмитрий волен разделаться с ним, и литовские князья за него не вступятся. Дмитрий Иванович добился также для себя права покончить с Михаилом с помощью татарского хана: «А что пошли в Орду к царю люди жаловаться на князя Михаила, то мы в божьей воле и в царевой: как повелит, так мы и будем делать, и то от нас не в измену».

⁷⁰ Городок на реке Кистме (Кестме), впадающей в Мологу в 10 верстах ниже Весьегонска.

⁷¹ Ныне Переславль-Залесский.

Далее по-прежнему происходили мелкие дразги между Москвой и Тверью, но я их опускаю, поскольку литовские войска в них участия не принимали. Однако союз Твери с Литвой не только не был разорван, но и окреп вследствие бракосочетания дочери Ольгердова брата Кейстута Марии и сына великого князя Михаила Александровича Ивана. Венчание состоялось в Твери летом 1375 г.

В следующем, 1376 году Дмитрий Иванович послал своего двоюродного брата Владимира Андреевича с войском к Ржеву. Рать три дня простояла под стенами, город так и не взяла и отошла, предварительно разграбив и предав огню посад. Но ожидаемого в Москве ответного похода литовцев не было, так как в 1377 г. скончался князь Ольгерд. Замечу, что перед смертью Ольгерд принял монашеский сан и переименовал мирское православное имя Александр на монашеское Алексей.

Глава 8

Литва на распутье. Уния или независимое королевство?

После смерти Ольгерда Великим князем Литовским стал его сын Ягайло (православное имя Яков, 1350–1434). Его дядя Кейстут, князь Троцкий (Тронский) без колебаний присягнул племяннику. Однако у Ольгерда был еще и старший сын Андрей, который по феодальному праву должен был наследовать отцу. Он княжил в Полоцке и после смерти Ольгерда заявил было свои права на престол, но, не получив ниоткуда помощи, вынужден был уступить Ягайло. Андрей лишился своего удела, бежал в Псков, где псковичи посадили его на княжение с согласия великого князя Дмитрия Ивановича, к которому Андрей ездил в Москву.

Московский князь решил воспользоваться смутой в Литве, и в 1379 г. Андрей Ольгердович вместе с серпуховским князем Владимиром Андреевичем и московским воеводой Дмитрием Михайловичем Волынским двинулись на Литву, взяли города Трубчевск и Стародуб, разграбили многие городки и села и возвратились с большой добычей.

Сын Ольгерда Дмитрий, князь Трубчевский, не сопротивлялся московским полкам. Он покинул город вместе с семьей и боярами, поехал в Москву и стал служить Великому князю Московскому, как выразился летописец, «урядился в ряд и крепость взял». Дмитрий Иванович принял его хорошо и дал в удел город Переяславль со всеми пошлинами.

Усобица между Ягайло и Андреем Ольгердовичами почти не сказалась на жизни Литовского княжества. Но через некоторое время началась куда более сильная усобица между Ягайло и Витовтом.

В Полоцке после изгнания Андрея Ольгердовича княжил сын Кейстута Андрей по прозвищу Горбатый. Ягайлу и его фавориту Войдылло хотелось отнять эту волость у Кейстутвича и отдать ее родному брату Ягайло Скиригайло (1352–1394).

Скиригайло (Скиргайло) был сыном Марии Александровны Тверской. Но, как и отец, он наряду с православными обрядами не брезговал и языческими. В литовской глубинке это лишь прибавляло ему популярности. Но в Полоцке выполнение языческих обрядов кончилось для Скиригайло печально. Разъяренная толпа горожан привязала князя задом наперед к старой кляче и под свист и улюлюканье погнала ее к городским воротам. В Придвинье еще и сейчас жива поговорка: «Поехал, как Скиригайло с Полоцка». Наука пошла Скиригайло на пользу: вернувшись через несколько лет в Полоцк как великокняжеский наместник, он крестился, принял православное имя Иван и вел себя как примерный христианин.

Великий князь Литовский Ягайло выслал в Псков против Андрея Кейстутовича войско, к литовцам присоединились и немцы. Но полочане объявили, что скорее сдадутся немцам, чем Скиригайло, и отразили все приступы литовцев.

Князь Кейстут, узнав о полоцких событиях, пожаловался своему сыну Витовту на Ягайло: «За Войдылла отдал мою племянницу, уговорился с немцами на мое лихо, а вот теперь с кем мы воевали? С немцами? А он с ними заодно добывает Полоцка». Витовт ответил, что не верит он в такое коварство Ягайло, и выехал в Дрогичин, а оттуда – в Гродно. Но старик Кейстут не разделял сомнений сына и решил для собственной безопасности опередить Ягайло. Он неожиданно явился с большой ратью под стенами Вильно, занял город, взял в плен Ягайло со всем семейством, захватил все грамоты, в том числе и последний договор Ягайло с немцами. Ягайло был вынужден обещать никогда не воевать против Кейстута, и тогда его отпустили в Витебск.

На некоторое время Великим князем Литовским стал Кейстут, но вскоре Ягайло удалось обманом захватить Кейстута и Витовта, и через пять дней старый дядя был удушен

в тюрьме. А тяжело больного Витовта и его жену Анну Ягайло вывез в Крево, где держал под крепкой стражей. Витовт вскоре поправился, но посчитал нужным еще попритворяться хворым. Жена ежедневно навещала его вместе с двумя служанками. Наконец она получила от Ягайло разрешение только для одной себя ехать в Моравию. В ночь перед отъездом Анна пришла проститься с мужем и задержалась у него дольше обычного: в это время Витовт переодевался в платье одной из служанок, Елены, которая осталась вместо него. Витовт же спокойно вышел с женой из тюрьмы, нашел лошадей, высланных из Волковыска от тамошнего тиуна, и вскоре был уже в Слониме, оттуда поехал в Берестье и на пятый день был уже в Полоцке. Елена, не вставая с постели, так хорошо изображала больного князя, что только на третий день Ягайло доложили о его бегстве, и разгневанный князь велел убить служанку.

Смуты в Литве дали возможность Дмитрию Ивановичу заняться ордынскими землями. В 1380 г. ему удалось разбить войско хана Мамаю. Замечу, что в этой битве отличились два сына Ольгерда – Андрей и Дмитрий.

В «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева говорится, что рязанский князь Олег «спешил войти в переговоры с Мамаем и с Ягайлом литовским. Говорят, будто Олег и Ягайло рассуждали так: „Как скоро князь Дмитрий услышит о нашествии Мамаю и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в дальние места или в Великий Новгород или на Двину, а мы сядем в Москве и во Владимире; и когда хан придет, то мы его встретим с большими дарами и упросим, чтоб возвратился домой, а сами, с его согласия, разделим Московское княжество на две части – одну к Вильне, а другую к Рязани, и возьмем на них ярлыки и для потомства нашего“». ⁷² Ягайло же собрал большое войско и двинулся на помощь хану, но опоздал: Дмитрий Донской уже разбил Мамаю. Приблизительно так писали и в советских школьных и вузовских учебниках по истории.

На самом же деле у советских историков не было достоверных данных о походе и намерениях Ягайло. Литовский князь действительно шел к Дону, но не через находившуюся под его властью Северскую землю, а через владения союзников Дмитрия Донского – черниговских князей. Естественно, что через враждебные земли литовское войско шло с боями.

Видимо, Ягайло и не торопился соединиться с Мамаем, ему было гораздо важнее использовать сложившуюся ситуацию для укрепления своего влияния в землях бассейна верхней Оки. В «Летописной повести» говорится, что литовцы «не поспеша... на срок за малым, за едино днище или менши», то есть находились на расстоянии одного дневного перехода от места сражения. А по «Сказанию о Мамаевом побоище» выходит, что Ягайло дошел до Одоева, находившегося в 140 км от Дона, и, узнав о выступлении войска Дмитрия Донского к Дону, «пребысть ту оттоле неподвижным».

Однако если говорить честно, то сейчас никто не знает, где конкретно произошла знаменитая Куликовская битва. Согласно «Полному географическому описанию нашего Отечества», изданному в 1902 г. под редакцией П.П. Семенова-Тянь-Шанского, Куликово поле представляло собой степную «поляну», протянувшуюся на 100 км по всему югу нынешней Тульской области с запада на восток (от верховья реки Снежедь до Дона) и на 20–25 км с севера на юг (от верховьев Упы до верховьев Зуши).

Внимательный читатель спросит, а как же быть с памятником русским воинам, стоящим на Куликовом поле? Все очень просто. В июне 1820 г. тульский губернатор В.Ф. Васильев поставил вопрос о сооружении памятника, «знаменующего то место, на котором освобождена и прославлена Россия в 1380 году». А дальше все, как у нас положено: велело начальство, и нашли место битвы. Вон, был социальный заказ, и кости Николая II нашли, было бы указание.

⁷² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II. С. 285.

На мой взгляд, нельзя полностью исключить желание Ягайло соединиться с Мамаем для разгрома московской рати. Однако вероятность этого крайне мала. Видимо, Ягайло просто решил подстраховаться. А вдруг Дмитрий заплатит большую дань Мамаю, помирится с ханом, а затем хан один, а то и вместе с Дмитрием отправится грабить Литовскую землю. Так много раз бывало у золотоордынцев и будет у крымских татар.

Этот вариант еще более вероятен, если вспомнить, что поход Мамай в 1380 г. был не карательным, как, например, «Дюденева рать» или «Неврюева рать», а чисто грабительским. В Орде была большая усобица, и один из претендентов на ханский престол⁷³ и, надо сказать, незаконный, поскольку Мамай не был Чингизидом, решил подкормить свою рать. Татарская орда должна была сходить «за зипунами» в Москву, а затем вновь участвовать в борьбе за золотоордынский престол.

Особый интерес представляет короткое, но эффектное княжение литовца Остея в... Москве. Дело было так. После поражения на Куликовом поле Мамай был убит в Крыму, а ханом Золотой Орды стал его давний соперник Тохтамыш.

Узнав о захвате власти в Орде ханом Тохтамышем, Дмитрий Донской отправил послов с большой данью. Никаких разговоров о том, что можно дань не платить, в Москве не велось. Таким образом, если бы Мамай победил Тохтамыша, то ему не нужно было бы идти на Куликово поле, Дмитрий Иванович сам бы привез дань на блюдечке с голубой каемочкой.

Но после Куликова поля Тохтамыш понял, что у русских произошел определенный психологический перелом. Исправить ситуацию мог только поход-реванш. Хан знал, что русские купцы, торговавшие с татарами, плавающими по Волге, часто являлись шпионами русских князей. Поэтому в 1382 г. Тохтамыш велел внезапно схватить всех русских купцов на Средней Волге, а товары их разграбить. Замечу, случай беспрецедентный, обычно золотоордынские ханы покровительствовали купцам, особенно на Волге.

Все же в Орде нашлись доброхоты, предупредившие Дмитрия Донского о походе Тохтамыша на Русь. Таким образом, Дмитрий имел достаточно времени для сбора войска, тем не менее великий князь поехал «собирать полки». Обратим внимание на его маршрут: Переяславль – Ростов – Кострома. По мнению одних историков, Дмитрий остановился в Костроме, другие же считают, что двинулся на север, к Вологде.

Пardon, но это не тактический маневр, это бегство. Если бы князь думал о сопротивлении татарам, он мог либо отсидеться в Москве, в недавно построенном каменном кремле, либо стать с войском в 30—100 верстах от Москвы, к примеру, в Можайске, Волоколамске, Дмитрове и др. Если бы Тохтамыш осадил Москву, Дмитрий мог бы не допустить движения отдельных татарских отрядов на запад и на север, а главное, угрожал бы осаждающим, в любой момент мог прийти на помощь Москве, например, при штурме ее татарами. Зачем собирать войско в Костроме или в Вологде? Да пока эти рати дойдут до Москвы, татары десять раз успеют уйти в степи. При этом в летописях нет сведений о том, что хоть кого-то там собрал великий князь.

Итак, великий князь бежал, в Москве началась паника. Не хочу фантазировать и процитирую «Повесть о нашествии Тохтамыша», созданную на базе летописных сводов 1408 г.

«Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнуемою в бурю великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал. И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженца-

⁷³ В 1375–1380 гг. Мамай вел борьбу за престол как с Арапшахом (Арапшой), так и с Тохтамышем.

ми, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель».⁷⁴ Передовые татарские отряды подошли к Москве 23 августа 1382 г. Согласно «Повести...»: «И подойдя к городу в небольшом числе, начали, крича, выпрашивать, говорить: „Есть ли здесь князь Дмитрий?“ Они же из города с заборол отвечали: „Нет“. Тогда татары, отступив немного, поехали вокруг города, разглядывая и рассматривая подступы, и рвы, и ворота, и заборолы, и стрельницы. И потом остановились, взирая на город.

А тем временем внутри города добрые люди молились Богу день и ночь, предаваясь посту и молитве, ожидая смерти, готовились с покаянием, с причастием и слезами. Некие же дурные люди начали ходить по дворам, вынося из погребов меда хозяйские и сосуды серебряные и стеклянные, дорогие, и напивались допьяна и, шатаясь, бахвалились, говоря: «Не страшимся прихода поганных татар, в таком крепком граде находясь, стены его каменные и ворота железные. Не смогут ведь они долго стоять под городом нашим, двойным страхом одержимые: из города – воинов, а извне – соединившихся князей наших нападения убоятся». И потом влезали на городские стены, бродили пьяные, насмехаясь над татарами, бесстыдным образом оскорбляли их, и слова разные выкрикивали, исполненные поношения и хулы, обращаясь к ним, – думая, что это и есть вся сила татарская. Татары же, стоя напротив стены, обнаженными саблями махали, как бы рубили, делая знаки издалека.

И в тот же день к вечеру те полки от города отошли, а наутро сам царь подступил к городу со всеми силами и со всеми полками своими. Горожане же, со стен городских увидев силы великие, немало уstraшились. И так татары подошли к городским стенам. Горожане же пустили в них по стреле, и они тоже стали стрелять, и летели стрелы их в город, словно дождь из бесчисленных туч, не давая взглянуть. И многие из стоявших на стене и на забороллах, уязвленные стрелами, падали, ибо больший урон приносили татарские стрелы, чем стрелы горожан, ведь были у татар стрелки очень искусные. Одни из них стоя стреляли, а другие были обучены стрелять на бегу, иные с коня на полном скаку, и вправо, и влево, а также вперед и назад быстро и без промаха стреляли. А некоторые из них, изготовив лестницы и приставляя их, влезали на стены. Горожане же воду в котлах кипятили, и лили кипятком на них, и тем сдерживали их. Отходили они и снова приступали. И так в течение трех дней бились между собой до изнеможения. Когда татары приступали к граду, вплотную подходя к стенам городским, тогда горожане, охраняющие город, сопротивлялись им, обороняясь: одни стреляли стрелами с заборол, другие камнями метали в них, иные же били по ним из туюфяков, а другие стреляли, натянув самострелы, и били из пороков. Были же такие, которые и из самих пушек стреляли. Среди горожан был некий москвич, суконник по имени Адам, с ворот Фроловских приметивший и облюбовавший одного татарина, знатного и известного, который был сыном некоего князя ордынского; натянул он самострел и, угадав момент, пустил стрелу, которой и пронзил его сердце жестокое, и скорую смерть ему принес. Это было большим горем для всех татар, так что даже сам царь тужил о случившемся. Так все было, и простоял царь под городом три дня, а на четвертый день обманул князя Остея лживыми речами и лживыми словами о мире, и выманил его из города, и убил его перед городскими воротами, а ратям своим приказал окружить город со всех сторон.

Как же обманули Остея и всех горожан, находившихся в осаде? После того как простоял царь три дня, на четвертый, на утро, в полуденный час, по повелению царя приехали знатные татары, великие князья ордынские и вельможи его, с ними же и два князя суздальских, Василий и Семен, сыновья князя Дмитрия Суздальского. И, подойдя к городу и приблизившись с осторожностью к городским стенам, обратились они к народу, бывшему в городе: «Царь вам, своим людям, хочет оказать милость, потому что неповинны вы и не заслужили смерти, ибо не на вас он войной пришел, но на Дмитрия, ратуя, ополчился. Вы же достойны

⁷⁴ Воинские повести древней Руси / Состав. Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 282.

помилования. Ничего иного от вас царь не требует, только выйдите к нему навстречу с почестями и дарами вместе со своим князем, так как хочет он увидеть город этот, и в него войти и в нем побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите». Так же и князья Нижнего Новгорода говорили: «Верьте нам, мы, ваши князья христианские, вам в том клянемся». Люди городские, поверив словам их, согласились и тем дали себя обмануть, ибо ослепило их зло татарское и помрачило разум их коварство бесерменское; позабыли и не вспомнили сказавшего: «Не всякому духу веруйте». И отворили ворота городские, и вышли со своим князем и с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, и за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них был убит князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов, и игуменов, хотя и были они в ризах, и с крестами, и черных людей...

Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на зоборолах, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они, сабли их уже не рубили – лезвия их притупились. Люди христианские, находившиеся тогда в городе, метались по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя, и крича, и в грудь себя бия. Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и негде от острия меча укрыться! Лишились всего и князь и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных укрылись, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами иссекли». ⁷⁵

После взятия Москвы Тохтамыш двинулся к Твери. Но Великий князь Тверской Михаил отправил к хану послов со «многими дарами», и Тохтамыш «разослал силы свои татарские по земле Русской завоевывать княжение великое, одни, направившиеся к Владимиру, многих людей посекли и в полон повели, а иные полки ходили к Звенигороду и к Юрьеву, а иные к Волоку и к Можайску, а другие – к Дмитрову, и иную рать послал царь на город Переяславль. И они его взяли и огнем пожгли, а переяславцы выбежали из города; город покинув, на озере спаслись в судах. Татары же многие города захватили, и волости повоевали, и села пожгли, и монастыри пограбили, а христиан посекли, иных же в полон увели, и много зла Руси принесли». ⁷⁶

По версии «Повести...», князь Владимир Андреевич Серпуховской разбил какой-то малый татарский отряд близи Волока-Ламского. Это дало повод московскому летописцу утверждать, что де Тохтамыш испугался и бежал. На самом деле тохтамышево войско спокойно собралось и, обремененное богатой добычей, отправилось к Оке. По дороге татары взяли Коломну, принадлежавшую Москве.

На обратном пути татары основательно пограбили Рязанское княжество. «Царь же переправился через Оку, и захватил землю Рязанскую, и огнем пожег, и людей посек, а иные разбежались, и бесчисленное множество повел в Орду полона. Князь же Олег Рязанский, то увидев, обратился в бегство». ⁷⁷

Лишь тогда приехали Дмитрий Донской и Владимир Андреевич в Москву. «И повелели они тела мертвых хоронить, и давали за сорок мертвецов по полтине, а за восемьдесят по рублю. И сосчитали, что всего дано было на погребение мертвых триста рублей». ⁷⁸

⁷⁵ Воинские повести древней Руси / Состав. Н.В. Понырко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 282–285.

⁷⁶ Там же. С. 288.

⁷⁷ Воинские повести древней Руси / Состав. Н.В. Понырко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 288.

⁷⁸ Там же.

Все русские и советские историки при изложении событий 1382 г. брали за основу «Повесть о нашествии Тохтамыша», ну и прибавляли понемногу отсебятины.

А вот казанский профессор З.З. Мифтахов, опираясь на болгарские летописи, изложил совсем другую историю. С некоторым упрощением, дело было так. Тохтамыш подошел к Москве, но затем отошел, а осаждать город отправил болгарский отряд под началом князя Буртаса, сына погибшего на Куликовом поле Сардара Гарафа. (Мифтахов пишет о трех тысячах болгар при трех пушках с пушечных дел мастером Раилем.)

Князь Остей видел уход основной татарской рати и решил пойти на вылазку, чтобы уничтожить болгар. Из двух московских ворот вылетела тысяча литовских всадников⁷⁹ и четыре тысячи русских.

В ходе битвы князь Остей погиб, а литовцы и русские начали беспорядочный отход. В воротах началась давка. «Тем временем мастер „Раиль, подтащив пушки прямо ко рву, несколько раз выстрелил из них по бегущим в Москву обезумевшим толпам и по башне над воротами“ [„Свод болгарских летописей“. С. 220]. После непродолжительного боя Буртас захватил ворота».⁸⁰

Бой за ворота шел с переменным успехом. И в этот момент к стенам Москвы подошли основные силы Тохтамыша. Татары ворвались в город и учинили резню.

Я предоставляю читателю самому выбрать наиболее достоверную версию событий 23–26 августа 1382 г. Думаю, большинство по укоренившейся традиции предпочтет версию «Повести...». Но я, грешный, более склонен верить болгарской летописи. Дело в том, что и русские, и литовские князья прекрасно знали обычаи татар. От них часто удавалось откупиться, но при этом ворота городов им никогда не открывали.

После разгрома Москвы Тохтамышем в 1383 г. в Орду за ярлыком на великое княжение владимирское отправились конкуренты: тверской князь Михаил Александрович с сыном Александром и Василий, сын Дмитрия Донского. Хан быстро понял, что у тверичей с бабками большая напряженка и 6 декабря 1383 г. послал Михаила Александровича в Тверь «несолоно хлебавши». А за Василия Дмитриевича (будущий Великий князь Московский Василий I, 1371–1425) Тохтамыш вначале потребовал восемь тысяч золотых монет. То ли денег у Донского не было, то ли не особенно жаловал он несильного умом первенца, но Москва денег не дала. Зато в конце 1385 г. молодому князю удалось сбежать.

Как ни принижали большевики роль личности в истории, а ведь именно отдельные личности на столетия определяли развитие одной страны, а то и мира в целом! Одна меткая татарская стрела, выпущенная в спину княжича Василия Дмитриевича, в корне бы изменила русскую историю. Мы не получили бы двух слабых и тугоумных Василиев (I и II), управляемых московскими боярами, не было бы тридцатилетней кровавой гражданской войны на Руси. Московским князем стал бы Юрий Дмитриевич – храбрый воин, мудрый стратег и политик. С ордынской зависимостью было бы покончено в самом начале XV века. Но увы, увы...

А пока целый и невредимый Василий Дмитриевич драпает из Орды, причем, обманывая погоню, устремляется на юг, а оттуда, через Литву, пробирается в Москву. А вот в Литве он оказывается в руках Витовта, который заставил княжича принять ряд обязательств перед Литвой, в том числе жениться на дочери Витовта.

Сам же Витовт в начале 80-х гг. XIV века не на жизнь, а на смерть воюет со своим двоюродным братом Ягайло за власть над Литвой. При этом Витовт, вступив в союз со злейшим врагом Литвы Тевтонским орденом, принимает католичество. Но в 1384–1385 гг. дво-

⁷⁹ Речь идет о ратниках Остей, которые в подавляющем большинстве своем были русскими, а этнических литовцев среди них могло вообще не быть.

⁸⁰ Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань, 2002. С. 282–283.

юродные братья помирились и вместе начали бить немцев, а Витовт поменял католицизм на православие.

Смоленские князья попытались воспользоваться смутой в Литве и отбить город Мстиславль, который принадлежал смоленским князьям, но затем был захвачен литовцами. Чтобы избежать обвинений в предвзятости, процитирую С.М. Соловьева: «В 1386 году смоленский князь Святослав Иванович с сыновьями Глебом и Юрием и племянником Иваном Васильевичем собрал большое войско и пошел к Мстиславлю, который прежде принадлежал смоленским князьям и потом был у них отнят литовцами. Идучи Литовскою землею, смольняне воевали ее, захватывая жителей, мучили их нещадно различными казнями, мужчин, женщин и детей: иных, заперши в избах, сжигали, младенцев на кол сажали. Жители Мстиславля затворились в городе с наместником своим, князем Коригайлом Ольгердовичем;⁸¹ десять дней стояли смольняне под Мстиславлем и ничего не могли сделать ему, как в одиннадцатый день поутру показался в поле стяг литовский: то шел великий князь Скиригайло Ольгердович; немного подальше выступил другой полк – вел его князь Димитрий-Корибут Ольгердович, за полком Корибутовым шел полк Симеона Лугвения Ольгердовича, наконец, показалась и рать Витовтова. Литовские полки быстро приближались; смольняне смутились, увидевши их, начали скорее одеваться в брони, выступили на бой и сошлись с литовцами на реке Вехре под Мстиславлем, жители которого смотрели на битву, стоя на городских забралах. Битва была продолжительна, наконец, Ольгердовичи одолели; сам князь Святослав Иванович был убит одним поляком в дубраве; племянник его Иван был также убит, а двое сыновей попались в плен. Литовские князья вслед за бегущими пошли к Смоленску, взяли с него откуп и посадили князем из своей руки Юрия Святославича, а брата его Глеба повели в Литовскую землю».⁸²

А теперь мы перенесемся в Польшу, где династический кризис инициировал ряд судьбоносных событий, круто изменивших историю Польши и Литвы. В 1370 г. умер польский король Казимир III. Он был бездетен, и на нем на польском престоле пресеклась династия Пястов, правившая с X века. Правда, в Моравии вассальные князья – потомки Пястов – правили до 1526 г., а в Силезии – до 1675 г. После этого Пясты все вымерли. В XVII–XVIII веках же Пястами назывались польские короли или претенденты на престол, которые были просто этническими поляками, а вовсе не прямыми потомками древних Пястов.

Казимир III назначил наследником сына своей дочери Людовика, короля Венгрии, который по отцу принадлежал к Анжуйской династии. Отсюда и его прозвища – Людовик Венгерский и Людовик Анжуйский.

Итак, в 1370 г. Людовик стал одновременно и польским, и венгерским королем. Все двенадцать лет своего правления Людовик постоянно жил в Венгрии и мало уделял внимания Польше.

В 1374 г. Людовик издал так называемый Кошицкий привилей, освобождавший панов и шляхту от всех государственных повинностей за исключением военной повинности в пределах страны и небольшой денежной платы. Он обратил бенефиции польского дворянства в наследственные владения. Кроме того, в этом привилее король обязался назначать на должности в областях только представителей местной знати.

Кошицкий привилей представлял собой первый привилей, выданный польскому дворянству – панам и шляхте – как сословию. До этого времени существовали лишь привилегии типа иммунитетов, выдававшиеся отдельным лицам. Время правления Людовика Венгерского отличалось крайним своеволием шляхты, грабежами, разбоями и другими проявлениями феодальной анархии.

⁸¹ Коригайло Ольгердович (ум. в 1391 г.). Православное имя Константин, католическое Казимир.

⁸² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II. С. 306.

Кошицкий привилей свел уплату податей шляхтой и панам к чистой формальности, тем самым значительно уменьшив постоянные доходы короля и поставив финансы государства в зависимость от панов и шляхты. Для разрешения новых податей шляхта стала собираться на местные съезды – сеймики, которые скоро стали органами власти шляхты на местах.

В 1382 г. умер Людовик Венгерский. Он не имел сыновей и поэтому назначил наследником польского престола мужа своей старшей дочери Марии Сигизмунда – маркграфа Бранденбургского, сына чешского короля и немецкого императора Карла IV. Но польские вельможи решили присягнуть второй дочери Людовика, одиннадцатилетней Ядвиге, и самим выбрать ей мужа.

Но самое забавное, что Ядвига была уже... замужем. Ее обвенчали в 7 лет с десятилетним австрийским герцогом Вильгельмом. Но сразу после церемонии детишкам объявили, чтобы они шли по домам, а выполнять супружеские обязанности Ядвига должна была начать с 12 лет.

Ряд польских магнатов нашли Ядвиге нового мужа – мазовецкого князя Семовита, прямого потомка Пястов. Немедленно началась кровавая уособица между сторонниками Сигизмунда и Семовита.

В ходе войны оба претендента успели разонравиться польским магнатам, и было решено сделать Ядвигу королевой и подыскать ей еще одного жениха. В 1385 г. к Ядвиге прибыли литовские послы и предложили ей в мужья князя Ягайло. Послы обещали, что жених и все его родственники, вельможи и народ примут католичество, все польские пленные, захваченные литовцами в предыдущих войнах, будут отпущены без выкупа, Ягайло поможет вернуть Польше все потерянные земли, привезет в Польшу некоторые отцовские и дедовы сокровища, заплатит некую сумму Вильгельму австрийскому за отказ от жены.

Однако Ядвига и слышать не хотела о сыне Ольгерда. По ее зову в Краков приезжает герцог Вильгельм. Он тайно проникает в замок Вавель, где жила Ядвига. Супруги на радостях устраивают пир. Но когда Ядвига уходит в спальню, на неудачливого мужа нападают свирепые придворные паны, и Вильгельму приходится спешно ретироваться через окно по веревочной лестнице. Полуодетая Ядвига выскакивает во двор, но дубовые ворота заперты. Придворные не решаются дотронуться до своей королевы, но и не открывают ворота. Тринадцатилетняя жена-девственница хватается тяжелый топор и рубит дубовые ворота. Ударив несколько раз, королева убедилась в напрасности своих усилий, бросила топор и горько заплакала. Тогда один из вельмож упал перед ней на колени и стал умолять пожертвовать своим личным счастьем для блага отечества.

Плачущая девочка пошла в церковь, где ксендзы начали петь ей ту же песню, что и придворные. Ради такого случая ксендзы объявили ее брак фиктивным, то есть не имеющим законной силы.

А между тем Ягайло с большой свитой приближался к польской столице. Вельможи вновь стали уговаривать Ядвигу не отказываться от брака с литовским князем и заслужить славу просветительницы его народа. В конце концов уговоры, а также появление самого Ягайло, который оказался не уродливым варваром, а мужчиной вполне приятной наружности, оказали нужное воздействие на королеву.

14 августа 1385 г. в местечке Крево был подписан акт об унии (объединении Литвы и Польши). С литовской стороны его подписали Великий князь Литовский Ягайло и его братья Скиригайло, Корибут, Витовт и Лугвен. Они обязались принять католичество и крестить все литовское население, обратить литовскую казну на нужды Польского королевства, помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, и, главное, навсегда присоединить к Польскому королевству Великое княжество Литовское. Замечу, что польские

паны сами толком не знали, с кем они объединяются. В частности, в старопольском языке литовец назывался *gusín* (русин), то есть так же, как ляхи в X–XIII веках называли русских.

Весной 1386 г. совершилось бракосочетание Ягайло с Ядвигой, имевшее огромное значение для судеб государств Восточной Европы. Согласно условиям унии, Ягайло отрекся от православия, а имя Ягайло переименовал на имя Владислав. Ему последовали родные братья Ольгердовичи, в который раз сменил веру и двоюродный братец Витовт, приехавший на свадьбу. Так Ядвига вышла замуж за Ягайло, не разведясь с Вильгельмом, что, впрочем, не помешало в 1399 г. папе Иоанну Павлу II объявить королеву Ядвигу блаженной.

Одним из первых деяний нового короля стала инкорпорация, то есть включение литовских, малороссийских и белорусских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей присяжных грамот на верность «королю, королеве и короне польской», что по нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными им землями в подданство к польскому королю.

В 1386 г. вместе с князьями литовских и белорусских земель присяжные грамоты подписали киевский князь Владимир, волынский князь Федор Данилович и новгород-северский князь Дмитрий-Корибут. Примечательно, что новгород-северские князья и бояре, в свою очередь, поручились за своего князя, обещая не поддерживать его в случае, если он вознамерится выйти из-под власти Польского королевства. Федор Данилович и другие волынские князья в 1388 г. поручились за волынского князя Олехна.

Обратить население Великого княжества Литовского в католичество оказалось нелегко. Католиков там к 1385 г. почти не было. Православие в Литве распространялось почти 150 лет, но очень медленно, поскольку, как писал С.М. Соловьев, оно «распространялось само собой без особенного покровительства и пособий со стороны власти». Так, к примеру, в столице Вильно около половины жителей исповедовали православие. В сельских же местностях Литвы население было почти на сто процентов язычниками. Соответственно население Малой и Белой Руси было на сто процентов православным.

Католические миссионеры рьяно взялись за обращение в свою веру население Литвы. Чтобы склонить феодалов к переходу в католичество, король 20 февраля 1387 г. дал привилей литовским боярам, принявшим католичество, «на права и вольности», которыми пользовалась польская шляхта. Этот привилей даровал литовским боярам-католикам право неотъемлемого владения и распоряжения своими наследственными имениями. Крестьяне этих имений освобождались от большинства государственных повинностей, кроме строительства и ремонта замков. Почти одновременно был издан другой привилей, который разрешал всем литовцам принять католичество, запрещал браки между литовцами-католиками и православными, а православных, состоявших в браке с католиками, под страхом телесного наказания принуждал к принятию католичества. Имения католической церкви освобождались от всех государственных повинностей, а само духовенство – от юрисдикции светского суда.

Тем не менее большинство православных и язычников в Литве сохранило свою веру. Православным остался даже родной брат Ягайло Скиригайло.

При Ягайло в Литве появились первые «православные мученики», ставшие жертвами католического фанатизма. Видимо, и православные периодически давали отпор. Так, известно, что Андрей Ольгердович, княживший в Пскове, двинулся в Литву и вторично овладел Полоцком. При этом Андрей заявил, что Ягайло, приняв католичество, не имеет более права владеть православными областями. Андрей объединился с немецкими рыцарями, которые опустошили литовские владения больше чем на сто верст. Война эта кончилась тем, что другой брат Ягайло, Скиригайло, взял Полоцк, захватил в плен Андрея, а его сына убил.

Следствием унии стала и ликвидация удельных княжеств на русских землях, находившихся в вассальной зависимости от Великого князя Московского.

В 1387 г. у удельного князя Острожского Федора Даниловича по приказу Ягайло изымается Луцкая земля и передается во владение «до королевской воли» (то есть во временное владение) Витовту. Старостой же Луцка, то есть соправителем Витовта, Ягайло назначает поляка – сандомирского каштеляна⁸³ Креслава из Курозвенков. В 1390 г. князь Федор Любартович по воле короля теряет последнюю волость своего Волынского княжества – Владимир-Волынский с окрестностями. Так волыньские земли перешли в непосредственную зависимость от Польского королевства. Весной 1393 г., потерпев поражение в сражении под Докудовом с войском Витовта и Скиригайло, лишается своего удела новгород-северский князь Дмитрий-Корибут Ольгердович. Наместником же в Новгород-Северское княжество король назначает утратившего свой волыньский удел князя Федора Любартовича.

Весной 1393 г. Витовт во главе польского королевского войска вторгся в Подолию и занял замки Брацлава, Каменца, Смотрича, Скалы и Чернева. Подольский князь Федор Кориатович бежал в Закарпатье, а Витовт получил Брацлавщину от короля в вассальное владение. Западная Подолия с центром в Каменце стала еще более зависима от Польши, издавна претендовавшей на эти земли. В 1395 г. грамоту короля Ягайло на владение Западной Подолией «на полном княжеском праве» получил краковский воевода Спытко Мельштинский.

Киевский удельный князь Владимир Ольгердович по настоянию Ягайло выдал ему одну за другой три присяжные грамоты (в 1386, 1387 и 1388 гг.) с обещанием верности ему и польской короне. Обратим внимание, как сразу же ляхи положили глаз на Киев! В конце 80-х – начале 90-х гг. XIV века возникла очередная усобица между Ягайло и Витовтом, но в 1392 г. они заключили мир. По нему князь Скиригайло Ольгердович потерял литовские владения, а взамен ему дали Киевскую землю. Однако окончательно выбить князя Владимира Ольгердовича из Киева удалось лишь в 1395 г. Взамен Витовт дал ему маленький Копыльский удел. Владимир «бегал в Москву», ища помощи у московского князя, но безуспешно, и дожил свой век в Копыле. Но захоронен он был, однако, в Печерском монастыре.

Скиригайло не просидел в Киеве и года и умер 10 января 1397 г., не оставив потомства. Предположительно он был отравлен. Киевская земля отошла к Витовту. Но он не отдал ее, по обычаю своему, близкому родственнику, а назначил в Киев наместника Ивана, сына Ольгимунта, князька Гольшанского.

Тут мы сделаем маленькое отступление, чтобы показать планы Витовта в отношении Северо-Западной Руси. В 1398 г. Витовт заключил договор с Тевтонским орденом, пообещав помощь в завоевании Пскова. За это орден обязался помогать Витовту в завоевании Великого Новгорода. Но поход этот был отложен, поскольку Витовт посчитал, что вмешательство в ордынские дела сулит ему гораздо большие выгоды.

Хан Тохтамыш, изгнав своего конкурента Тамерлана на юг, утвердился было на золотоордынском престоле, но вскоре сам был изгнан ханом Темир-Кутлуем. Тогда Тохтамыш вступил в союз с Витовтом, который обещал ему возвратить престол с тем, чтобы хан потом помог ему овладеть Москвой.

В 1399 г. Витовт собрал огромное войско: кроме руси, литвы, жмуди и тохтамишевых татар, были полки волошские, польские и немецкие (находившийся в то время в мире с Витовтом великий магистр Тевтонского ордена прислал ему большой отряд). Летописец одних князей только насчитал в этом войске до пятидесяти человек.

Перед началом похода к Витовту прибыли послы от Темир-Кутлуя с посланием хана: «Выдай мне беглого Тохтамыша, он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива жизнь наша. Нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своих, не только что чужих, а хан Тохтамыш чужой мне и враг мой, да еще злой враг. Так выдай мне его, а что ни есть

⁸³ Каштелян – второе лицо в воеводстве, он ведал в основном военными делами.

около его, то все тебе». Витовт велел ответить на это: «Хана Тохтамышша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуем хочу видеться сам».

Свидание состоялось на берегу реки Ворсклы. Войска Витовта первыми атаковали татар. Замечу, что Витовт в бою широко использовал пушки и пищали. Но огнестрельное оружие было татарам не в новинку и не решило дела. Свежие татарские полки атаковали с флангов войско Витовта и устроили ему небольшие «канны».

Поражение было страшным, Витовт бежал с несколькими дружинниками, а татары гнались за ним пятьсот верст до самого Киева. Встав под стенами города, Темир-Кутлуй распустил свое войско «воевать Литовскую землю, и ходила татарская рать до самого Луцка, опустошив все на своем пути». Киев откупился тремя тысячами рублей, причем Печерский монастырь дал от себя тридцать рублей, и хан ушел в свои степи, оставив Литовскую землю «в плаче и скудости».

После Ворсклы Витовт притих и в 1400 г. заключил мир с Великим Новгородом «по старинке». А в это время смоляне, которых тяготило литовское господство, вошли в сговор со своим князем Юрием Святославичем, жившим у тестя князя Олега Ивановича в Рязани. Юрий пришел к тестю и стал просить: «Пришли ко мне послы из Смоленска от доброхотов моих, говорят, что многие хотят меня видеть на отчине и дедине моей. Сотвори, господин, христову любовь, помоги, посади меня на отчине дедине моей, на великом княжении Смоленском».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.